



Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

Спецвыпуск

2015

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**



PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

SPECIAL ISSUE

2015

УДК 32
ББК 66
П 27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»

E-journal «Perspectives and prospects»
2015
Спецвыпуск

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК 32
ББК 66

Москва

Содержание:

Леонтий Бызов. Анатомия консервативного большинства	3
Сергей Бирюков. Образ современной России: западные стереотипы и российские реальности	19
Вадим Трухачев. Чехия как партнер России	34
Владимир Кондратьев. Зачем нужны государственные нефтяные компании?	52
Петр Яковлев. Бразилия на пути к статусу глобальной державы (военно-промышленный ракурс)	68
Елена Пинюгина. Религиозные основы национальной идентичности и иммиграция: австрийский казус	81
Authors, abstracts, key words	98

Contens:

Leontiy Byzov. Anatomy of conservative majority	3
Sergey Biryukov. Image of modern Russia: Western stereotypes and Russian reality ...	19
Vadim Trukhachev. Czech Republic as a partner of Russia	34
Vladimir Kondratev. Why are state-owned oil company necessary?	52
Petr Yakovlev. Brazil on the way to global power status (military-industrial aspect)	68
Elena Pinyugina. Religious foundations of national identity and immigration: the Austrian case	81
Authors, abstracts, key words	98

Леонтий Бызов

Анатомия консервативного большинства

Аннотация: Статья посвящена ценностям и особенностям мировоззрения современных россиян. На материале исследований, проведенных Институтом социологии РАН и ВЦИОМ, автор показывает, что сложившееся в современной России противостояние консервативного большинства и либерального меньшинства во многом носит искусственный характер, так как апеллирует к архетипическим пластам массового сознания и не всегда соответствует реальным жизненным установкам.

Ключевые слова: консерватизм, неоконсерватизм, либерализм, национальная субъектность, традиционализм, ценности, общественное мнение, архетипическое сознание, идейный раскол общества.

Для обозначения ценностного и мировоззренческого раскола в современном российском обществе уже сложились и вошли в оборот такие термины, как «консервативное большинство» и «либеральное меньшинство», «креативный класс», «русская Европа» против «русской Азии». Стоящие за этими понятиями явления, реальные или виртуальные, важнейшим фактором внутренней политики, так как и власть и оппозиция стремятся, каждая по-своему, «угодить» своей потенциальной социальной базе. Среди интеллектуальной элиты страны все сильнее укрепляется мнение, что опорой нынешней власти является консервативная периферия российского общества, численно в разы превосходящая его либеральное городское ядро. Это ядро часто называется «антисистемой», «малым народом», «пятой колонной» (показательно, что массовые молебны, проведенные РПЦ 22 апреля 2012 г., многими были восприняты как «антилиберальные молебны» [1]).

Нашему поколению, хорошо помнящему разгул антинационального либерализма, дорвавшегося до власти в 1990-е, все эти эпитеты не кажутся большим преувеличением. Вопрос лишь в том, чего можно ждать от представителей другого общественного полюса — консервативного большинства. Сможет ли оно укрепить национальное единство и стать основой постепенно формирующейся новорусской нации? Насколько, в конце концов, оно консервативно и насколько традиционно?

Дело в том, что власть в последние два года постоянно инициирует как бы нарочито «реакционные» в глазах либералов законопроекты, рассчитанные на успех у «традиционалистов». Консервативное большинство (по умолчанию отождествляемое с «традиционалистами») во все большей степени рассматривается в качестве опоры власти, охранительной политики и идеологии, а относительно немногочисленные городские либералы с их установками на модернизационное развитие по образцу Запада в этих

Сведения об авторе: Бызов Леонтий Георгиевич — старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат экономических наук. Leontiy13@mail.ru.

условиях обречены на бессильные протесты, внутреннюю и внешнюю эмиграцию. Эксперты уже давно называют В. Путина лидером новых консерваторов, и в своем Послании ФС президент это сам обозначил: «Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию». [2] Тренд неоконсерватизма (по замыслу тех, кто пытается найти в нем новую российскую идеологию) основывается на семейных, традиционных ценностях и государственничестве — в последний год весь мир неоднократно наблюдал последовательность и твердость этой позиции. Важный вопрос: адекватно ли культурное состояние общества этому тренду, что здесь органично, а что навязано политиками и политехнологиями?

За вроде бы очевидными политическими данностями многие культурологи и публицисты видят еще более глубокий цивилизационный раскол, проходящий через всю русскую историю, в разные времена принимавший форму противостояния староверов и никониан, Москвы и Петербурга, западников и славянофилов., «Архаическое сознание сохранилось в России до сегодняшнего времени, и большая часть населения нашей страны до сих пор живет в «добуржуазном» обществе, — утверждает кинорежиссер Андрон Кончаловский. — В этом смысле наше государство имеет больше общих черт с африканскими государствами, чем с европейскими. В России ...граждан нет, есть население» [3]. Этой архаической массе, по мнению Кончаловского, «противостоит немногочисленный слой, который славянофил Хомяков сравнивал с европейским поселением, заброшенным в страну дикарей, и он за двести лет, развиваясь и умножаясь, создал всю культуру, которой Россия сегодня гордится. Все, что было создано за какие-нибудь двести лет, все, что повлияло и обогатило мировую культуру, было создано «малой» нацией русских европейцев [4]». Кстати, примерно то же самое любят говорить и некоторые современные русофилы, правда, делая противоположный (в оценочном смысле) вывод.

Рассуждения западника, сторонника европейского выбора А. Кончаловского очень похожи на правду, но одновременно и упрощают эту «правду», которая, если разобраться в ней с помощью практической социологии, оказывается более противоречивой и даже «нелинейной».

То же можно сказать о концепции известного экономгеографа Натальи Зубаревич, которая увязывает раскол в ценностях и образе жизни современных россиян с региональным и поселенческими факторами. По ее оценке, «Россия-1» — это города свыше 500 тыс. жителей. «Россия-2» — города от 50 тыс. до 500 тыс. жителей. «Россия-3» — города и сёла с населением менее 50 тыс. жителей. «Россия-4» — республики, ещё не прошедшие индустриализацию. Россияне как единая нация не сложились и продолжают жить в нескольких параллельных социальных вселенных, взаимодействующих друг с другом лишь на формальном уровне. Жители «России-2» боятся радикальных перемен и голосуют за стабильность; они очень сильно пострадали от безработицы в начале 90-х годов, поэтому второй эпохи перемен им не надо. Здесь вырисовывается уже более сложная картина, в которой роль консервативной периферии игра-

ют «Россия-3» и «Россия-4», роль модернизационного меньшинства — «Россия-1», а «Россия-2» проявляет черты как того, так и другого [5].

Есть и другие подходы к описанию современной России.

За последний год автор участвовал в нескольких фундаментальных исследованиях, проведенных Институтом социологии РАН [6] и ВЦИОМом [7], одной из приоритетных целей которых и было разобраться во всех этих противоречиях как с общих, так и с политически конъюнктурных позиций. Анализ результатов этих исследований показывает, что ценностный раскол действительно существует, однако он проявляется в наибольшей степени на уровне деклараций, вербальных характеристик, в меньшей степени — на уровне политических установок, в еще меньшей — на уровне поведенческих моделей и мотиваций. Значительная часть «консервативного большинства» (своего рода «большинство в большинстве») характеризуется переходными чертами. При этом декларируемые ценности носят характер консервативный, политические установки, чаще всего, — конформистский, а социально-экономическое и бытовое поведение типично для низших этажей массового потребительского общества, и в нем сложно найти какие-то приметы глубокого традиционализма и характерных для него моральных парадигм.

Действительно, консерватизм и традиционализм — отнюдь не тождественные понятия. Как пишет известный культуролог, профессор Андрей Пелипенко, «нередко упускают из виду, что историческая Русь/Россия постоянно меняла свою геополитическую конфигурацию, этнический состав, идеологические доктрины, не говоря уже о вариациях краткосрочных исторических конъюнктур» [8]. Главная же причина разложения «русской матрицы», по мнению автора, заключается в духе индивидуализма, партикуляризма и частного интереса, который, проникая во все поры общественных отношений, вытесняет парадигму сопричастности к «большаку» (т.е. Власти) и жертвенного служения делу империи.

Этой же теме посвящена редакционная статья в газете «Ведомости». Как утверждает газета, «если классический консерватизм держится на персональной ответственности и правовом сознании как основе социального порядка, то в России он опирается на пассивное и сторонящееся ответственности большинство, не уверенное в своих правах и готовое жертвовать ими ради «порядка». Напрашивается вывод, что российский консерватизм представляет собой нечто противоположное консерватизму классическому. «Власть культивирует в широких слоях населения отношение к себе как к подателю всех благ, отрицая автономные институты — главную опору консерватизма, то есть формирует «антиконсервативное» общество. Наверху же процветает свободный от ценностей популизм, позволяющий как угодно жонглировать словами» [9].

Думается в этой связи, что современная консервативная волна является не столько имманентной характеристикой российского общества, сколько его этапом. Общественная жизнь движется по законам маятника, политический разогрев сменяется

застоем, слишком длительный застой снова делает востребованными перемены. Вот и нынешняя консервативная волна, длящаяся в России уже более 15 лет, является, в первую очередь, реакцией общества на радикальные перемены, сопровождавшиеся политической смутой, разрушением государственных и общественных институтов, имевших место на рубеже 80-х и 90-х годов минувшего века. Тяготы радикализма и постепенное стирание из памяти характерных черт старого режима приводят к накоплению социальной усталости и усилению ностальгических настроений. Формируется новая конфигурация власти, происходит сближение элит на умеренных основаниях, постепенно складывается новый социально-политический и экономический консенсус. Процесс выхода из революции есть процесс укрепления государственной власти, что предполагает постепенное сближение позиций различных элитных групп [10].

Консенсус проявляется в доминировании практически во всех группах общества таких ценностей, как порядок, социальная справедливость, сильное государство, держава. Причем эту сложившуюся иерархию ценностей не могут поколебать никакие конъюнктурные политические процессы и события. Около 10 лет назад исследование, проведенное ВЦИОМом при участии автора [11], выявило лидирующие ценности, которые, по мнению опрошенных, способны объединить страну в общество «нового порядка». Это стабильность (44%), законность и порядок (37%), сильная держава (35%), справедливость (24%). При этом «социально-консервативная» картина «общества идеала» не носила мобилизационного характера, выделенные цели не требовали жертв и напряжения — скорее наоборот, это было общество покоя и достатка, причем покой в широком смысле слова оценивался даже выше, чем созидательные цели (такие как упорный труд, богатство и процветание, прогресс и развитие). Россияне устали от перемен, устали от необходимости постоянно «крутиться» и рисковать, им хочется покоя, социальных гарантий и безопасности. Консенсусной ценностью, объединившей самые разные группы общества, стали патриотизм и признание «особого пути России» (в него верили более 70% опрошенных россиян). В то же время общество уже тогда продолжало оставаться глубоко антимобилизационным. В том же году 60% опрошенных заявляли о своей неготовности к каким бы то ни было жертвам во имя какой бы то ни было «великой цели» (за исключением угрозы безопасности для себя и своих самых близких).

Спустя почти семь лет, в ходе электорального панельного исследования ВЦИОМ [12], большая часть ключевых групп общества (разных по своей идеологической ориентации) на первое место ставили порядок, а на второе — справедливость. Высокое место во всех группах занимала ценность стабильности, причем в протестных группах даже в большей степени, чем в лоялистских. Групп, готовых поддержать революцию или перемены, связанные с риском нестабильности, в обществе практически не было обнаружено. Таким образом, парадигмы консервативного и умеренно-консервативного сценариев продолжают доминировать в общественном сознании в целом. Как видно из табл. 1, лишь относительно небольшая по объему протестная группа, составляющая менее трети от всей численности либералов, не включила ценность «порядка» в четверку важнейших.

Таблица 1

Доминирующие ценности в либеральных и консервативных группах россиян по методике семантического балкона [13]

протестные консерваторы	лояльные консерваторы	лояльные либералы	протестные либералы
27 справедливость	18 порядок	19 порядок	22 справедливость
21 порядок	17 справедливость	17 справедливость	20 нация
18 стабильность	14 успех	17 государство	20 стабильность
15 патриотизм	14 стабильность	15 успех	18 права человека

Об этом же говорят и недавние исследования ФОМ. По словам ведущего аналитика ФОМ Л. Паутовой [14], «интересно было столкнуть эти две ценности (порядок и свобода), и вопрос был сформулирован хитро: «Вы можете про себя сказать, что для вас стабильность важнее свободы?» 76% говорят, что них порядок все-таки важнее свободы. ...Свобода, она приятна, но она, может быть, даже опасна для людей, поэтому они выбирают стабильность. «Мы находимся в том состоянии, где важнее ценности порядка, стабильности, благополучия, отсутствия угроз, нежели та же самая свобода, движение, творчество, самореализация, которые, я считаю, связаны с идеей свобод.» [15]

Российское общество после периода смуты перешло в другую фазу политического развития. Это фаза усиления консервативных тенденций — буквально во всех сферах. Ценности демократии и другие ценности, которые были очень популярны в 1990-е годы, ушли на задний план. Сегодня нельзя сказать, что общество их отрицает. Теоретически общество за демократию — за выборы, за политически свободные СМИ (цензуру, правда, хотят вводить, но не политическую, а нравственную), за свободу передвижений, против вмешательства государства в частную жизнь. Но актуальность этих ценностей снижена до второго, третьего, четвертого порядка.

Теперь немного о «традиции». На извечное тяготение России к деспотической форме правления часто списывают те элементы нефеодализма, которые и правда легко заметить в нашей политической реальности. На бумаге Россия — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Но на практике в ней есть немало и от монархического строя, и от любой азиатской деспотии. Важный вопрос — ценности или институты «виновны» в политической отсталости России в ее нынешнем виде? А может быть, нет смысла говорить о вине, и то, что выглядит отсталостью, является элементом того самого «особого российского пути», который отмечают почти три четверти россиян?

Консервативная волна, как любая волна, явление преходящего порядка, и само по себе ее появление не позволяет говорить о консерватизме как имманентном элементе базовой архетипической матрицы современной русской нации (или, если угодно, протонации). Как мне уже доводилось писать, в результате исторического витка возник тот феномен, который мы называем неоконсервативным синтезом. Сегодня носителями консервативных ценностей, ценностей порядка, являются не только традиционалистская периферия, но и большинство городского среднего класса. Запрос «новый поряд-

док» в первую очередь исходит именно от этого нового российского среднего класса, сформировавшегося за последнее десятилетие с небольшим. Среднему классу нужен твердый государственный порядок, гарантирующий ему завоеванное место, он патриотичен, пусть хотя бы на словах, он даже националистичен. В то же время общество, как бы сбиваясь в кучу в рамках консервативного синтеза, в рамках протонации остается крайне атомизированным.

Зафиксируем три составные части «консервативного большинства» с различным историческим генезисом.

1. Сохранившаяся в России периферия с элементами традиционного общества и традиционных горизонтальных связей. Это частично некоторые национальные республики в составе РФ, а также настоящая «русская глубинка» — все эти Кологривы и Чухломы, Кадомы и Ярански, сильно ослабленные алкоголизмом, отъездом молодежи, общей депрессивностью, всепроникающим телевизором с сериалами и блокбастерами, но все-таки остающиеся Россией — без всяких навыков и сослагательных. О русской деревне и говорить не хочется — ее уже лет 40 как оплакали наши великие писатели-деревенщики, а то, что называется «селом» сегодня, к традиционному русскому селу имеет косвенное отношение.
2. Выделенная Н. Зубаревич та часть городского населения, которая проживает в депрессивных городах, работает на малорентабельных предприятиях и не способна выжить в «свободной» экономике без прямой поддержки государства. Если верить рассуждениям некоторых экономистов, таких балансирующих на грани рентабельности предприятий в России до 60%. К этой категории населения можно смело прибавить пенсионеров и бюджетников, в том числе наиболее массовых профессий. В конце 1990-х именно по их магистральному общественному запросу были приостановлены разрушительные реформы и начался тот политический феномен, который сегодня называют «путинизмом». Консерваторы? Да, но никак не традиционалисты, если, конечно, вести традицию с более отдаленных времен, чем поздние годы советской власти. Вот как мы охарактеризовали эту ключевую для понимания сути процессов группу в ходе уже цитированного исследования «Русская мечта»: наиболее массовый слой россиян, с одной стороны, сохранивший на парадном уровне ориентацию на традиционалистские ценности и установки, нуждающийся в экономической и социальной опеке со стороны государства, с другой — утративший механизмы социальных связей, характерные для традиционного общества, и ориентированный на ценности общества массового потребления, не готовый к любой форме социальной мобилизации. Объем этой группы составляет несколько более 50% от общей численности россиян. Учитывая во многом общие декларируемые ценности, методы массового опроса не всегда способны надежно отделить ее от группы жителей «традиционной России».
3. Наконец, значительная часть российского среднего класса, появившегося на свет уже в XXI в. Это вполне адаптивная, даже буржуазная часть общества, с большими потребительскими запросами и высокой социальной самооценкой. Как и весь наш новый средний класс, он во многом вырос на «особых» связях с государством, а не на вольном бизнесе. Он заинтересован в сочетании стабильности и развития, силь-

ном государстве и внутри и вовне, с сильной политикой, со сложившимися правилами игры, если и не исключаящими, то минимизирующими произвол. Эти новые русские буржуа уж точно не традиционалисты.

Теперь попытаемся немного порассуждать о культурно-исторической составляющей этой консервативной волны. В отличие от процитированных ранее А. Кончаловского и Н. Зубаревич, рассматривающих нынешнюю консервативную Россию в качестве носителя вековых традиций, противостоящих западным либеральным идеям, мы не видим в консервативной волне сколько-нибудь значительной традиционалистской составляющей.

Таблица 2

**Идеалы в истории России,
характерные для основных типов российского общества [16]**

идеалы	умеренные либералы	радикальные либералы	консерваторы-державники	консерваторы-социалисты
дореволюционная Россия	20	13	13	7
первое десятилетие советской власти	2	5	4	7
последние десятилетия советской власти	6	10	5	24
Перестройка	4	3	2	6
реформы 90-х	3	2	3	2
современный период	37	31	38	30

«Всеобщее смешение народов», гибель крестьянства в 1930-е гг., Великая Отечественная война — все это практически пресекло живую русскую традицию, которая стоит не на бронзовых памятниках Петру, а на семейном предании, обычаях, институтах горизонтального общения, общине. Сегодня не более 3–4% россиян сохранили память о своих предках, живших в дооктябрьской России, а идеалом этот период называют в среднем 12–13% опрошенных. Если брать более поздний период — советская нация сложилась в послевоенное время, когда страна из крестьянской стала городской и выросли первые поколения, уже почти ничего не знающие о своем крестьянском прошлом. Для такого традиционализма больше подходит термин «советский традиционализм», со всеми плюсами и минусами этого социального феномена. Вспомним книгу Ю. Левады «Советский человек», в которой покойный Юрий Александрович наделил данный тип сознания всеми мыслимыми негативными чертами — патологической лживостью, лицемерием, безответственностью, жадностью и т.д. и т.п. Не все, включая автора данной статьи, готовы полностью с этим согласиться.

Третья составляющая нынешнего консервативного состояния умов — продукт нынешних, «путинских» времен. Не случайно большая часть консервативного большинства готова поддержать «Единую Россию», а не монархистов или коммунистов. Это уже вовсе не традиционалистское явление. Неоконсервативный синтез, характерный

для нынешней политической эпохи, охватил буквально все социальные группы. Если в 1990-е гг. мы видели очень большую ценностную и идеологическую сегментацию, общество делилось на разные группы в идейном направлении, то сегодня к ценностям порядка, справедливости, стабильности тяготеют электораты всех основных политических партий, различия между которыми, с точки зрения идеологии, становятся все менее выраженными. Общество вообще не желает сегодня делать выбор между разными идеологиями, а стремится к их синтезу. Нынешняя власть худо-бедно как раз предлагает людям этот синтез. И каждый видит или готов видеть в том же Путине то, что хочет сам. Он многоликий: и либерал и антилиберал, и рыночник и чекист, — человек на все вкусы. Образцовое порождение нового среднего класса, он на нем базируется. Путин меньше устраивает самых бедных и самых богатых, его база — середина, а вовсе не традиционалистская периферия, как, возможно, начал полагать он сам.

Россияне мечтают о спокойных, стабильных временах, образцом которых является отчасти современная, «путинская» Россия, отчасти (для социал-консерваторов) — последние десятилетия советской власти. Даже сегодняшние российские левые не воспринимают как идеал эпоху революционных потрясений. На смену коммунистической идеологии еще в советские времена, в их последние десятилетия пришла идея, которая никогда не провозглашалась официально «идеологией большинства», но фактически именно такой и стала — это идея частной жизни. Вспомним, сколько сил стали отдавать тогда еще советские граждане обустройству своих дачек, садовых участков, квартир, своего быта. Если посмотреть на реальные перемены, произошедшие с нами за последние два-три десятилетия, не через призму политики, а через призму быта, то отчетливо видно, как энергия преобразования страны — крупныхстроек, обороны, большой науки — вся растеклась по частным ручейкам. Отгородись от всех забором, железными дверями, если есть средства — строй коттедж, нет — делай пристройку к веранде, — вот эта стихия частного быта, которую классики марксизма назвали бы мелкобуржуазной, сформировала психологию общества массового потребления. Именно это обстоятельство сегодня и определяет пределы того левого, социалистического или социал-демократического проекта, который многие видят в качестве новой национальной идеи, способной сплотить российское большинство. Общество в целом пока безусловно не готово к каким-либо жертвам во имя общего блага или общих целей, то есть никакая мобилизационная идеология, даже под популярными левыми лозунгами социальной справедливости, не может рассчитывать на поддержку большинства. Особенно это касается молодых и относительно молодых поколений россиян. 72% опрошенных социал-консерваторов, как и большинство других групп общества, полагают, что «важно лишь собственное благополучие и благополучие моей семьи»; и лишь 28% считают, что «жить стоит ради общей цели, которая бы нас всех объединяла». Больше всего индивидуалистов среди правых либералов (82%), но в данном случае это вполне соответствует «витринной» идеологии названной группы общества. Эти показатели носят достаточно стабильный характер; так, в ходе исследования ИС РАН о «Русской мечте» 79% отдали предпочтение «собственному благополучию» перед «жизнью ради общих целей» и 73% согласились с мнением, что личные интересы — это главное для человека.

Наша партийно-политическая система плохо отражает реалии идейного противостояния в современной России. Поэтому в ходе электоральной панели ВЦИОМ (ноябрь 2013 г.) были заданы вопросы не о реальных партиях, а о неких гипотетических конструкциях, построенных вокруг основных общественных идеологем.

У нас в стране много различных партий, общественных движений. Каким общественно-политическим силам Вы больше всего симпатизируете? (ТОЛЬКО ОДИН ОТВЕТ).

- Коммунистам 12,2%;
- Социалистам, социал-демократам, другим левым 4,8%;
- Сторонникам сильного и социально ориентированного государства 19,4%;
- Сторонникам сочетания сильного государства и рыночной экономики 12,3%;
- Русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из южных регионов 4,0%;
- Сторонникам возрождения страны как великой державы 18,9%;
- Тем, кто выступает за сближение с Европой, с Западом, за современную западную демократию 2,3%;
- Сторонникам сокращения вмешательства государства в экономику и свободного развития бизнеса 2,1%.

Две самые популярные позиции — это сильное и социально ориентированное государство (19%) и возрождение страны как великой державы (чуть меньше 19%). Значит, с точки зрения идейного наполнения в консервативной волне присутствуют две главные составляющие — социальная и державническая. По своим социальным характеристикам представляющие их группы имеют много общего. Только если на социальном государстве больше настаивают зависимые от государства и не слишком адаптивные бюджетники, то «великую державу» выбирают, столь же часто и представители успешного среднего класса. Коммунисты составляют левую периферию консервативного большинства, а «сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики» — правую. Хотя часть этой группы (около 18%) все-таки тяготеет к либеральной оппозиции. Сами же либералы, сторонники сближения с Европой и Западом (2,3%) вместе со сторонниками сокращения вмешательства государства в экономику (2,1%), не дотягивают даже до 5%. Эту электоральную нишу немного спасают только в своей части либералы-государственники.

С каким из следующих суждений о власти и оппозиции Вы скорее согласны? (ОДИН ОТВЕТ)

- Я безусловно готов поддержать власть — 13,0%;
- Я скорее готов поддержать власть — 37,6%;
- Я скорее готов поддержать оппозицию — 12,4%;
- Я безусловно готов поддержать оппозицию — 5,0%;
- Меня в равной степени не устраивает ни власть, ни оппозиция — 22,1%.

Интересен феномен соотношения власти и оппозиции, и здесь наблюдается очень противоречивая тенденция. С одной стороны, все, затрагивавшие данную проблему,

говорят, что любые институты власти в основном обществом отвергаются. Очень высок уровень недоверия к правительству, силовым структурам, местным властям. С другой стороны, мы видим, что есть Путин, альтернативы ему нет. Есть «Единая Россия», за которую голосуют от 40 до 45%. Конечно, и с помощью административного ресурса, но не только. В чем же природа такого феномена — одновременно и тяги к власти, и отталкивания от нее? Все социологические опросы выявляют массу негатива в отношении к современной российской бюрократии. Люди клеймят чиновников как главное бедствие и бич России. И в то же время готовы голосовать за партию, представляющую в первую очередь интерес этой бюрократии. И люди это хорошо знают и понимают: на вопрос, чьи интересы представляет «Единая Россия», большинство отвечает — интересы бюрократии. За счет чего же электоральная поддержка? За счет курса, который ассоциируется с правящей партией? Действительно, мы видим, что на вопрос: «Нравится ли Вам то, что сейчас происходит в стране?» — многие отвечают: «Нравится», но больше тех, кому не нравится. Ядро удовлетворенных современным положением дел в стране составляет 17–20%. С другой стороны, за «Единую Россию» голосуют в два-три раза больше, а поддерживать Путина готовы в четыре-пять раз больше. Откуда все это берется?

Сбивание общества в кучу, отказ от поддержки оппозиции происходят постоянно. Собственно, этот процесс начался с конца 1990-х гг., когда общество разочаровалось в возможностях оппозиции. У нас были две-три влиятельные оппозиционные партии в Государственной Думе, но с какого-то момента запрос общества стал связываться исключительно с властью, причем даже тех сегментов, которые этой властью категорически недовольны. И это относится не только к недавним сторонникам правой оппозиции, в отношении которой действуют просто законы времени. Правая оппозиция переживает системный кризис, общество от нее отвернулось, в нем сегодня доминируют другие системы ценностей. Самое интересное, что и патриотическая оппозиция (к ней, наоборот, вектор общественного запроса, казалось бы, повернут) также переживает тяжелые времена. Даже левый запрос связывают исключительно с властью: власть, дай нам справедливость, дай порядок, дай стабильность, мы сами ничего не хотим делать.

Соотношение установок на стабильность и перемены также носит противоречивый характер [17]. Сейчас общество зависло на такой фазе, когда, с одной стороны, уже устали от стабильности, а с другой — перемены тоже очень многих пугают. Как это было зимой 2011–12 гг., когда возникли признаки того, что вектор перемен начинает преодолевать вектор стабильности. Общество продолжает бояться перемен. Бойтся в первую очередь средний класс крупных городов, который реально к ним не готов, несмотря на то, что готов покритиковать власть в частных разговорах. Мы вернулись к такому состоянию, когда общество воспринимает политику не как важную для себя сферу, но скорее как некий политический театр, способ развлечения. Такое потребительское отношение к политике и обеспечивает стабильность нынешней политической системы, которая в глазах общества далеко не идеальна.

Неоконсервативные тенденции, характерные для нынешней России, говорят о том, что возврата к собственно консервативным ценностям («традиционный уклад жиз-

ни, многодетные семьи, русский коллективизм, православие, самодержавие, народность...») скорее всего не будет. Ясно, что социальных носителей у такого рода консервативных ценностей нет. Современная генерация россиян, в основном представляющих городской унифицированный образ жизни, очень далека от подобных глубинных корней.

Как это следует из анализа результатов экспертного опроса, проведенного в ИС РАН в рамках проекта «О чем мечтают россияне», страна, российская нация находятся на переломе многих социокультурных парадигм, определявших исторический социокультурный код. Значительной частью экспертов подвергается сомнению действенность в условиях новой России таких традиционно мобилизующих установок, как имперский характер государства, доминирующая в нем роль верховной власти, сильные идеологические ценности (как православные, так и коммунистические). Современное российское общество атомизировано, антимобилизационно и крайне прагматично. И в то же время влияние традиционных ценностей и архетипов продолжает оставаться весьма значительным, хотя часто и на декларативном уровне. Все это означает, что на практике в России будет реализовываться промежуточная модель, не предполагающая ни возврата к традиции («консервативная революция»), ни форсированной западнической модернизации («либеральная революция»). Именно в поисках компромисса между этими двумя крайними сценариями и должна заключаться внутренняя политика, в том числе и реформирование политической системы страны. Это и поиск модели демократии, приемлемой не только для либерального меньшинства, но и для консервативного большинства, и поиск роли государства в реформировании экономики и социальной сферы, и самого образа современного российского государства, его роли и места в мире.

Граница между «параллельными мирами» носит достаточно размытый характер — во многом именно потому, что в силу переходности процесса значительная часть общества демонстрирует смешанные характеристики и сознания, и поведения. «Парадные» ценности не совпадают с реальной мотивацией, а в политических идеалах совмещаются черты традиционного представления о России, почерпнутого из книг и прошлого личного жизненного опыта, и «новорусского» представления, отражающего современные тенденции трансформации. Несмотря на всю подчас достаточно жесткую критику по адресу нынешней власти и проводимого ей курса, большая часть россиян (63%) продолжает воспринимать общее направление, по которому идет современная Россия, как позитивное либо хотя бы как частично правильное. В наибольшей степени этот курс соответствует установкам умеренных либералов (72% полной или частичной поддержки), но и во всех остальных группах он превышает отметку в 50%. Наиболее низкие показатели у радикальных либералов — 54% (не случайно именно эта группа доминировала на протестных митингах с декабря 2011 г. по март 2012 г.), но и здесь число голосов в поддержку курса превышает половину от общего числа опрошенных.

Необходимость «твердой руки», которая наведет в стране порядок даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 63% опрошенных. Однако

эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, «новорусского» сегмента общества (против 75% среди консерваторов).

Зато все группы опрошенных в той или иной степени готовы согласиться с тем, что «Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». Это традиционное представление о роли российского государства в последнее время оспаривается «новорусскими» группами, особенно молодыми русскими националистами (сторонниками этнического национализма). Всего же великодержавную позицию разделяет 66% опрошенных россиян. Среди государственников (как радикальных, так и умеренных) этот показатель достигает 73%, а в либеральных сегментах общества — 52%.

Таким образом, в отношении представлений о будущем России — пути, по которому она должна идти, — российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся консерваторы, самая многочисленная группа, на другом — либералы, как правые (сторонники рынка), так и левые (сторонники социальных приоритетов). Консерваторы поддерживают традиционный образ России — могучего государства, державы с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, противостоящей Западу и западной цивилизации. В то же время они мечтают о стабильном, спокойном развитии, аналогично последнему периоду советской власти, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на минимизацию государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше ценились демократические права и свободы. При всех различиях обе тенденции имеют много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени — либералами). И либералы, и консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм; и тех и других скорее привлекает промежуточный вариант, который бы включал в себя элементы и рынка, и социалистической экономики.

Эта бегло обрисованная картина позволяет говорить, что реальное идеологическое соперничество происходит не между консерваторами и либералами, а скорее между тремя наиболее влиятельными полюсами. Один полюс — левогосударственническая идея, связанная с укреплением национальной государственности и социальной справедливости. Второй — леволиберальная (социал-демократическая) идея, делающая акцент на той же социальной справедливости в пакете с общедемократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. Наконец, третий — правогосударственническая идеология, во многом совпадающая с основным вектором политического курса, связываемого с эпохой «нулевых».

Ценностное противостояние настоящих «традиционалистов» и радикальных «либералов», или «неолибералов», для которых идеалами являются Запад и минимизация государства, имеет место. Но оно касается весьма незначительных групп общества, не более 5% каждая, расположенных на отдаленных флангах политического спектра. Не

это противостояние определяет динамику общественного запроса. Гораздо важнее все то, что связано с взаимодействием, притяжением и отталкиванием более значимых групп — государственников-державников, социал-государственников и либерал-государственников. Всех их объединяют ценности государства и порядка, хотя многое и разъединяет.

Безусловно, произошла реанимация многих архетипов, входящих в социокультурный код российской нации. Однако эти архетипы далеко не всегда затрагивают мотивационный блок массового сознания. Те, кто сегодня пытается в качестве «нового путинского большинства» предложить консерваторов-традиционалистов, не учитывают свойства этого самого «традиционализма», существующего подчас лишь как элемент автостереотипа наряду с представлениями о соборности, коллективизме, духовности и прочих атрибутах русского самосознания. Не вполне верная интерпретация содержательной составляющей данной группы квази-традиционалистов часто приводит к ошибочному мнению, что в современном российском обществе продолжают доминировать идущие от общинных ценностей настроения.

Примечания:

- [1] Молитвенное стояние 22 апреля 2014 г. в Москве у храма Христа Спасителя собрало, по данным полиции, 65 тыс. человек. — Прим. ред.
- [2] Послание Президента Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>
- [3] Кончаловский А. В какого Бога верит русский человек // «Российская газета». 10 апреля. 2013 г.
- [4] Там же.
- [5] Зубаревич Н. Чего ждать четырем Россиям // «Ведомости». 30 декабря. 2011 г.
- [6] О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. 2013.
- [7] Бызов. Л.Г. Идейные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011–2012 гг. // «Опыт исследования электорального поведения россиян». ВЦИОМ. 2013 г.
- [8] Пелипенко А. Судьба русской матрицы // Руфабула. 2013. №6. (<http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>)
- [9] Верховные консерваторы в антиконсервативном обществе // «Ведомости». 21 января. 2014 г.
- [10] Бызов Л.Г. Контурсы постпереходной эпохи // СОЦИС. № 2. 2001 г.
- [11] Там же.
- [12] Исследование проводилось в 2011–13 гг., в ходе 10 «волн» опрашивались одни и те же респонденты, по 2,5 тыс. человек в каждой «волне».
- [13] Здесь дается лишь часть таблицы, точнее — ее верхние четыре строки, в которых по каждой из рассмотренных групп приводятся ценности, занявшие первые четыре позиции с указанием (в %) уровня поддержки этих ценностей. Всего опрошенным предлагалось выбрать до 10 наиболее значимых ценностей из списка, содержавшего 35 позиций.

[14] Передача «Культурный шок» // «Эхо Москвы». 8 февраля. 2014 г. (<http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/1253190-echo/>)

[15] Там же.

[16] О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. 2013.

Опрошенным предлагалось выбрать ОДИН из исторических периодов, который в наибольшей степени соответствует их представлениям об «идеальной» России. В таблице по каждой из рассмотренных групп приводится доля (в %) тех, кто в качестве «идеала» выбрал именно этот исторический период.

[17] См.: Бызов Л.Г. Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности // «Перспективы». 13 января 2014 г. (http://www.perspectivy.info/rus/nashe/sovremennaja_rossija_v_poiskah_novoj_nacionalnoj_subjektности_2014-01-13.htm)

Список литературы:

1. Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // СОЦИС. — 2001 г. — № 4. — С. 3–15.
2. Бызов Л.Г. Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности // «Перспективы»: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 13.01.2014. URL: http://www.perspectivy.info/rus/nashe/sovremennaja_rossija_v_poiskah_novoj_nacionalnoj_subjektности_2014-01-13.htm (дата обращения: 09.03.2014).
3. Бызов Л.Г. Идейные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011–2012 гг. // «Опыт исследования электорального поведения россиян». ВЦИОМ. 2013 г.
4. Верховные консерваторы в антиконсервативном обществе // «Ведомости». — 2014 г. — 21.01.2014. — №7 (3511). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/21586891/suverennyj-konservatizm> (дата обращения: 09.03.2014).
5. Зубаревич Н. Чего ждать четырем Россиям? // «Ведомости». — 24.09.2013. — №175 (3437). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/16681621/chetyre-rossii-cto-dalshe?full#cut> (дата обращения: 09.03.2014).
6. Кончаловский А. В какого Бога верит русский человек // «Российская газета». — 10.04.2013. — №6053 (77) URL: <http://www.rg.ru/2013/04/10/vera.html> (дата обращения: 09.03.2014).
7. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.
8. Пелипенко А. Судьба русской матрицы // Руфабула. 19.06.2013. URL: <http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix> (дата обращения: 09.03.2014).
9. Передача «Культурный шок»: Свобода или порядок — что предпочитают россияне? // «Эхо Москвы»: официальный сайт радио. 08.02.2014. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/1253190-echo/> (дата обращения: 09.03.2014).
10. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт президента России. 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 09.03.2014).

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

Образ современной России: западные стереотипы и российские реальности

Аннотация: Современное общественное сознание, формально соответствующее критериям рациональности, одновременно мифологично и часто руководствуется стереотипами. Амбивалентность и противоречивость позиции Запада по отношению к России, в частности, проявляется в генерировании и воспроизводстве политических мифов. Автор критически рассматривает ключевые западные мифы о России, их истоки, степень соответствия реальности, предназначение и роль.

Ключевые слова: миф, мифологизация сознания, общественное сознание, стереотип, русофобия, массовое сознание, ценности, европейские ценности, российская цивилизация, мировоззрение, образ России в мире, образ России за рубежом, образ России на Западе

Политическое развитие современных обществ и стран во многом определяется усложнением отношений между государственной властью и институтами гражданского общества в контексте «информационной революции» и децентрализации систем управления. В этих условиях неизбежно расширяется публичное измерение политики. Особое значение приобретает коммуникативное измерение политики и власти.

Куда более легким, нежели создание качественно информационно-политических механизмов, решением проблемы сложности современной публичной политики становятся стереотипизация и мифологизация сознания, внешне подчиненные логике общества массовых коммуникаций, они в действительности разрушают основания рационального дискурса. Попытка западного общественного мнения и интеллектуального сообщества строить свое восприятие России на базе определенного набора мифов и стереотипов является, на взгляд автора данной статьи, одним из примеров подобного рода.

По заключению некоторых исследователей к основным составляющим образа современной России в сознании жителей стран Запада, относятся: ксенофобия российского населения; антидемократичность и тоталитаризм государства; нецивилизованность и незнание норм деловых взаимоотношений; техническая и технологическая неразвитость; слабость в военном отношении, сочетающаяся с агрессивностью и неконкурентоспособностью России как участника международных отношений [1].

В то же время анализ глубинных интервью жителей России показал, что в общении с жителями стран Запада российские обыватели часто повторяют критические информационные послы в адрес РФ. Многие ключевые антироссийские стереотипы,

Бирюков Сергей Владимирович: доктор политических наук, профессор Кемеровского государственного университета. theorlaw@kemsu.ru.

существующие в западном мире, активно транслируются и в Россию. Часть их вошла в систему восприятия россиянами собственного государства. Тем не менее западные оценки и российские самооценки не идентичны ни эмоционально, ни содержательно: россияне не столь агрессивны отзываются о своей стране и часто оценивают современную российскую действительность и положительно [2].

Где лежат истоки «негативной стереотипизации» западного восприятия России? Прежде всего, в его известной «двойственности». Так, Европа ощущает известную «чужеродность» российской цивилизации и в то же время — потребность в России как в проекте «альтернативного модерна», что особенно актуально в условиях глубокого кризиса европейской и собственно западной (иудео-христианской) цивилизации и идентичности. Подобная амбивалентность в отношении России мешает Западу выстроить устойчивые и предсказуемые отношения с Россией, перейти к полноценному культурно-цивилизационному диалогу. Попытка выстроить условные культурно-цивилизационные «границы», сдержать условного «варвара» рамками не менее условного «лимеса», попутно перенеся на него собственные подсознательные фобии и страхи (пусть и фантомные) — именно в этом, на наш взгляд, состоит основное культурно-политическое предназначение генерируемых западным общественным мнением мифов и стереотипов. При этом каждый из них функционален по-своему, решая более узкую тактическую задачу.

Так или иначе, сложившийся на Западе образ России во многих случаях больше говорит об особенностях западного менталитета, чем о самой российской действительности. Характерна точка зрения американского историка Мартина Малиа, который считает, что существование ряда расхожих клише, относящихся к России, объясняется скорее проблемами самого Запада. Западноевропейское общественное мнение, пишет Малиа, традиционно «демонизировало или, напротив, идеализировало Россию» не столько из-за ее реальной роли в Европе, сколько из-за собственных страхов и фрустраций или же собственных надежд и ожиданий, рождаемых в европейском обществе собственными внутренними проблемами [3].

Восприятие России на протяжении веков было для Запада неким средством самопознания. Россия рассматривалась посетившими нашу страну авторами, подобными Астольфу де Кюстину, в качестве *alter ego* просвещенной и гуманной Европы — что было призвано укрепить западного человека в его приверженности своим политическим и социальным институтам. В реалиях советского коммунизма он видел убедительный аргумент, подтверждавший его выбор в пользу демократии и рынка. Учитывая подобную обусловленность отношения к России собственными интересами и субъективными характеристиками западной аудитории, трудно говорить о ее объективности и непредвзятости [4].

По сути дела, Запад не может быть беспристрастным в своем восприятии российской действительности и российской политики, поскольку Россия является для него не просто одной из важных стран мирового сообщества, а скорее неким знаковым явлением. В далеком монархическом или недавнем коммунистическом прошлом Россия

символизировала для одной части западного общества ее страхи и фобии, а для другой — ее надежды на торжество некоторых универсалистских принципов, символизирующих пресловутых «конец истории». После 1991 г. Россия в большей степени, чем любая другая поставлоритарная страна, укрепляет уверенность Запада в превосходстве его модели социально-политического устройства. И в то же время в последние годы Россия все очевиднее материализует сомнения Запада в универсальной пригодности этой модели [5]. Подобный дуализм порождает одну из ключевых антиномий массового сознания Запада, диалектическое «снятие» которой возможно за счет активного мифотворчества и стереотипизации.

Как справедливо отмечает Г. Вайнштейн, на работы которого мы ссылались выше, часть публикаций западных СМИ, касающихся России, косвенным образом ориентирована на российские власти и вообще на наш политический класс. Предполагается, что позиции самих СМИ и представляемые ими мнения западных политиков и экспертов окажут влияние на представителей российской элиты или, по крайней мере, будут учтены. В то же время «российский адресат» — лишь один, причем далеко не основной, их адресат. Гораздо более существенное значение придается ими задаче воздействия на политические элиты Запада. Публикации СМИ на «российскую тему» являются важным инструментом политической борьбы вокруг определения курса Запада в отношении России. По сути дела, российская проблематика в западных средствах информации стала сферой столкновения разных политических интересов, разных подходов и разного понимания задач и целей западной политики на постсоветском пространстве.

Чем объясняется этот феномен? Общественное сознание Запада, формально соответствующее критериям рациональности и стремящееся к «технологичности мышления», одновременно мифологично и антиномично, и часто руководствуется стереотипами. Об этом в свое время писали разные известные представители западной мысли — от А. Грамши и Ж. Сореля до Э. Фромма и Г. Маркузе.

Так, Жорж Сорель (1847–1922) — французский теоретик анархо-синдикализма, утверждал, что миф, несмотря на его несоответствие политической реальности, способен оказывать на саму эту реальность специфическое воздействие — причем воздействие как укрепляющее эту реальность, так и способное ее разрушить [6].

В свою очередь, Эрих Фромм (1900–1980) — немецко-американский социолог, философ и психолог, представитель позднего («послефрейдовского») психоанализа (наряду с К. Хорни, Г. Салливаном, А. Кардинером) в рамках своей доктрины «радикального гуманизма», утверждал, что при капитализме утвердились негативные и деформированные типы социального характера (эксплуататорский, накопительский и рецептивный (конформистский)). В результате уязвимой оказывается и сама либеральная демократия — поскольку социально ущемленный, перегруженный архаическими комплексами индивид «бежит от свободы» в авторитаризм (подчинение вождям), разрушительность (культ войны и насилия) и автоматизирующий конформизм (безразличие к проблемам общества и культ бездумного потребительства) [7].

Наконец, Франкфуртская школа — одно из наиболее влиятельных течений в неомарксизме, оформившееся в 30-е гг. XX в., в лице своих видных предшественников — М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Э. Фромма, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и др. — разрабатывала тему так называемого «позднего капитализма» с якобы характерной для него «фашизоидностью». Проект «Авторитарная личность», посвящен анализу особого социального типа личности, который, согласно франкфуртцам, служил (или может служить) социальной базой для фашистских режимов [8]. Основные идеи этого исследования были изложены в книге «Диалектика просвещения. Философские фрагменты» (1947) [9] редактором которой был М. Хоркхаймер, который изучил механизмы формирования общественного сознания, используемые современным капиталистическим обществом.

По мнению Хоркхаймера и других франкфуртцев, господствующая в этом обществе безличная сила прогрессирующей рациональности («обезличенная всеобщность») посредством механизмов культурной индустрии формирует в итоге не только сознание индивидов, но и их бессознательные влечения. Лишившись свободы, мышление в итоге превращается в послушный инструмент манипулирования.

Таким образом, как считают франкфуртцы, и пролегла дорога европейской цивилизации от олимпийского мифа с его идеей о предопределенности судьбы человека внешними силами, до создания рационально организованных технологий современности, служащих основой тоталитарных режимов. По мнению одного из франкфуртских теоретиков — Герберта Маркузе, общество, основанное на принципах технической рациональности, неизбежно превращает человека в винтик. В итоге государство поглощает личность, и складывается «мир тотального администрирования» (основой которого является не «террористически-полицейское управление», но «экономико-техническое управление, осуществляемое благодаря манипулированию потребностями»), и общество переходит в «одномерное состояние» с преобладанием «одномерного человека» (что предполагает отсутствие противоборства, критики, и реальной оппозиции) — Маркузе называет это состоянием «репрессивной терпимости» [10].

Свой вклад в изучение истоков «интеллектуальной враждебности» Запада по отношению к России внесли и российские исследователи. Некоторые (И.Р. Шафаревич, Ф.Ф. Нестеров) связывают ее с феноменом «русофобии», коренящейся в ложном сознании «цивилизационного» превосходства Запада над Россией [11], другие — с конкуренцией Запада с Россией как воплощением «альтернативного модерна» [12], либо с неискоренимой враждебностью «атомизированного» западного общества к обществу «общинного» типа, который являет собой историческая Россия.

Так или иначе, амбивалентность и противоречивость позиции Запада по отношению к России, в частности, проявляется в генерировании и воспроизводстве политических мифов (стереотипов), содержание которых нарушает принципы логического и достоверного мышления.

Однако техника политических мифов не требует следования подобной логике. В своей одноименной работе он, в частности, указывает на рационализированный, функци-

ональный и технологичный характер современной политической мифологии — что, по мнению Э. Кассирера, создает для нее колоссальные возможности в плане трансформации в собственных интересах массового общественного сознания [13].

Сегодня можно говорить о фрагментации и стереотипизации общественного сознания с помощью мифов, которые выполняют определенную функциональную роль. Стереотипизация массового восприятия создает иллюзию рационального восприятия России — но в действительности препятствует такому познанию, не позволяя наблюдателю и исследователю реконструировать реальную логику протекающих в России процессов. Неудача такой реконструкции, в свою очередь, объясняется некоторыми западными исследователями особой «контркультурной» и иррациональной природой российского социума и менталитета, что способно заблокировать любой критический анализ оценок России в принципе.

Для изучения западных мифов о России целесообразно использовать методику контекстуального анализа, позволяющую реконструировать прежде всего содержательную логику стереотипов, воспроизводимых с помощью софистических техник и приемов. Параллельно с этим имеет смысл использовать технику «деконструкции смыслов» Ж. Дерриды [14], и элементы структурного анализа [15], чтобы выявить определенную функцию того или иного мифа в структуре западного общественного сознания (некоторые из них могут быть по своей сути дисфункциональными).

Определенное значение в плане методологии здесь может иметь методика социокультурного анализа А. Ахиезера (с экстраполяцией его логики на западный политический дискурс) [16]. В какой-то мере полезна и концепция «манипуляции сознанием» С.Г. Кара-Мурзы [17], помогающая понять общую логику «конструирования» политических мифов и стереотипов в рамках современного политического дискурса в западных обществах.

Наряду с этим с помощью контекстуального анализа попытаемся реконструировать скрытую стереотипами реальную логику политического процесса в России, а равно и возможную логику изменения российского политико-идеологического дискурса.

Ключевые мифы Запада о современной России

«Стержневым» среди подобных мифов (и связанных с ними стереотипных установок сознания) является миф о российском традиционализме как о причине коренной противоположности европейским ценностям толерантности, плюрализма. В действительности же говорить о состоявшемся консервативном консенсусе применительно к современной России сегодня нельзя. Последнее связано с тем, что глубинная рефлексия в отношении результатов преобразований 1990-х гг. российским обществом и элитой так и не совершилась, без чего все консервативные и неоконсервативные теоретические «конструкты» неизбежно имеют характер симулякра. В феврале 2004 г. Фонд аналитических программ «Экспертиза» провел социологическое исследование «Радикальный авторитаризм в российском массовом сознании». Результаты исследований

свидетельствуют об известном росте авторитарных настроений в начале XXI в. по сравнению с началом 1990-х гг., но не подтверждают формирование в сознании россиян устойчивых консервативных ценностных установок [18].

Столь же сомнительное отношение к реальности имеет сегодня миф о «наступающем российском империализме», генерируемый либо воспроизводимый некоторыми западными исследователями. Проявлением исторического недоверия к России в странах Запада является искаженная интерпретация концепции «Москва — Третий Рим», созданной в XVI в. монахом из Пскова Филофеем и изложенная им в письмах к царю Ивану IV. Некоторые зарубежные и российские критики (например, эмигрант-меньшевик Е. Юрьевский — признавали существование у России специфического «комплекса Филофея», из которого, по их мнению, проистекали и проистекают российские мессианизм, шовинизм и тяга к экспансии, будто бы угрожающие человечеству [19]. На самом же деле, как справедливо указывает в своей статье русский историк-белоземigrant Н. Ульянов, в учении Филофея речь шла о будущей России как о носителе «православного благочестия», что позволило бы ей стать примером для других стран и народов, привлекая их на свою сторону без всякого насилия и принуждения [20].

В контексте «империалистического мифа» всякое давление России на соседей по СНГ по инерции воспринимается как проявление империализма. Подобное имело место в ситуации недавнего экономического давления на Украину в связи с намерением ее руководства подписать соглашение об ассоциации с ЕС, хотя по своему характеру и масштабам оно не превосходило формата торговых войн, которые возникали между некоторыми нынешними членами ЕС до введения ныне действующих правил позволяющих сегодня избегать подобных ситуаций. Однако логика «двойных цивилизационных стандартов» работает и здесь. Примером тому — статья в *The New York Times* аналитика газеты Стивена Бланка [21], а также публикация Лорена Гудрича в журнале «*Stratfor*» [22], которые открыто говорят о возрождении имперских стратегий в современной России, связывая это с наступлением на суверенитет и права постсоветских суверенных государств. Очевидная функция этого политического мифа и связанного с ним стереотипа, распространенного в западном массовом сознании, — оправдание собственной контрэкспансии на евразийском направлении.

В этой связи необходимо понимать и то, что российская элита ментально не готова и не стремится к реализации последовательной имперской стратегии, что она сохраняет интерес к интеграции в мировое сообщество. «Имперские» декларации и отдельные действия — скорее выражение недовольства по поводу «неконвенциональных» действий Запада, не только не желающего способствовать подобной интеграции, но и активно ей противодействующего (примером чему стал нашумевший «закон Магнитского»). Сегодня скорее имеет место сложный торг различных «сегментов» правящей российской элиты с Западом, с ситуативным использованием некоторых «имперских» инструментов и угроз.

Особую актуальность для немалой части западного сообщества имеет миф о российском «неосталинизме». Однако, как показывает анализ реальных политических пра-

ктик, не только к сталинизму, но и к какому-либо иному варианту подобной «мобилизационной» стратегии российская власть не стремится. В общественном дискурсе миф о Сталине как о противостоящем «правлящей плутократии» «народном вожде» действительно существует. И этот факт учитывается в рамках «синкретической» официальной идеологии российской власти, стремящейся преодолеть идеологические расколы 1990-х гг. и предотвратить дискуссии, способные расшатать достаточно условную стабильность и сам «путинский консенсус» 2000-х.

Представляют интерес результаты опроса, проведенного в 2010 г. Левада-центром. 58% россиян считают, что потери, которые понес советский народ в эпоху Сталина, невозможно оправдать никакими великими целями, и лишь 29% готовы в какой-то мере эти потери оправдать. Признать Сталина государственным преступником в той или иной мере согласны 32% респондентов, не согласны — 50%. Почти 3/5 (59%) высказались против переименования Волгограда в Сталинград, «за» — 17%, 24% не смогли определиться со своим отношением к этой идее.

На заданный пролиберальным Левада-центром вопрос «В последнее время руководители страны всё чаще говорят о Сталине как выдающемся государственном деятеле, как вы думаете, с чем это связано?», 33% вообще не смогли ответить. 23% связали эти апелляции со стремлением «использовать культ Сталина для укрепления своего собственного авторитета как наследников славы побед», 20% — с «безвыходностью, как суррогат отсутствующей «национальной идеи», поскольку в стране не осталось «ничего святого». 16% полагали, что таким образом власти пытаются «использовать культ Сталина для того, чтобы оправдать собственную политику и злоупотребления властью». 8% ответили, что с помощью культа Сталина нынешнее правительство стремится постепенно восстановить советскую систему [23]. Таким образом, говорить о «сталинистском ренессансе» в российской политике и массовом сознании — крупное преувеличение. Преувеличение, которое имеет вполне определенную функцию и связано со стремлением поставить процесс развития России в известные «рамки», не допуская критического пересмотра роли в нем либералов и их реформ.

В ряду «инспирированных раздражителей» западного общественного мнения особое место занимает миф о Путине как о последовательном евразийце и неославянофиле, враждебном ценностям и устремлениям Запада. С помощью этого мифа Владимира Путина нередко преподносят западному общественному мнению как реставратора обновленной «советской модели». В действительности, по нашему мнению, российское руководство пытается консолидировать (пусть и специфическим образом) общество, пережившее в 1990-е гг. фрагментацию, атомизацию и аномию. Поиск идеологии под этот условный консолидирующий проект, между тем, продолжается и сегодня. В то же время западные исследователи не воспринимают либо не хотят воспринимать всю внутреннюю противоречивость российского социально-политического развития и эволюции политико-идеологического дискурса — который, в частности, проявляется в противоречивости политико-идеологических оснований актуальной стратегии президента России.

В действительности, как показывает анализ реального политического контекста, Владимир Путин — один из наиболее последовательных проевропейски ориентированных политиков России, действующий не только в рамках специфического евразийского цивилизационного «поля», но и в условиях трагического «разрыва» между стремлением российского «политического класса» быть в Европе и нежеланием самой Европы принять российскую элиту как полноправную часть формирующейся сегодня «глобальной» и «общеевропейской» элиты. В этой ситуации Путин действует как менеджер-прагматик европейского склада, ведя сложный «торг» с Западом.

В том же ряду располагается миф (и неразрывно связанный с ним стереотип) об извечном авторитарном и неосталинистском комплексах русских. Однако сегодня скорее можно говорить о консервативных умонастроениях россиян в связи с весьма неоднозначной по своим социальным последствиям эпохой «бури и натиска» 1990-х.

Как показывает изучение социологических опросов, достаточно высокий уровень поддержки Путина означает не стремление к реставрации бюрократических порядков советского типа, тем более не к воспроизведению наиболее архаичных элементов советского наследия — но прежде всего желание преодолеть хаос в интересах достаточно условного «консервативного большинства», признающего отдельные позитивные результаты реформ 1990-х гг., и не желающего инверсионного движения назад.

Следует помнить, что новый российский консерватизм пока еще не устоялся в виде отрефлектированной ценностной системы — но, скорее, представляет собой некоторое общественное умонастроение, нуждающееся в кристаллизации. Можно предположить, что незавершенность этого консервативного мировоззрения связана с незавершенностью процесса формирования российского среднего класса.

Кроме того, данные опросов, проведенных Левада-центром в 2008–2012 гг., подтверждают неоднозначность восприятия образа и политики действующего президента России. Так, по заключениям экспертов центра, до окончания второго срока Владимир Путин осуществлял свою политику в благоприятных условиях, опираясь на значительную поддержку населения. В апреле 2008 г. 77% населения России поддерживали его политику. К маю 2012 г. отношение к действиям президента значительно изменилось: одобряли его политику уже 57%. Чаще других действия президента одобряли обеспеченные респонденты, а также самая молодая и активная часть российского общества (до 39 лет). По сравнению с 2008 г. стоит отметить рост числа недовольных гражданами среди людей с высшим образованием (28%). (Среди респондентов со средним и средне-специальным образованием рост составил 22%, незаконченным средним — 21%) [24]. Во всяком случае неоднозначность восприятия власти не позволяет говорить о «монолитном консенсусе», связанном с безусловной поддержкой главы государства.

Далеко не очевидно, что «новый российский консерватизм» будет опираться на установки в духе ксенофобии, изоляционизма и шовинизма, которые ему едва ли не в унисон априорно стремятся приписать России как некоторые западные критики [25], так и некоторые апологеты российских «новых правых» (например, ряд авторов из-

вестной газеты «Завтра», полагая это безусловным достоинством). Напротив, вполне вероятно, что новый российский консерватизм интегрирует в себя ценности индивидуальной свободы, собственности и права — однако не в той специфической, радикальной и притом узкоинструментальной интерпретации, которую продвигали российские либералы 1990-х гг.

Вполне вероятно, что все эти ценности будут соединены в сознании россиян с ценностями государства (не в виде «ортодоксального этатизма», а в русле более диверсифицированного подхода), исторической преемственности (без апологии прошлого), социальной справедливости (без маргинальных искажений). Затянувшаяся «переходность» российского общества затрудняет подобный «творческий консервативный синтез» — который объективно востребован, поскольку без «кристаллизации ценностей» стабильное и устойчивое развитие России представляется невозможным. А без этого Россия действительно обречена на «хроническую непредсказуемость», которая вызвала и вызывает у стран Запада многолетнюю идиосинкразию.

В свою очередь, сам миф (стереотип) о непредсказуемости России («умом Россию не понять») также укоренен в значительном сегменте западного общественного мнения [26]. Однако «непредсказуемость» России является следствием действия не особого «иррационального» русского духа, но результатом вполне конкретных социально-экономических и политических процессов — и прежде всего целой серии «революционных потрясений» и «революционных шоков», воспроизводившихся в российской истории вследствие и вместо попыток модернизации. В современной ситуации пресловутая «иррациональность» России в значительной степени предопределяется весьма неоднозначными результатами социально-экономических реформ 1990-х гг., которые достаточно активно поддерживались странами Запада (критические голоса были немногочисленны и тонули в общем потоке «прореформаторской риторики»). В то же время сегодняшние попытки России (пусть непоследовательные и бессистемные) отказаться от некоторых «небесспорных» результатов 1990-х гг. и вернуться к эволюционной стратегии развития вызывают обвинения в «антиреформаторском откате». И это является очевидным подтверждением дефицита подлинной рефлексии по указанному поводу.

Нередко встречается на Западе миф о российском (русском) национализме — на его подъем указывают некоторые (тот же А. Сентинель) европейские исследователи, рассматривающие его как негативное явление, несовместимое с принципами западной цивилизации [27]. И если к исследованию «русского национализма» применяется конструктивистская методика (Э. Геллнер, Б. Андерсон), трактующая его как форму «реакционного мифотворчества», то к анализу национализма освободившихся от российского влияния «постсоциалистических наций» — иной подход, связывающий его с выражением существующих национальных и этнических интересов. Здесь присутствует не только известная методологическая двусмысленность, но и очевидное следование логике «двойных стандартов», связанное не только с пресловутым стремлением «сдержать Россию», но и с недостаточным пониманием общей логики ее политического развития.

Одновременно западными интеллектуалами и идеологами игнорируется, что сам Запад выступает по сей день как совокупность национальных государств, а в Восточной Европе и на постсоветском пространстве именно национализм является преобладающим политическим трендом. Современный процесс воссоздания (или строительства) национальной государственности постсоветскими народами (с опорой на национализм как на специфическую политическую технологию) в целом активно поддерживается политическим классом и общественным мнением западных стран. В то же время любые попытки акцентировать проблему национально-государственного самоопределения собственно русского этноса и даже российского суперэтноса западным сообществом рассматриваются как проявление «великорусского шовинизма», империализма и ксенофобии. При этом подобный подход стимулирует к жизни крайние и маргинальные формы национализма, которых так опасается сам Запад.

Химеричность пресловутого «великорусского шовинизма» в современных условиях показывают и подтверждают исследования, согласно которым даже в «надломные» 1990-е гг. лишь около 15% российских избирателей были склонны поддерживать политические идеи националистов [28]. В то же время, по мнению Н.А. Баранова, современная идеологическая ситуация в России способствует маргинализации старых форм национализма, эволюционируя к широким идейно-политическим альянсам (коммунисты-державники, национал-либералы, национал-демократы...). В силу исторического наследия и внутрисистемной расколотости национализм, по его мнению, приобретает характер «перманентной духовной оппозиции», сосредоточенной на критике «внутренних» и «внешних» врагов нации [29]. Таким образом, говорить сегодня о русском национализме как о политически артикулированном и консолидированном феномене, способном угрожать «западной цивилизации», сегодня не приходится.

Большое значение для понимания отношения Запада к России имеет миф о российских олигархах. С одной стороны, последние традиционно рассматриваются общественным мнением стран Запада как деструктивная сила, некоторыми из западных экспертов ставится под сомнение легальность приобретенной ими собственности. С другой стороны, «избранные» российские олигархи могут допускаться в «глобальное цивилизованное сообщество» через прохождение «цивилизационных», идеологических фильтров. При этом не принимается во внимание то обстоятельство, что в России фактически потерпел неудачу инициированный либеральными реформаторами 1990-х гг. процесс форсированного создания слоя крупных собственников, под который была подстроена вся деятельность реформаторского правительства Е. Гайдара, активно поддержанного западным сообществом. В итоге в России не состоялся национальный капитал в качестве силы, способной реализовать стратегию долгосрочного развития страны. Характерно в этой связи отрицательное восприятие олигархов в российском общественном мнении [30]. Вместе с тем, делегитимация российского крупного бизнеса фактически означает делигитимацию российских рыночных реформ 1990-х гг., что противодействует интеграции российских бизнес-структур в глобальную экономику.

Однако попытки (пусть и не слишком последовательные) поставить крупный российский капитал в определенные рамки, ограничить его политическую активность

и направить деятельность «капитанов» крупного бизнеса на развитие реального сектора экономики и поддержание социальной сферы нередко рассматриваются на Западе как «откат назад». Непонимание российского «постреформного» контекста и идеологизированность оценок не позволяют понять всю сложность и противоречивость современной российской ситуации в отношениях государства и предпринимательского класса.

На противоположном идеолого-политическом «полюсе» находится миф о российских либералах как о противниках действующего «репрессивного» режима и борцах за демократию. В действительности многие ключевые фигуры из числа российских либералов реально интегрированы в существующую властную систему либо стремятся в нее вернуться на привилегированных позициях; речь о какой-либо «системной перезагрузке» посредством «болотного процесса», безусловно, сегодня не идет. Главный парадокс состоит в том, что российским политикам либерального толка демократизация с привлечением «масс», равно как и подлинная «прозрачность» власти не нужны — ибо в этом случае им придется держать ответ за провал многих своих обещаний и начинаний (и шире — за итоговую неудачу либерального проекта 1990-х гг.).

Не столь однозначно восприятие российским обществом самих либеральных принципов. Как показывают результаты опросов, значительная часть населения положительно относится к либеральным ценностям. К ним относятся следующие: жизнь отдельного человека выше любых других ценностей; закон обязателен для всех — от президента до рядового гражданина; собственность человека священна и неприкосновенна; государство тем сильнее, чем выше благосостояние граждан; государство тем сильнее, чем строже соблюдаются в нем права и свободы человека; главные права человека — право на жизнь и право на защиту чести и достоинства личности; россиянам свобода нужна не меньше, чем людям на Западе. При этом достаточно высокий уровень поддержки либеральных ценностей в сознании россиян не трансформируется в поддержку собственно либералов — с ними прочно увязывается «проблемное» наследие «проклятых 1990-х» [31].

Продолжением мифа о российских либералах является представление о них как о проводниках модернизации в России (своего рода «прогрессорах», по выражению братьев Стругацких). В действительности же ортодоксальный российский либерализм конца XX — начала XXI в. является антиподом полноценного социального развития, поскольку де-факто отрицает промышленную и социальную политику, и в действительности нацелен не на модернизацию страны, а на «утилизацию» ее потенциала исходя из субъективно определенных «критериев экономической эффективности». Данный сценарий предполагает «модернизацию элиты», но не «модернизацию страны».

Оценки феномена либеральной модернизации российским общественным мнением также заслуживают внимания. По результатам исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного учеными Института социологии РАН, восприятие «модели реформ», реализованной в 1990-е гг., остается неоднозначным и противоречивым. Но если в 2001 г. итогами реформ были недовольны большинство опрошенных

(59%), то за следующее 10-летие число недовольных сократилось до 43%, а число тех, кто оценивает реформы со знаком плюс, выросло с 28% до 34% [32]. Таким образом, не отрицая саму идею реформ, россияне остаются достаточно критичными к ее либеральной интерпретации; последнее с немалыми основаниями может быть перенесено и на «модернизационную» интерпретацию либерального реформизма, утвердившуюся в период президентства Дмитрия Медведева.

У Запада проявляется дефицит рефлексии в отношении России и, очевидно, ему необходим отказ от шаблонного и конформистского критицизма. Процесс отказа от мифов и стереотипов, вероятно, будет достаточно тяжелым, и может быть связан с той или иной формой культурно-цивилизационного шока на фоне меняющегося глобального соотношения сил. Однако приведет ли известная рационализация восприятия России на Западе к изживанию сложившихся в отношении нее мифов и стереотипов, покажет лишь будущее. Со своей стороны Россия в состоянии стимулировать подобную «смену вех» на Западе — и прежде всего за счет рационализации и прагматизации собственного поведения, а также нахождения внутреннего консенсуса по ключевым ценностно-идеологическим вопросам.

Действительно, преодолеть состояние современного кризиса и отстоять свои позиции в «культурных войнах» со странами Запада Россия сможет, лишь достигнув определенной идейно-мировоззренческой консолидации. Но это уже тема отдельной статьи.

Примечания:

- [1] Рюмин А. М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада. Автореф. Дисс. канд. социол. наук по специальности 22.00.04. — Нижний Новгород, 2012.
- [2] Рюмин А. М. Указ соч.
- [3] Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum // Новый исторический вестник. — 2001. — N 4.
- [4] Вайнштейн Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html>.
- [5] Там же.
- [6] Сорель Ж. Размышления о насилии. — М.: Фаланстер, 2013. — С. 138.
- [7] Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.
- [8] Адорно Т. Типы и синдромы // Социс. — 1993. — № 9.
- [9] Horkheimer M., Adorno T. W. Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente. — Querido: Amsterdam 1947.
- [10] Маркузе Г. Одномерный человек. — Киев, 1996.
- [11] Шафаревич И. Р. Русофобия // В кн.: Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? — М., 1991; Нестеров Ф. Ф. Заклятое слово // Наш современник. — 2009. — N 4. — С. 195–227.
- [12] Кургинян С. Аналитика судьбы. Россия и агония модерна // Завтра. — 2012. — № 35.

- [13] Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. — 1993. — № 7.
- [14] Деррида Ж. Диссеминация — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- [15] Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М., 1985; Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 44–53.
- [16] Ахиезер А. С. Возможность прогноза социокультурной динамики России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т. И. Заславской. — М.: Интерпракс, 1994. — С. 287 — 292.
- [17] Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000. — Гл. 1.
- [18] См.: Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы: Сборник материалов. — М., 2005. — С.50.
- [19] Юрьевский Е. От Филофея в наши дни // Социалистический Вестник. — 1956. — № 1.
- [20] Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. — 1994. — № 4. — С. 152–162.
- [21] Бланк Стивен NYT: «Восстановление» Советского Союза станет настоящей катастрофой // ИНОtv. 29.08.2013. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2013-08-29/NYT-Vosstanovlenie-Sovetskogo-Soyuza-stanet> (дата обращения: 05.01.2014).
- [22] Гудрич Лорен Россия: восстановить империю, пока это возможно // Stratfor. 31.10.2011. URL: <http://inosmi.ru/politic/20111102/176961225.html> (дата обращения: 05.01.2014).
- [23] Россияне о Сталина: опрос // Левада-Центр. 05.03.2010. URL: <http://www.levada.ru/05-03-2010/rossiyane-o-staline> (дата обращения: 05.01.2014).
- [24] Путин в общественном мнении: до и после политической рокировки^ опрос // Левада-Центр. 15.10.2013. URL: <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-mnenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> (дата обращения: 05.01.2014).
- [25] См. Хабенская Е. О. Ксенофобия, национализм, расизм в реальном и виртуальном пространствах. URL: http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/%20%D0%9A%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf (дата обращения: 05.01.2014).
- [26] Липатова Н., Панарин С. Энергетика берёзы: от лирики к геополитике (по следам круглого стола «Образы России: какими мы видим себя и какими нас видят соседи») // Вестник Евразии. — 2008. — № 1.
- [27] См., напр.: Atlantic Sentinel: Национализм россиян заставил Путина менять приоритеты // ИНОtv. 08.11.2013. URL: <http://inotv.rt.com/2013-11-08/Atlantic-Sentinel-Nacionalizm-rossiyan-zastavil> (дата обращения: 05.01.2014).
- [28] Клямкин И.М., Лапкин В.В. Русский вопрос в России // Полис. — 1995. — № 5.
- [29] Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Русский национализм в политической жизни современной России [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch143_i.html (дата обращения: 05.01.2014).
- [30] Попов Ю.Н. Олигархия как субъект недобросовестной конкуренции // Труд и социальные отношения. — 2003. — № 2.
- [31] Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Либеральные тенденции в массовом политическом сознании [Электрон-

ный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch87_i.html (дата обращения: 05.01.2014).

[32] Добрынина Е. Назло дефолтам // Российская газета. 30.06.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/29/sociologia-poln.html> (дата обращения: 05.01.2014).

Список литературы:

1. Atlantic Sentinel: Национализм россиян заставил Путина менять приоритеты // ИНОtv. 08.11.2013. URL: <http://inotv.rt.com/2013-11-08/Atlantic-Sentinel-Nacionalizm-rossiyan-zastavil> (дата обращения: 05.01.2014).
2. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum // Новый исторический вестник. — 2001. — N 4.
3. Адорно Т. Типы и синдромы // Социс. — 1993. — № 9.
4. Ахиезер А. С. Возможность прогноза социокультурной динамики России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т. И. Заславской. — М.: Интерпракс, 1994. — С. 287 — 292.
5. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Русский национализм в политической жизни современной России [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch143_i.html (дата обращения: 05.01.2014).
6. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Либеральные тенденции в массовом политическом сознании [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch87_i.html (дата обращения: 05.01.2014).
7. Бланк Стивен NYT: «Восстановление» Советского Союза станет настоящей катастрофой // ИНОtv. 29.08.2013. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2013-08-29/NYT-Vosstanovlenie-Sovetskogo-Soyuza-stanet> (дата обращения: 05.01.2014).
8. Вайнштейн Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // «Неприкосновенный запас». — 2007. — №1 (51). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html> (дата обращения: 05.01.2014).
9. Гудрич Лорен Россия: восстановить империю, пока это возможно // Stratfor. 31.10.2011. URL: <http://inosmi.ru/politic/20111102/176961225.html> (дата обращения: 05.01.2014).
10. Деррида Ж. Диссеминация — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
11. Добрынина Е. Назло дефолтам // Российская газета. 30.06.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/29/sociologia-poln.html> (дата обращения: 05.01.2014).
12. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000. — Гл. 1.
13. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. — 1993. — № 7.
14. Клямкин И.М., Лапкин В.В. Русский вопрос в России // Полис. — 1995. — № 5.
15. Кургинян С. Аналитика судьбы. Россия и агония модерна // Завтра. — 2012. — № 35.
16. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М., 1985.
17. Липатова Н., Панарин С. Энергетика берёзы: от лирики к геополитике (по следам круглого стола «Образы России: какими мы видим себя и какими нас видят соседи») // Вестник Евразии. — 2008. — № 1.
18. Маркузе Г. Одномерный человек. — Киев, 1996.

19. Horkheimer M., Adorno T. W. Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente. — Querido: Amsterdam 1947.
20. Нестеров Ф. Ф. Заклятое слово // Наш современник. — 2009. — N 4. — С. 195–227.
21. Попов Ю.Н. Олигархия как субъект недобросовестной конкуренции // Труд и социальные отношения. — 2003. — № 2.
22. Путин в общественном мнении: до и после политической рокировки^ опрос // Левада-Центр. 15.10.2013. URL: <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-mnenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> (дата обращения: 05.01.2014).
23. Россияне о Сталина: опрос // Левада-Центр. 05.03.2010. URL: <http://www.levada.ru/05-03-2010/rossiyane-o-staline> (дата обращения: 05.01.2014).
24. Рюмин А. М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада. Автореф. Дисс. канд. социол. наук по специальности 22.00.04. — Нижний Новгород, 2012.
25. Сорель Ж. Размышления о насилии. — М.: Фаланстер, 2013. — С. 138.
26. Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. — 1994. — № 4. — С. 152–162.
27. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы: Сборник материалов. — М., 2005. — С.50.
28. Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.
29. Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 44–53.
30. Хабенская Е. О. Ксенофобия, национализм, расизм в реальном и виртуальном пространствах. URL: http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/%20%D0%9A%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf (дата обращения: 05.01.2014).
31. Шафаревич И. Р. Русофобия // В кн.: Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? — М., 1991.
32. Юрьевский Е. От Филофея в наши дни // Социалистический Вестник. — 1956. — № 1.

Вадим Трухачев

Чехия как партнер России

Аннотация: В статье в историческом контексте рассматриваются особенности чешского самосознания и место современной Чехии в отношениях между Россией и Западом. Противоречивые заявления чешского президента М.Земана и различные курсы его предшественников В.Гавела и В.Клауса отражают двойственное восприятие чехами русских и России, которое формировалось на протяжении примерно 200 лет.

Ключевые слова: Чехия, российско-чешские отношения, чешские взгляды на Россию, русофилы, русофобы, восприятие России, Томаш Масарик, Милош Земан, Вацлав Клаус.

В эпицентре европейской истории

Чехия не очень большая страна, в ней живет чуть более 10 млн человек. Однако ее расположение в самом сердце Европы поспособствовало тому, что она часто оказывалась в гуще крупных исторических событий. Проповедническая деятельность Яна Гуса на рубеже XIV–XV вв. и последовавшие затем гуситские войны всколыхнули Европу, подготовив почву для Реформации. В Чехии началась кровопролитная Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), в результате которой многие местности опустели, а карта континента претерпела существенные изменения. Чешские земли затронула революция 1848–1849 гг. С Чехословакией связан «Мюнхенский сговор» 1938 г., когда Великобритания и Франция пошли на сделку с Адольфом Гитлером и без согласия чехов отдали нацистской Германии часть их земли. Потом были «Пражская весна» 1968 г. и ввод в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Наконец, падение социализма в 1989 г. назвали «Бархатной революцией». Само это словосочетание стало вкладом чехов в мировой политический лексикон.

Вся история говорит о том, что Чехия не может находиться на обочине мировой политики, и последние 25 лет служат тому подтверждением. Страна дает немало поводов поговорить о ней. Вхождение в Евросоюз и НАТО, возможное размещение элементов ПРО США на ее территории неоднократно становилось предметом обсуждения по обе стороны Атлантического океана. Привлекли к себе внимание и отношения Чехии и Евросоюза, ибо они долго служили препятствием для вступления в силу основополагающего документа ЕС — Лиссабонского договора.

Чешские лидеры активно ведут себя на международной арене. Значительную часть своих заявлений они посвящали тому, как Чехия, да и Запад в целом должен выстраивать отношения с Россией.

Трухачев Вадим Вадимович: преподаватель РГГУ, эксперт Всемирного русского народного собора, кандидат исторических наук. vadimvts@mail.ru.

От президента зависит многое

Развитие российско-чешских отношений в последние 20 лет сильно зависело от того, кто стоял во главе Чехии. Так, в 1993–2003 гг. президентом страны был видный диссидент эпохи социализма, драматург Вацлав Гавел. При нем, несмотря на возражения России, Чехия в 1999 г. вступила в НАТО, и тут же Североатлантический блок без согласия Совета Безопасности ООН начал бомбардировки Югославии. Гавел поддержал их, не постеснявшись назвать натовские удары «гуманитарными». Спустя четыре года, уже на закате своего президентства, он поддержал и войну в Ираке [1]. В обоих случаях точка зрения России была противоположной.

Покинув высший пост, Гавел продолжал приветствовать все инициативы США и выступать против России. Так, в 2006 г. он высказался против того, чтобы Владимира Путина принимали в Праге. Позднее он одобрял размещение в Чехии радара американской системы противоракетной обороны (ПРО), требуя не идти на уступки России. А незадолго до смерти, летом 2011 г., он демонстративно отказался от немецкой премии «Квадрига», протестуя против ее вручения Путину [2].

Гавел поддерживал чеченских боевиков. Так, осенью 1999 г. в Праге с визитом побывал так называемый глава МИД Ичкерии Ильяс Ахмадов. А в 2006 г. первый президент Чехии высказался следующим образом: «Перед нашими глазами предстал разрушенный до основания Грозный. Ничего подобного в мире не случалось с 1944 г., когда Гитлер... разрушил восставшую Варшаву... Война в Чечне длится уже более 300 лет. Во времена царизма речь шла о колониальной войне. Во времена Сталина это был геноцид целого народа. С учетом числа жертв мы можем говорить, что это самый страшный конфликт из всех существующих на земле в начале XXI в.» [3].

Весьма красноречиво высказался Гавел после войны в Южной Осетии, встав на сторону Грузии: «Москва попрала нормы международного права и нарушила территориальную целостность государства-партнера НАТО... Я — за вступление в НАТО Украины, Грузии и даже Белоруссии, когда она освободится от режима Лукашенко. Альянс — это сложившаяся структура с крепкими ценностями и четкими географическими границами, и прием новых членов должен отвечать его внутренней логике и желанию союзников» [4].

Вполне естественно, что в годы президентства Гавела российско-чешские отношения находились практически в точке замерзания. За 10 лет он ни разу не побывал в России с визитом. Отечественный исследователь М.О. Копытина назвала годы правления Гавела упущенным десятилетием для развития связей между двумя государствами [5].

Политиком совершенно иного склада оказался второй президент Чешской республики (2003–2013), ее первый премьер-министр (1992–1997) Вацлав Клаус. Он наделал в Европе немало шума тем, что неоднократно выступал с критикой Евросоюза, а в 2009 г. даже на некоторое время приостановил ратификацию Лиссабонского договора [6]. Впрочем, не только в данном вопросе Клаус вел себя нехарактерно для политика

из бывшей социалистической страны. Его линия стала во многом противоположной линии Гавела.

Клаус изначально ратовал за вхождение Чехии в НАТО. Однако это не помешало ему выступить с критикой бомбардировок Югославии в 1999 г. на основании того, что атаки на сербов проводились без мандата ООН. Через четыре года, только вступив в должность президента, Клаус высказался против развязывания США войны в Ираке. А когда в 2008 г. премьер Чехии Мирослав Тополанек и глава МИД Карел Шварценберг признали независимость Косова, Клаус выразил свое недовольство таким шагом, пригласив к себе сербского посла и заявив, что ему стыдно за правительство своей страны. Как и Россия, Клаус считает отторжение Косова грубейшим нарушением международного права [7].

В годы президентства Клауса российско-чешские отношения заметно оживились. Едва придя в 2003 г. к власти, он дважды побывал в России. Впоследствии он еще не раз навещал нашу страну. Со своей стороны, в Праге с официальными визитами побывали Владимир Путин (2006 г.) и Дмитрий Медведев (2010 г.). Примечательно, что на переговорах с российскими коллегами Клаус не стеснялся говорить по-русски [8].

Заочно полемизируя с Гавелом в 2005 г., Клаус призывал воздержаться от нападок на Россию: «Я не думаю, что современная Россия угрожает стабильности в мире. Если бы это было так, то Чехия, будучи не далекой от России страной, почувствовала бы это на себе». А после войны в Южной Осетии Клаус одним из первых в Европе признал, что агрессором была Грузия. Его заявление не было вполне пророссийским, но на фоне обвинений в адрес РФ, раздававшихся в Европе, оно явно выделялось: «Принципиально осуждаю грузинское нападение на Южную Осетию, убийства гражданских лиц и массированное использование российской армии. Я опечален тем, что реальность не воспринимается такой, какой она есть» [9].

14 апреля 2014 г. уже бывший президент Клаус высказался по поводу происходящего на Украине. В отличие от большинства европейских политиков, он не стал возлагать вину за них на Россию: «Данную ситуацию спровоцировал европейский Запад и США, которые очень сильно хотели конфронтации с Россией и которые использовали Украину, как убогий, печальный, несчастный инструмент для достижения этой цели... Украина сама виновата. Не справилась с процессом трансформации после падения коммунизма ни на политическом, ни на экономическом уровне... Россия и Путин ни в чем не виноваты» [10].

Пришедший к власти в 2013 г. третий президент Чехии, Милош Земан, — тоже не новичок в большой политике. В 1998–2002 гг. он занимал пост премьер-министра страны. Его нельзя назвать русофилом, но откровенной враждебности к России он не проявлял, а во многих вопросах точка зрения нынешнего чешского руководителя созвучна российской.

В годы правления Гавела глава правительства Земан предпринимал попытки наладить отношения с Россией. В 1999 и 2002 г. он дважды побывал в Москве. Во втором

случае визит состоялся в тот момент, когда Австрия угрожала заблокировать прием Чехии в ЕС, требуя отменить послевоенные «декреты Бенеша», на основании которых в Германию и Австрию в 1945–1946 гг. выселили сотрудничавших с Гитлером чешских немцев. В итоге Владимир Путин и Милош Земан заявили, что итоги Второй мировой войны пересмотру не подлежат [11].

Будучи премьером во время бомбардировок Югославии 1999 г., Земан, в отличие от Клауса, не критиковал их открыто, но и не поддерживал, как Гавел. А уже в 2013 г. он резко раскритиковал и натовские удары, и признание странами Запада независимости Косово в 2008 г.: «Косово — это террористический режим, финансируемый наркомафией». Земан обвинил бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт в нарушении обещания не бомбить мирных сербов: «Олбрайт дала обещание, но не выполнила. С тех пор я ей не доверяю» [12].

Земан не раз высказывался против размещения в Чехии радара американской системы ПРО. «Политики, утверждающие, что речь идет о защите от Ирана и КНДР, делают из нас идиотов... В действительности речь идет о защите от России», — сказал он в 2006 г. По его мнению, смысла в ПРО нет, ибо Россия не представляет никакой угрозы. В 2009 г. он развил тему: «Радар хотят поставить ради того, чтобы связанные с ВПК фирмы набили себе карманы». Свое мнение президент не изменил и в наши дни. Когда американский сенатор Джон Маккейн в связи с последними событиями в Крыму предложил вернуться к размещению ПРО в Чехии, Земан назвал такой шаг «неэффективным» [13].

Выступил он и против приема в НАТО Украины и Грузии. При этом Земан обрушился на бывшего грузинского президента Михаила Саакашвили за подавление оппозиции, сочтя, что «примером для него являются Сталин и Берия». Что касается Украины, то в 2009 г., когда страной правили Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко, чешский лидер назвал ее «страной, где две или три банды борются за процент от транзита газа». Примерно в тех же словах он описал происходящее на Украине сейчас. «Здесь воюют бандиты с бандитами. Украине нужен сильный лидер, а не кто-нибудь из бандитов, правивших раньше, даже если это была женщина с ангельским лицом и косой» [14].

Впрочем, позиция Земана относительно происходящих на Украине событий отличается крайней противоречивостью. В одном из своих заявлений президент Чехии призывал НАТО ввести свои войска на Украину и даже пригрозил России «превентивным устрашением». В другом он выступил за усиление натовской группировки у границ Украины, но против боестолкновения с Россией, если та все же отправит войска на защиту населения Востока и Юга страны. В то же время он высказался против того, чтобы и.о. президента Украины Александр Турчинов и временный премьер Арсений Яценюк силой подавляли выступления жителей Юго-Востока, и призвал их сесть за стол переговоров с пророссийскими и «антимайдановскими» активистами [15].

С одной стороны, Земан против ввода российских войск на Украину, с другой — понимает, почему Крым вошел в состав России. Параллельно он ссылается на исторический опыт и самих чехов, и сербов. «Я вспоминаю гуманитарную бомбардировку Югос-

лавии. Когда я прибыл в Белград, то видел разбомбленную больницу... Я прекрасно понимаю интересы русскоязычного населения Крыма, который был в 1954 г. бессмысленным решением Хрущева присоединен к Украине, но у нас есть опыт интервенции 1968 года. Я думаю, что какая-либо военная интервенция создает глубокую пропасть, которую не могут засыпать целые поколения».

Несмотря на ряд критических выпадов в сторону России, Земан отверг предложение политиков стран Евросоюза, США и Канады ввести против России жесткие санкции. «Однажды я был в Майами и говорил кубинским мигрантам: помогли ли вам санкции? Они столь «успешны», что Фидель Кастро уже 50 лет является диктатором. И на примере Кастро можно видеть, что санкции не приводят к разумному результату» [16].

Нынешние противоречивые заявления Земана, различные подходы к нашей стране у его предшественников — Гавела и Клауса отражают неоднозначное восприятие чехами русских, России, СССР, которое формировалось примерно 200 лет. Здесь было место и русофильству, и русофобии, и прагматике, были попытки найти своего рода «взвешенный подход» и «серединную линию». Кто такие эти русские — братья-славяне или «дикие азиаты», противостоящие чехам-европейцам? Отголоски подобных колебаний в Чехии XIX-XX вв. мы наблюдаем и сегодня.

Чехи: славяне, но европейцы

Чехи придают своему славянству большое значение, для них очень важна кирилло-мефодиевская традиция. В 863 г. славянские просветители Кирилл и Мефодий прибыли в Великую Моравию, столица которой находилась близ современной деревни Велеград на востоке Чехии. Они даровали славянам азбуку, перевели на славянский язык богослужебные книги. На их основе впоследствии развились и чешский, и русский литературные языки.

В отличие от православных, католики отмечают день святых равноапостольных Кирилла и Мефодия не 24 мая, а 5 июля. Ежегодно в этот день в Чехии устраивают праздничные мероприятия и фестивали. Праздник носит не только религиозный, но и государственный характер. Так, в 2013 г. на торжествах в Велеграде по случаю 1150-летия миссии славянских просветителей присутствовала вся политическая элита страны, включая президента Земана. День объявили выходным, по всей стране вывесили национальные флаги. Размах торжеств в России в прошлом году значительно уступал чешскому.

Многие русские славянофилы XIX в. находили в деятельности чешского проповедника Яна Гуса, сожженного как еретика на соборе католической церкви в Констанце в 1415 г., православные нотки. Попытками возвращения к православию они объясняли и вспыхнувшее затем мощное гуситское движение [17]. Однако от этой версии русская наука постепенно отошла, а самими чехами она никогда всерьез не рассматривалась. Как отмечала крупнейший отечественный исследователь гуситского движения Л.П. Лаптева, идейным предшественником Гуса следует считать англичанина Джона

Виклифа, также бичевавшего пороки католического клира [18]. А в определенном смысле последователем Гуса был Мартин Лютер.

Во время гуситских войн против Чехии ополчилась вся Европа во главе с римскими папами. Католичество в Чехии восстановило свои позиции только в XVII в., когда страна утратила независимость и вошла в состав Австрийской империи. Впоследствии многие чехи отошли от религии, многие перешли в протестантизм. В отличие от Польши, в Чехии не мог сформироваться воинствующий католицизм. А тот католицизм, что сохранился, не носит антиправославную окраску.

Особенностью чешского сознания является то, что в нем следование кирилло-мефодиевской традиции прекрасно уживается с чувством принадлежности к Европе и католическо-протестантскому миру. Чехия долгое время была вассалом немецкой Священной Римской империи (впрочем, зависимость не была особенно заметной). А при императоре Карле IV Люксембурге (правил в 1346–1378 гг.) Прага и вовсе стала ее столицей. Впоследствии уже императоры из династии Габсбургов не раз переносили сюда свою ставку.

Православие в Чешском королевстве никогда не было распространено, а в письменности изначально использовалась латиница. Живший во второй половине XV в. король Чехии Иржи из Подебрад, а также чешский психолог и педагог XVII в. Ян Амос Коменский внесли свой вклад в развитие европейской идеи, на основе которой впоследствии возник Евросоюз. На данное обстоятельство, в частности, обращали внимание в своих работах бывший посол России при ЕС В.Г. Шемятенков и чешский историк В. Вебер [19].

Итак, чехи — европейцы, для которых православие и кириллица — нечто другое, к ним не относящееся. Евразийскую идею как альтернативу Европе даже самые большие русофилы среди чехов не рассматривали. В то же время Россия и Чехия, в отличие от России и Польши, никогда как государства друг с другом не воевали. Выступление белочехов в 1918–1920 гг. все же нельзя считать войной. А схожесть русского и чешского языков и отсутствие у чешских католиков антиправославного настроения способствовали некоторому сближению двух стран.

Все это помогло чешским политикам выработать достаточно спокойный и взвешенный подход к России. Он не такой братский, как у сербов, но и не неприязненный, какой находим у многих поляков. В истории наших отношений «европейский» и «славянский» подходы чехов к России то причудливо сочетались, то вступали в противоречие друг с другом.

Противоречивый чешский взгляд

Несмотря на языковое родство, история русско-чешских отношений не такая уж глубокая. В средние века связи между русскими и чехами не были особо тесными. Положение изменилось в конце XVIII в. С одной стороны, укрепившаяся Российская империя

начала проявлять интерес к положению славян, живших в Османской и Австрийской империях. С другой — прошедшие во второй половине XVIII в. реформы в Австрии привели к укреплению положения немецкого языка. Многонациональная империя Габсбургов все больше становилась немецкой, такое положение вещей чехов устроить не могло. И они обратили свои взоры к России.

Среди чешских деятелей рубежа XVIII–XIX вв. большой популярностью пользовалась идея славянской взаимности. Ее виднейшими представителями можно считать Йозефа Юнгманна и членов его кружка. Как отмечала Л.П. Лаптева, романтически настроенным деятелям чешского национального движения была свойственна «вера в Россию как потенциального освободителя». В самой России из всех деятелей чешского национального возрождения того времени побывал только Йозеф Добровский. И он как раз относился к России сдержаннее, «не считая возможным политическое сотрудничество между славянами» [20].

К середине XIX в. критический взгляд на Россию среди чешских деятелей вытеснил романтический. Как отмечали Л.П. Лаптева и чешский историк В. Доубек, поворотной точкой стало подавление русскими войсками польского восстания 1830–1831 гг. С того момента Россия казалась не освободителем, а «душителем свобод». Чехи также критиковали ее за сохранившееся крепостное право. На смену идее славянской взаимности пришла концепция австрославизма, крупнейшими выразителями которой стали Франтишек Палацкий и Карел Гавличек-Боровский. Чехи связывали свои национальные чаяния с преобразованием Австрийской империи в федерацию, где у чехов была бы своя национальная единица [21].

Вплоть до начала Первой мировой войны все ведущие чешские политики не мыслили своего будущего вне Австрии. Другое дело, что к рубежу XIX–XX вв. их отношение к своей стране ухудшилось. В 1867 г. Австрийская империя превратилась в Австро-Венгрию, а чехи продолжали настаивать на превращении страны не в двуединую монархию, а в федерацию. Усиливалось противостояние между чешским и немецким населением Богемии. К тому же набирала мощь Германская империя, от которой Австро-Венгрия зависела все больше. Рост германской мощи вызывал у чехов тревогу, а потому в их среде снова окрепли русофильские настроения, выросло новое политическое течение — неославизм.

Самым ярким выразителем русофильских идей и неославизма стал первый премьер независимой Чехословакии Карел Крамарж. Как отмечали историки Я.Б. Шмераль и З.С. Ненашева, когда в 1914 г. грянула буря, он выступил с идеей создания Славянской империи, управляемой русским царем [22]. И нельзя сказать, что подобные настроения не встречали отклика среди чехов. В народе распевали песню «Гей, славяне», а после побед русской армии на Юго-Западном фронте среди чехов был популярен такой девиз: «Русские близко, запекайте гусей!».

Однако в итоге возобладал подход, представленный будущим первым президентом Чехословакии Томашем Масариком. Как отмечали В. Доубек и крупнейший отечественный

специалист по Масарику Е.Ф. Фирсов, этот политик изначально выступал за сохранение Австро-Венгрии. Он изменил свои взгляды с началом войны, стал поборником чешской независимости, но ориентировался в большей степени на Великобританию, Францию и США. В то же время русофобом он не был и поддерживал контакты с Россией [23].

Трудно назвать европейского политика, который бы больше изучал Россию, чем Масарик, долгие годы бывший академическим ученым, профессором Венского университета. Он неоднократно бывал в нашей стране, встречался с Л.Н. Толстым. Масарик долгие годы состоял в переписке с русским мыслителем Эрнестом Радловым, одна из его главных книг носит название «Россия и Европа». Вопросы взаимоотношений чехов и русских, особенностей положения России он касался во многих своих работах. И при всей критике нашей страны никогда не считал, что Россия и русские — враги чехам или же европейцам [24].

В самом названии работы «Россия и Европа» содержится отсылка к труду Н.Я. Данилевского, славянофильские теории которого Масарик не принимал. Критиковал он и таких мастодонтов русского консерватизма, как М.Н. Катков и К.П. Победоносцев. Он признавал различия между Россией и Европой, но в то же время не находил их чем-то несовместимым. Во всей работе сквозит идея, что у России и Европы есть немало общего. «Чисто европейские вопросы становятся понятными самим европейцам на русских аналогиях» [25], — писал Масарик.

Кроме неприятия русских консервативно-монархических идей, Масарик отрицательно относился и к большевизму (да и к марксизму как таковому) [26]. В то же время он не стал переносить свое мнение об идеях и политике В.И. Ленина и И.В. Сталина на русских в целом. В итоге Чехословакия, руководимая Масариком, превратилась в один из главных центров русской эмиграции [27]. Так, на Ольшанском кладбище Праги, рядом с возведенной там русской церковью, нашли свое последнее пристанище писатели Аркадий Аверченко и Василий Немирович-Данченко.

Покинувшие Родину и осевшие в Чехословакии десятки тысяч русских людей служили для чехов доказательством правильности политического курса именно Масарика, а не принявшего православие русофила Крамаржа. Державы Антанты победили, к ним примкнула и руководимая Масариком Чехословакия. А царская Россия, на которую хотел опереться Крамарж, исчезла.

В современной Чехии Масарик, первый президент возрожденного чешского государства в 1918–1935 гг., служит своего рода иконой, непререкаемым авторитетом. «Мюнхенский сговор» и потеря Судетской области в 1938 г., а затем оккупация оставшейся части Чехии нацистской Германией последовали уже при президенте Эдварде Бенеше. При Масарике (он умер в 1937 г.) Чехословакия входила в число самых развитых стран мира.

Взгляды первого президента Чехословакии (в том числе и на Россию) оказали влияние на современную чешскую политическую элиту. Однако и до Масарика среди чеш-

ских политиков уже сформировалась весьма неоднозначная и противоречивая система восприятия России и русских. Так что президенты современной Чехии Гавел, Клаус и Земан в своей политике на российском направлении в определенном смысле выступали продолжателями традиции.

Мрачный «призрак коммунизма»

Новый поворот в восприятии нашей страны принесло окончание Второй мировой войны. 9 мая 1945 г. Красная армия вошла в Прагу, положив конец шестилетней оккупации Чехии нацистской Германией. Кроме того, Советский Союз поддержал желание руководителей возрожденной Чехословакии выселить из Чехии порядка 3 млн судетских немцев, помогавших Гитлеру в уничтожении довоенной Чехословакии и в установлении достаточно жесткого режима оккупации в протекторате Чехия и Моравия. Во многом благодаря СССР решение о депортации судетских немцев зафиксировали в итоговом документе Потсдамской конференции держав-победительниц летом 1945 г. [28]

Следствием освобождения страны стал рост русофильских настроений в чешском обществе и симпатий к Компартии Чехословакии (КПЧ). На выборах 1946 г. коммунисты получили свыше 43% голосов в Чехии и 38% по Чехословакии в целом (в Словакии поддержка Компартии была ниже). Но следует иметь в виду, что, голосуя за КПЧ, чехи не выбирали автоматически сталинскую модель государства. Так, Е.Ф. Фирсов отмечал, что в КПЧ «все еще доминировали демократические постулаты». Со своей стороны, В.В. Марьина указывала на неоднородность чехословацких коммунистов. А чешский историк В. Цугра подчеркивал, что поддержка коммунистов стала следствием того, что «Красная армия являлась гарантом невозвращения немцев» [29].

В отличие от других партий, КПЧ в 1920–1930-е гг. не была у власти и не несла, в отличие от «буржуазных» партий, ответственности за «Мюнхенский сговор» 1938 г. и утрату государственности. Довоенная КПЧ была парламентской партией, предпочитавшей заседания законодательного органа революции и баррикадам.

В 1948 г. КПЧ окончательно стала правящей, оставшиеся четыре партии превратились в «попутчиков», а Чехословакия вступила на путь строительства социализма, согласовывая с СССР свою политику. Большинство чехов приняли социализм, а если и не приняли — то пассивно, ибо никаких массовых восстаний не последовало.

В то же время собственной «сильной руки» у чехов никогда не было, а демократические традиции имелись. Оттого жесткий социализм советского образца многим пришелся не по душе, и впоследствии этот период даже называли пребыванием в «русской колониальной империи» [30]. (Обращает на себя внимание, что автор этих слов, советник президента Гавела Б. Долежал, использовал слово «русской», а не «советской».) Тем самым в глазах части чехов Советский Союз был формой русского государства,

и связанные с социализмом издержки многие чехи отождествляли с Россией и русскими.

После войны власти Чехословакии конфисковали значительную часть имущества богатых семей и тех, кто в годы войны сотрудничал с немецкими оккупантами. Выявляли их разного рода фабрично-заводские и национальные комитеты, где на ведущих ролях были коммунисты, а приговоры выносили «народные суды». Не обходилось без злоупотреблений. Многие подвергались дискриминации как «дети неблагонадежных». Впоследствии среди репрессированных появились и видные коммунисты (например, Рудольф Сланский и будущий глава Чехословакии Густав Гусак), и «кулаки» в деревне, и даже рабочие [31].

В числе пострадавших был и Вацлав Гавел — представитель одного из богатейших семейств довоенной Чехословакии. Его семья лишилась значительной собственности, часть его родственников перебралась за границу. Ему долгое время ограничивали доступ к образованию, и в начале 1960-х годов он пополнил ряды диссидентов. Заметим, что многолетний глава МИД Чехии Карел Шварценберг, в свою очередь, — отпрыск одного из самых знатных родов Центральной Европы. В 11-летнем возрасте он покинул родину, где семья оставила замки и огромные земли, вернувшись только спустя более 40 лет [32]. Оба они впоследствии (в разной мере) стали проводниками прозападной и антироссийской линии. Не было ли это следствием того, что коммунисты, отождествляемые с СССР и русскими, задели либо их лично, либо их родственников?

Надо признать, что недовольство социализмом советского образца существовало не только среди пораженных в правах детей богатых родителей и эмигрантов. Так, еще в 1950-х годах в Чехословакии недовольство выражали рабочие и крестьяне. Литераторы (в том числе будущий нобелевский лауреат Ярослав Зейферт) настаивали на ослаблении цензуры. Так что на экономические и политические реформы, вылившиеся в события «Пражской весны» 1968 г., задолго до этого существовал широкий запрос в чешском обществе. И события весны-лета 1968 г. были поддержаны большинством и в народе, и в руководстве партии [33].

Подавление «Пражской весны» войсками государств Варшавского договора (СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии) в августе 1968 г. до 90% жителей Чехословакии восприняло отрицательно. О том, что слишком многие не захотели возвращения к прежнему социализму, свидетельствуют масштабы чистки в Компартии Чехословакии: оттуда исключили 500 тыс. человек (при 15-миллионном населении страны). Большинство чехов смирилось с поражением, но, как отмечала историк Э.Г. Задорожнюк, «память о Пражской весне жила» [34].

В результате борьбы с «нелояльными элементами», начатой после прихода к руководству КПЧ Густава Гусака (он фактически руководил страной в 1968–1989 гг.), пострадали и партийные, и беспартийные. Активного диссидента В. Гавела в 1970–1980-е годы не раз отправляли в тюрьму, его пьесы перестали ставить. Начиная экономистам В. Клаусу и М. Земану, также поддержавшим «Пражскую весну», на долгие годы

закрыли возможность роста по карьерной лестнице [35]. Многие деятели культуры — в том числе и с мировым именем (писатель Милан Кундера, режиссер Милош Форман) эмигрировали из страны.

Чешские политологи М. Кунштат и В. Хандль делают вывод, что место Германии как главного врага в сознании очень многих чехов занял СССР: «Мюнхенский комплекс в значительной мере перекрыл комплекс 21 августа 1968 г.» [36]. А поскольку в Советском Союзе подчас видели «Россию» и «русских», после победы «Бархатной революции» 1989 г. сначала Чехословакия, а затем Чехия долгое время стремились исключительно на Запад. В российско-чешских отношениях настали заморозки, олицетворением которых стал Вацлав Гавел.

Без неприятия России

В то же время среди чехов сохранилась традиция разделения понятий «русское» и «советское», которую заложил еще Масарик. В каком-то смысле его продолжателем можно считать Вацлава Клауса, заявившего: «я готов делать различия между Советским Союзом и современной Россией» [37].

Пострадав после подавления «Пражской весны», Клаус не питал к эпохе социализма симпатий. «Мы в нашей стране очень много занимаемся историей, историей XX века, в котором произошло много событий, и среди них те, которыми мы недовольны», — говорил он. В то же время второй президент Чехии отдавал должное Красной армии, освободившей и чехов, и весь мир от нацизма. Победу 1945 г. он называл «результатом героизма миллионов солдат антигитлеровской коалиции, особенно Советского Союза» [38].

Не склонен считать современную Россию наследницей всех недостатков СССР и Милош Земан, также отрицательно воспринимающий времена социализма. Нынешний глава чешского государства всячески ратует за развитие двустороннего сотрудничества: «Россию надо воспринимать как страну Достоевского, Тургенева, Солженицына, Чайковского, Репина. Я вижу ее в ряду великих держав мира... В 1968 году вы поставили нам несколько сот танков по очень дешевой цене. Я думаю, что мы должны развивать наши экономические отношения на совсем иной основе, поставляя друг другу товары» [39].

Что касается русофильских политических сил, то к ним в определенной мере можно отнести Коммунистическую партию Чехии. Она воздерживалась от нападков и на СССР, и на Россию. Чешские коммунисты резко критиковали расширение НАТО на Восток, возможное размещение на чешской территории элементов ПРО США, ратуя за «Европу от Атлантики до Урала» [40]. Хотя после 1989 г. коммунисты стабильно оставались в оппозиции, их точка зрения на выборах каждый раз находила отклик 10–15% чехов.

Если же говорить об упреках, которые Чехия предъявляет другим странам, то Россия значится «в общем списке».

В отношениях с Германией есть период 1938–1945 гг., когда Гитлер сначала отторгнул от Чехословакии населенную в основном немцами Судетскую область, а затем оккупировал оставшуюся часть Чехии и создал протекторат Богемия и Моравия. Чехи стали там гражданами второго сорта, их онемечивали, притесняли и убивали. Данное обстоятельство до сих пор оказывает влияние на отношение чехов к немецкоязычными соседям [41].

Проблем с Австрией у чехов даже больше, чем с Германией. 300 лет в составе Австрийской империи, когда чехов притесняли, все основные решения за них принимались в Вене, а первым языком оставался немецкий, не могли не вызвать обиды в отношении южной соседки. Со своей стороны, австрийцы считают чехов «гробовщиками монархии Габсбургов», виня их в подрыве Австро-Венгрии и ее бесславном конце в 1918 г. Отголоски тех событий до сих пор влияют на чешско-австрийские отношения, которые и в наши дни остаются непростыми. Достаточно сказать, что из-за проблемы АЭС «Темелин» и отказа чехов отменить «декреты Бенеша» Австрия едва не заблокировала прием Чехии в Евросоюз [42].

Не все ладно и в чешском восприятии Великобритании, Франции и Италии. Все три европейские державы в 1938 г., не спросив мнения самих чехов, фактически отдали Гитлеру Судетскую область. Что касается соседней Польши — даже если опустить войны между двумя западнославянскими королевствами в средние века, остается вопрос о Тешинской Силезии. Польша в 1938 г. тоже приняла участие в «Мюнхенскомговоре», заняв часть чехословацкой территории. В 2009 г. покойный польский президент Лех Качиньский даже извинялся за это [43].

Наконец, США. Тот же В. Клаус критиковал американцев и за бомбардировки Югославии в 1999 г., и за войну в Ираке, и за отторжение Косова. Попытки американцев разместить на чешской территории объекты ПРО натолкнулись на сопротивление большинства чешского общества, чью точку зрения выразил М. Земан. Две трети жителей страны не желали видеть на своей территории американский радар [44]. Так что и к США чехи относятся критически.

Таким образом, у чехов есть вопросы ко всем ведущим странам Запада и практически ко всем соседям. Место «исключительного врага» Россия в их историческом сознании не занимает. Это проявляется и в политике, которую проводят чешские президенты. Чехию нельзя причислить к дружественным России государствам, но в то же время ее голос на международной арене сегодня звучит достаточно независимо и от США, и от Германии, и от Евросоюза.

История русско-чешских политических и культурных связей богата и обширна. Это обстоятельство вкупе с тем, что чехи ценят свое славянство, способно превратить 10-миллионную страну в одного из ведущих партнеров России в Европе. Тем более что у значительной части чешской политической элиты такой интерес к России тоже есть.

Примечания:

- [1] Le Monde, 29 Avril 1999; Радио Прага. 20.09.2002. Радиогазета/ <http://www.radio.cz/ru/statja/32552>
- [2] Трухачев В. Разруха в головах/ Правда.Ру, 02.03.2006/ <http://www.pravda.ru/world/europe/european/02-03-2006/77906-gavel-0/>; Гавел высказался в поддержку размещения объектов ПРО США в Центральной Европе/Интерфакс-Запад, 26.10.07 / <http://www.interfax.by/news/world/6473>; Трухачев В. Гавел: икона демократии и критик России/ Правда.Ру, 05.10.2011 / <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/05-10-2011/1093805-havel-0/>
- [3] Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2. С. 386; Трухачев В. Гавел: последний аккорд недруга России/ Правда.Ру, 19.12.2011/ <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/19-12-2011/1102502-havel-0/>
- [4] Цит по: Трухачев В. Гавел: последний аккорд недруга России.
- [5] Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2. С. 385.
- [6] Подробнее о политике Клауса в отношении Евросоюза: Трухачев В.В. Чешско-австрийские отношения в 1998–2007 гг. (Политические и социально-экономические аспекты). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2011; Трухачев В.В. Вацлав Клаус: геополитические игры строптивого чешского евроатлантиста/ Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 5, март 2013. С. 74–81.
- [7] Радио Прага. 28.02.2003. Радиогазета/ <http://www.radio.cz/ru/statja/38103>; Radio Praha. Zprávy. 10.04.2003/ <http://www.radio.cz/cz/zpravy/39576>; Stydím se, řekl Klaus o uznání Kosova. iDNES.cz, 23. května 2008/ http://zpravy.idnes.cz/stydim-se-rekl-klaus-o-uznani-kosova-dvd-/domaci.aspx?c=A080523_203033_domaci_dp
- [8] Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2. с. 390–391;
- [9] Трухачев В. Вацлав Клаус — самый независимый лидер Восточной Европы/ NewsBalt, 6.03.2013/ http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=9008&sphrase_id=13506; Трухачев В. Гавел: последний аккорд недруга России; Трухачев В. Вацлав Клаус: гроза ЕС и «похититель ручек»/ Правда.Ру, 19.06.2011/<http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/19-06-2011/1080521-klaus-0/#>
- [10] Вацлав Клаус: «Наши западные товарищи попользовались Украиной против России»/ KP.Ru, 14.04.2014/ <http://www.kp.ru/daily/26219.5/3102723/>
- [11] Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2. С. 390–391; Радио Прага. 18.04.2002. Радиогазета/ <http://www.radio.cz/ru/statja/27010>
- [12] Трухачев В. Политпортрет: Новый чешский президент Милош Земан — остряк, враг ислама и ценитель Солженицына/ NewsBalt, 8.04.2013/ http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=9994&sphrase_id=15918
- [13] Do Olomouce zavítal Miloš Zeman. 15.12.2006/ <http://zpravodajstvi.olomouc.cz/view2.php?cislocianku=2006121504>; Zeman: Pozvěme do NATO Izrael/ Novinky.Cz/ <http://www.novinky.cz/domaci/163295-zeman-pozveme-do-nato-izrael.html>; Zeman: Protiraketový deštník jako reakce na Krym? Neefektivní/ Tyden.Cz, 11.03.2014 / http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/politika/zeman-protiraketovy-destnik-jako-reakce-na-krym-neefektivni_300775_diskuze.html

- [14] Zeman: Neprijmíme do NATO Saakašviliho či zlodějov plynu/ Pravda.Sk, 13.03.2009/ <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/227862-zeman-neprijmíme-do-nato-saakasviliho-ci-zlodějov-plynu/>; Nepřítelem je islám, „připomněl“ světu prezidentský kandidát Zeman/ iDNES.cz, 27. června 2011/ http://zpravy.idnes.cz/nepritelem-je-islam-pripomnel-svetu-prezidentsky-kandidat-zeman-py3-/domaci.aspx?c=A110627_175624_domaci_jw; На Украине воюют бандиты с бандитами, считает президент Земан/ Радио Прага, 16-04-2014/ <http://radio.cz/ru/rubrika/novosti/na-ukraine-vouyut-bandity-s-banditami-schitaet-prezident-zeman>
- [15] Земан призвал Киев к переговорам с сепаратистами/ «Пražский экспресс», 14.04.2014. <http://www.prague-express.cz/politics/42823-2014-04-14-16-11-04.html>
- [16] Трухачев В. Россия-Украина: чешский просчет/ Аргументы.ру, 7 марта 2014/ <http://argumentiru.com/politics/2014/03/324230>
- [17] См., например: Е. Новиков. Православие у чехов. М., 1848; И.С. Пальмов. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб, 1881.
- [18] История южных и западных славян. Т.1. М., 2001, С.280–281.
- [19] Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М., 2003; С.19,20.
Veber V. Dějiny sjednocené Evropy. Praha, 2009, S.75–76, 85–87.
- [20] Лаптева Л.П. История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени. М., 1998, С.82–85.
- [21] Лаптева Л.П. Указ. соч. с. 110; Doubek V. Česká politika a Rusko (1848–1914). Praha, 2004, S. 38–39, 55.
- [22] Ненашева З.С. Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1994, С. 69, 77, 144; Шмераль Я.Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967, С. 38–39.
- [23] История южных и западных славян. Т.2. М., 2008, с. 56; Doubek V. Op.Cit. S.264–268.
- [24] Подробнее см.: Масарик Т.Г. Россия и Европа. В 3 ТТ. СПб., 2000, 2003.
Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. Часть I. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005.
Т.Г. Масарик. Философия — социология — политика. Под ред. Н.П. Нарбута и Е.Ф. Фирсова. М., 2003.
- [25] Masaryk T.G. Rusko a Evropa. Sv II. Praha, 1996, S. 285, 430.
- [26] См., например: Масарик Т.Г. Советская Россия и мы/ Т.Г. Масарик. Философия — социология — политика. С. 487–529.
- [27] Истории русской эмиграции, в частности, посвящалась выставка «Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России». Подробнее о выставке на сайте Федерального архивного агентства: http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml
- [28] Memorandum československé vlády o transféru Němců a Maďarů z ČSR/Beneš Z aj. Rozumět dějinám. Praha, 2002, s.172–173; Hauner M. Edvard Beneš. Paměti III. Dokumenty. Praha, 2007, S.538–539.
Amtliche Verlautbarung über die Konferenz von Potsdam vom 17. Juli bis 2. August 1945. Auszug/ Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland/ http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/Nachkriegsjahre_vertragPotsdamerAbkommen/index.html
- [29] Чехия и Словакия в XX веке. Книга вторая. М., 2005, С.9, 12–13.
История южных и западных славян. Т.2. М., 2008, С. 197.
České země v evropských dějinách. Díl 4. Praha-Litomyšl, 2006, S.171.

- [30] Doležal B. Národ lokajů a služek?// <http://bohumildolezal.lidovky.cz/texty/u066-02.htm>
- [31] Program československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků přijatý 5. dubna 1945 v Košicích, tzv. Košický vládní program// Moderní — Dějiny. Cz// <http://www.moderni-dejiny.cz/clanek-kosicky-vladni-program-5-4-1945-126/>
Dekrety prezidenta republiky// Poslanecká sněmovna České republiky// <http://www.psp.cz/docs/laws/dek/>
Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu: Dokumenty. Praha, 1965, Sv I-II, S.205–219.
České země v evropských dějinách. Díl 4. S.183–192;
Чехия и Словакия в XX веке. Книга вторая. С.36, 109, 125–129.
- [32] Podrobnosti biografii Вацлава Гавела и Карела Шварценберга можно найти и во многих книгах, и в интернете. См., например: Prečan V. Chronologický přehled hlavních údajů o životě, literárním díle, kulturní a společenské aktivitě Václava Havla (1936–srpen 1989)/ Havel, Václav. Do různých stran. Praha, 1990. S.490–510; Motl S. Mraky nad Barrandovem. Praha, 2006; Schwarzenberg, Karel Jan. Knížecí život. Praha 2008.
- [33] České země v evropských dějinách. Díl 4. S.187–192, 213–217.
Чехия и Словакия в XX веке. Книга вторая. М., 2005, С.89–167.
- [34] Чехия и Словакия в XX веке. Книга вторая. М., 2005, С.215, 217, 219.
- [35] Подробнее о политическом пути В.Клауса и М.Земана см.: Трухачев В. Вацлав Клаус: гроза ЕС и “похититель ручек”. Правда.Ру, 19.06.2011/ <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/19-06-2011/1080521-klaus-0/#>; Трухачев В. Политпортрет: Новый чешский президент Милош Земан...
- [36] Handl V., Kunštát M. Střední Evropa v zahraniční politice České republiky/ Česko a Rakousko po konci studené války: různými cestami do nové Evropy. S.62.
- [37] Medveděv není Brežněv, ale v Rusku bych žít nechtěl, řekl Klaus/ iDNES.Cz, 7. listopadu 2009/ http://zpravy.idnes.cz/medvedev-neni-breznev-ale-v-rusku-bych-zit-nechtel-rekl-klaus-p5s-/zahranicni.aspx?c=A091107_080116_zahranicni_jw
- [38] Президент Чехии призвал не бороться с историей/ Правда.Ру, 29.04.2007/ <http://www.pravda.ru/news/world/29-04-2007/222087-czech-0/>; Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2. С. 391.
- [39] Трухачев В. Политпортрет: Новый чешский президент Милош Земан...
- [40] Přípravují se USA na preventivní jaderný úder proti Rusku? Svět atomových bomb pro bohublé cíle/ Komunistická strana ech a Moravy/ <http://www.kscm.cz/nazory-a-polemika/36321/pripravuji-se-usa-na-preventivni-jaderny-uder-proti-rusku-svet-atomovych-bomb-pro-bohuble-cile-?previev=archiv>
Výzva k založení Evropské levičové strany/ http://www.kscm.cz/news_detail.asp?menu=t&neclid=286&neclid=286&nrwld=1161
- [41] Подробнее о спорах вокруг «декретов Бенеша» см. здесь: Трухачев В.В. «Декреты Бенеша» — мина замедленного действия для ЕС?/ Современная Европа, №3 (43), июль — сентябрь 2010 г. с.96–109.
- [42] См. Трухачев В.В. Чешско-австрийские отношения в 1998–2007 гг.
- [43] Kaczyński: Obsazení části čs.pohraničí v r. 1938 byl hřích/ Euroskop.cz — věčně o Evropě, 03.09.2009/ <https://www.euroskop.cz/38/13403/clanek/kaczy-sky-obsazeni-casti-cs-pohranici-v-r-1938-byl-hrich/>

[44] Ruský vpád do Gruzie podporu radaru nepřinesl, ukázal průzkum/ iDNES.cz, 3. října 2008/
http://zpravy.idnes.cz/rusky-vpad-do-gruzie-podporu-radaru-neprinesl-ukazal-pruzkum-p6h-/domaci.aspx?c=A081003_175630_domaci_dp

Список литературы:

1. Amtliche Verlautbarung über die Konferenz von Potsdam vom 17. Juli bis 2. August 1945. Auszug/ Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland/ http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/Nachkriegsjahre_vertragPotsdamerAbkommen/index.html
2. České země v evropských dějinách. Díl 4. Praha-Litomyšl, 2006.
3. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu: Dokumenty. Praha, 1965, Sv I-II, S.205–219.
4. Dekrety prezidenta republiky// Poslanecká sněmovna České republiky// <http://www.psp.cz/docs/laws/dek/>
5. Do Olomouce zavítal Miloš Zeman. 15.12.2006/ <http://zpravodajstvi.olomouc.cz/view2.php?cislocianku=2006121504>.
6. Doležal B. Národ lokajů a služek?// <http://bohumildolezal.lidovky.cz/texty/u066-02.htm>
7. Doubek V. Česká politika a Rusko (1848–1914). Praha, 2004, S. 38–55.
8. Handl V., Kunštát M. Střední Evropa v zahraniční politice České republiky/ Česko a Rakousko po konci studené války: různými cestami do nové Evropy. S.62.
9. Hauner M. Edvard Beneš. Paměti III. Dokumenty. Praha, 2007, S.538–539.
10. Kaczyński: Obsazení části čs.pohraničí v r. 1938 byl hřích/ Euroskop.cz — věčně o Evropě, 03.09.2009. <https://www.euroskop.cz/38/13403/clanek/kaczy-sky-obsazeni-casti-cs-pohranici-v-r-1938-byl-hrich/>
11. Košický vládní program// Moderní — Dějiny. Cz// <http://www.moderni-dejiny.cz/clanek-kosicky-vladni-program-5-4-1945-126/>
12. Le Monde, 29 Avril 1999.
13. Masaryk T.G. Rusko a Evropa. Sv II. Praha, 1996, S. 285, 430.
14. Medveděv není Brežněv, ale v Rusku bych žít nechtěl, řekl Klaus/ iDNES.Cz, 7. listopadu 2009/ http://zpravy.idnes.cz/medvedev-neni-breznev-ale-v-rusku-bych-zit-nechtel-rekl-klaus-p5s-/zahranicni.aspx?c=A091107_080116_zahranicni_jw
15. Memorandum československé vlády o transféru Němců a Maďarů z ČSR/Beneš Z aj. Rozumět dějinám. Praha, 2002, s.172–173.
16. Motl S. Mraky nad Barrandovem. Praha, 2006.
17. Nepřítelem je islám, „připomněl“ světu prezidentský kandidát Zeman/ iDNES.cz, 27. června 2011/ http://zpravy.idnes.cz/nepritelem-je-islam-pripomnel-svetu-prezidentsky-kandidat-zeman-py3-/domaci.aspx?c=A110627_175624_domaci_jw.
18. Prečan V. Chronologický přehled hlavních údajů o životě, literárním díle, kulturní a společenské aktivitě Václava Havla (1936–srpen 1989)/ Havel, Václav. Do různých stran. Praha, 1990. S.490–510.
19. Připravují se USA na preventivní jaderný úder proti Rusku? Svět atomových bomb pro bohubilé cíle/ Komunistická strana ech a Moravy/ <http://www.kscm.cz/nazory-a-polemika/36321/pripavuji-se-usa-na-preventivni-jaderny-uder-proti-rusku-svet-atomovych-bomb-pro-bohulibe-cile-?previev=archiv>

20. Program československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků přijatý 5. dubna 1945 v Košicích, tzv.
21. Radio Praha. Zprávy. 10.04.2003/ <http://www.radio.cz/cz/zpravy/39576>.
22. Ruský vpád do Gruzie podporu radaru nepřinesl, ukázal průzkum/ iDNES.cz, 3. října 2008/
23. Stydím se, řekl Klaus o uznání Kosova. iDNES.cz, 23. května 2008/ http://zpravy.idnes.cz/stydim-se-rekl-klaus-o-uznani-kosova-dvd-/domaci.aspx?c=A080523_203033_domaci_dp
24. Schwarzenberg, Karel Jan. Knížecí život. Praha 2008.
25. Veber V. Dějiny sjednocené Evropy. Praha, 2009, S.75–76, 85–87.
26. Výzva k založení Evropské levičové strany/ http://www.kscm.cz/news_detail.asp?menu=t&neclid2=286&neclid=286&nrwld=1161
27. Zeman: Neprijmeme do NATO Saakašviliho či zlodejov plynu/ Pravda.Sk, 13.03.2009/ <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/227862-zeman-neprijmeme-do-nato-saakasviliho-ci-zlodejov-plynu/>.
28. Zeman: Pozvěme do NATO Izrael/ Novinky.Cz/ <http://www.novinky.cz/domaci/163295-zeman-pozveme-do-nato-izrael.html>.
29. Zeman: Protiraketový deštník jako reakce na Krym? Neefektivní/ Tyden.Cz, 11.03.2014 / http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/politika/zeman-protiraketovy-destnik-jako-reakce-na-krym-neefektivni_300775_diskuze.html
30. Вацлав Клаус: «Наши западные товарищи попользовались Украиной против России» // KP.Ru, 14.04.2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26219.5/3102723/> (дата обращения: 25.04.2014).
31. Гавел высказался в поддержку размещения объектов ПРО США в Центральной Европе/ Интерфакс-Запад, 26.10.07 URL: <http://www.interfax.by/news/world/6473> (дата обращения: 25.04.2014)
32. Земан призвал Киев к переговорам с сепаратистами/ «Пражский экспресс», 14.04.2014. URL: <http://www.prague-express.cz/politics/42823-2014-04-14-16-11-04.html> (дата обращения: 25.04.2014)
33. История южных и западных славян. Т.1. М., 2001.
34. История южных и западных славян. Т.2. М., 2008.
35. Лаптева Л.П. История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени. М., 1998, С.82–85.
36. Масарик Т.Г. Россия и Европа. В 3 ТТ. СПб., 2000, 2003.
37. Масарик Т.Г. Советская Россия и мы/ Т.Г. Масарик. Философия — социология — политика. С. 487–529.
38. Масарик Т.Г. Философия — социология — политика. Под ред. Н.П. Нарбутова и Е.Ф. Фирсова. М., 2003.
39. На Украине воюют бандиты с бандитами, считает президент Земан // Радио Прага, 16-04-2014. URL: <http://radio.cz/ru/rubrika/novosti/na-ukraine-voyuyut-bandity-s-banditami-schitaet-prezident-zeman> (дата обращения: 25.04.2014).
40. Ненашева З.С. Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1994, С. 69, 77, 144.
41. Новиков Е. Православие у чехов. М., 1848.
42. Пальмов И.С. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб, 1881.
43. Президент Чехии призвал не бороться с историей // Правда.Ру, 29.04.2007. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/29-04-2007/222087-czech-0/> (дата обращения: 25.04.2014).

44. Радио Прага. 18.04.2002. — Радиогазета. URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/27010> (дата обращения: 25.04.2014).
45. Радио Прага. 20.09.2002. — Радиогазета. URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/32552> (дата обращения: 25.04.2014).
46. Радио Прага. 28.02.2003. — Радиогазета. URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/38103>. (дата обращения: 25.04.2014).
47. Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX — начале XXI века. Т.2.
48. Трухачев В. Вацлав Клаус — самый независимый лидер Восточной Европы // URL: NewsBalt. 6.03.2013. http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=9008&sphrase_id=13506 (дата обращения: 25.04.2014)
49. Трухачев В. Вацлав Клаус: гроза ЕС и «похититель ручек» // Правда.Ру. 19.06.2011. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/19-06-2011/1080521-klaus-0/#> (дата обращения: 25.04.2014)
50. Трухачев В. Гавел: икона демократии и критик России // Правда.Ру. 05.10.2011. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/05-10-2011/1093805-havel-0/> (дата обращения: 25.04.2014)
51. Трухачев В. Гавел: последний аккорд недруга России // Правда.Ру. 19.12.2011. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/easteurope/19-12-2011/1102502-havel-0/> (дата обращения: 25.04.2014)
52. Трухачев В. Политпортрет: Новый чешский президент Милош Земан — остряк, враг ислама и ценитель Солженицына // NewsBalt. 8.04.2013. http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=9994&sphrase_id=15918 (дата обращения: 25.04.2014)
53. Трухачев В. Разруха в головах // Правда.Ру. 02.03.2006. <http://www.pravda.ru/world/europe/european/02-03-2006/77906-gavel-0/> (дата обращения: 25.04.2014)
54. Трухачев В. Россия-Украина: чешский просчет // Аргументы.ру. 7 марта 2014. URL: <http://argumentiru.com/politics/2014/03/324230> (дата обращения: 25.04.2014)
55. Трухачев В.В. «Декреты Бенеша» — мина замедленного действия для ЕС? // Современная Европа, №3 (43), июль — сентябрь 2010 г. с.96–109.
56. Трухачев В.В. Вацлав Клаус: геополитические игры строптивого чешского евроатлантиста // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. №5, март 2013. С. 74–81.
57. Трухачев В.В. Чешско-австрийские отношения в 1998–2007 гг. (Политические и социально-экономические аспекты). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2011.
58. Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. Часть I. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке. М., 2005.
59. Чехия и Словакия в XX веке. Книга вторая. М., 2005.
60. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М., 2003.
61. Шмераль Я.Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967.

Владимир Кондратьев

Зачем нужны государственные нефтяные компании?

Аннотация: В статье исследуются место государственных нефтяных компаний в мировой и национальных экономиках, их связь с национальными интересами нефтедобывающих стран, а также цели создания таких компаний в экономическом, политическом и социальном аспектах.

Ключевые слова: национальные нефтяные компании, социально-экономическая эффективность, роль государства в экономике, промышленная политика.

В отечественных средствах массовой информации вновь заговорили о приватизации единственной крупной российской государственной нефтяной компании «Роснефть» и сокращении доли государства до 50% плюс одна акция. Эти планы лежат в русле стратегии правительства, которое еще три года назад намеревалось до 2014 г. полностью выйти из капитала «Роснефти». Такая информация заставляет обратиться к анализу роли и места государственных нефтяных компаний в национальной экономике разных стран.

Государственные, или, как их часто называют, национальные нефтяные компании (NOCs) контролируют около 90% мировых резервов нефти и газа и 75% их производства, а также большую часть соответствующей инфраструктуры. Среди 25 крупнейших мировых нефтегазовых корпораций 18 относятся к национальным нефтяным компаниям. Таким образом, NOCs играют важнейшую роль в экономике, обеспечении энергетической безопасности и сохранении стабильности на нефтегазовых рынках.

До последнего времени эксперты в значительной степени игнорировали влияние NOCs на мировую и национальную экономику. Большая часть исследований (как за рубежом, так и у нас) делала акцент на разнице в эффективности между национальными нефтяными компаниями и частными корпорациями (POCs), упуская из виду, что NOCs ставят перед собой более сложные и широкие социально-экономические и политические задачи — в отличие от POCs, ориентированных только на простую максимизацию отдачи на капитал их акционеров. Попытаемся по-новому взглянуть на роль национальных нефтяных компаний в деле создания стоимости и повышения социально-экономической эффективности.

Кондратьев Владимир Борисович: профессор, доктор экономических наук, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН. v.b.kondr@imemo.ru.

История возникновения и развития НОСs

Считается, что первая национальная нефтяная компания была создана в Австро-Венгрии в 1908 г., когда частные компании столкнулись с избытком предложения на рынке нефти. Император Франц Иосиф одобрил строительство принадлежащего государству завода, способного перерабатывать дополнительную сырую нефть и стабилизировать конечный рынок нефтепродуктов.

По мере превращения нефти в стратегически важный товар государства стали проявлять повышенный интерес к нефтяной промышленности. Ведущие европейские, прежде всего колониальные, страны приступили к формированию государственных нефтяных компаний, чтобы контролировать внутренний рынок и добычу нефти в своих зарубежных доминионах.

В 1914 г. правительство Великобритании вложило 2,2 млн фунтов стерлингов в покупку 51% акций компании «Anglo-Persian Oil Company» (позже ставшей знаменитой «British Petroleum»). Эта была «пассивная» инвестиция, не дававшая контроля над управлением и позволившая занять только два места в совете директоров. Основным мотивом такого решения было обеспечение безопасности поставок углеводородов в преддверии Первой мировой войны, поскольку новейшее поколение военных кораблей работало на нефти. Как говорил Уинстон Черчилль, в то время Первый лорд Адмиралтейства, «если мы не получим нефть, мы не сможем получить зерно, мы не сможем получить хлопок и мы не сможем получить еще тысячу и один товар, необходимый для сохранения экономической мощи Великобритании. Для обеспечения безопасности и диверсификации поставок нефти государство должно иметь долгосрочные контракты, а Адмиралтейство, в конечном счете, должно стать независимым собственником и поставщиком жидкого топлива» [1].

Во Франции в 1924 г. была образована частная компания «Compagnie Francaise des Petroles» (CFP) со значительным участием и поддержкой со стороны государства. Ее ключевым активом были 24% акций «Turkish Petroleum Company» (позже переименованной в «Iraq Petroleum Company»), принадлежавшие прежде «Deutsche Bank» и переданные Франции в качестве компенсации за разрушения во время Первой мировой войны. Создание компании «Agip» в Италии в 1926 г. было первым примером активности на нефтяном рынке страны-импортера, стремящейся уравновесить влияние зарубежных нефтедобывающих компаний на своем внутреннем рынке.

Примерно в это же время страны Латинской Америки, где в 1920-е гг. были открыты значительные месторождения нефти (прежде всего Мексика и Венесуэла), возглавили процесс создания национальных нефтяных компаний в развивающихся странах. Первой из таких компаний (в 1922 г.) стала аргентинская «Yasimentos Petroliferos Fiscales» (YPF), за которой последовали компании из Чили (1926 г.), Уругвая (1931 г.), Перу (1934 г.) и Боливии (1936 г.). Мексиканская государственная нефтяная компания «Petroleos Mexicanos» (Pemex) была образована в 1938 г. на базе национализации частных иностранных компаний, работавших в стране. Это

стало первым случаем масштабной экспроприации (национализации) в нефтяном секторе.

В табл. 1 приведена информация об истории образования национальных нефтяных компаний в различных странах мира.

Таблица 1

Годы основания национальных нефтяных компаний в разных странах

Год основания	Страна	Компания
1914	Великобритания	BP
1922	Аргентина	YPF
1924	Франция	CFP
1926	Италия	Agip
1938	Мексика	Pemex
1951	Иран	NICC
1953	Бразилия	Petrobras
1956	Индия	ONGC
1960	Кувейт	KNPC
1962	Саудовская Аравия	Petromin
1965	Алжир	Sonatrach
1967	Ирак	INCC
1970	Ливия	LNOC
1971	Индонезия	Petromina
1971	Нигерия	NNOC
1972	Норвегия	Statoil
1974	Катар	QGPC
1974	Малайзия	Petronas
1975	Венесуэла	PdvSA
1975	Вьетнам	Petrovietnam
1975	Канада	Petro-Canada
1975	Великобритания	BNOC
1976	Ангола	Sonangol
1982	Китай	CNOOC
1983	Китай	Sinopec
1988	Китай	CNPC
2002	ЮАР	PetroSA
2006	ЧАД	SHT

Источник: National Oil Companies and Value Creation, World Bank Working Paper No 218, The World Bank, Washington D.C. 2011, p.17.

В 1930-е гг. прошлого века значительные месторождения нефти были открыты на Ближнем Востоке — в 1932 г. в Бахрейне, в 1938 г. в Кувейте и Саудовской Аравии. Эти

события ознаменовали собой географический сдвиг в глобальной нефтедобывающей промышленности. Международные корпорации сформировали частный консорциум для контроля над добычей нефти в регионе, включая Саудовскую Аравию, где пять американских компаний основали «Aramco Oil Company». В результате быстрого экономического роста после Второй мировой войны США в 1948 г. превратились в чистого импортера углеводородов. К этому времени страна обладала наиболее зрелой нефтяной промышленностью. Однако производительность скважин и предельные издержки здесь были гораздо менее благоприятными, чем в странах Ближнего Востока [2]. За период с 1948 по 1972 г. семь из десяти баррелей новых месторождений (т.е. 70% объема новых запасов нефти) находились в странах Ближнего Востока. Это усиливало договорные позиции нефтедобывающих стран по отношению к «арендаторам» — международным частным нефтяным корпорациям.

В 1959 г. крупнейшие нефтедобывающие страны мира встретились в Каире, где заключили «джентльменское соглашение» о консультациях по вопросам общих интересов. В соглашении присутствовали рекомендации по созданию национальных нефтяных компаний для обеспечения прямого государственного участия в нефтяной промышленности. Эти рекомендации были реализованы лишь по прошествии нескольких лет [3]. Действовавшие в то время концессионные соглашения включали в себя платежи роялти собственникам ресурсов (нефтедобывающей стране) плюс 50%-ный налог на доходы (fifty-fifty profit sharing). При этом расчет прибыли осуществлялся обычно на базе так называемых справочных, а не рыночных цен. После того как частные нефтяные компании в одностороннем порядке дважды снизили справочные цены (в 1959 и в 1960 г.), большинство нефтедобывающих стран решили искать пути защиты своих национальных интересов. В результате в 1960 г. была создана Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). К пяти странам-основателям — Ирану, Ираку, Кувейту, Саудовской Аравии и Венесуэле — позже присоединились Катар (1961 г.), Индонезия и Ливия (1962 г.), ОАЭ (1967 г.), Нигерия (1971 г.), Эквадор (1973 г.), Габон (1975 г.) и Ангола (2007 г.).

В 1968 г. ОПЕК выпустила «Декларацию о нефтяной политике для стран-участниц организации», в которой были суммированы основные рекомендации в области предоставления прав на разработку месторождений, налогообложения, участия в акционерном капитале и обеспечения суверенитета. Однако даже новые условия концессионных соглашений (повышение доли нефтедобывающих стран в прибыли с 50 до 75%) не удовлетворили страны ОПЕК, и в первой половине 1970-х гг. начался процесс национализации отрасли. К 1974 г., после арабо-израильской войны, операции по добыче нефти в странах Ближнего Востока были фактически национализированы.

Этот процесс был частью глобальной тенденции национальной эмансипации в постколониальный период. ОПЕК включала в себя страны из самых разных частей мира (Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки, Азии), у которых преобладало желание национального контроля над бывшими колониальными активами.

Возникновение государственных компаний изменило структуру собственности в мировой нефтяной и газовой промышленности. За исключением США, Канады и стран

с централизованной плановой экономикой, доля госсектора в нефтяной промышленности выросла в 1963–1973 гг. с 9 до 62% в добыче, с 14 до 24% в нефтепереработке и с 11 до 21% в маркетинге.

В развитых нефтепотребляющих странах одним из важнейших шагов, противодействующих политике ОПЕК, было создание в 1974 г. Международного энергетического агентства (IEA), предназначенного для координации энергетической политики и стратегии ведущих промышленно развитых стран. В 1976 г. IEA предложило долгосрочную программу сокращения спроса на нефть, систему стимулов по использованию альтернативных источников энергии и увеличение внутренней добычи энергоресурсов. Была введена либеральная система лицензирования в нефтедобывающих регионах (Северное море, Аляска, Мексиканский залив).

Вторым важным шагом развитых стран (прежде всего Великобритании и Канады) стало создание национальных нефтяных компаний нового типа. Ожидалось, что они будут осуществлять контроль внутреннего рынка углеводородов с целью компенсации потерь за рубежом. К этому времени правительство Великобритании уже владело мажоритарным пакетом акций в компании BP. Но поскольку эта компания обладала иностранными активами и акционерной базой, а также осуществляла свою производственную деятельность преимущественно как частная, она не рассматривалась в качестве достаточно удобного инструмента проведения национальной нефтяной политики. Поэтому в 1975 г. лейбористское правительство учредило Британскую национальную нефтяную компанию (BNOC), которой передавался 51% акций во всех нефтедобывающих проектах в Северном море. К концу 1970-х гг. США остались единственной страной-нефте-импортером, не имеющей национальных нефтяных компаний [4].

Тогда же, в конце 1970-х гг., в мире (по крайней мере, в западной его части) начала подниматься волна критики в отношении роли государства в экономике. В нефтегазовой отрасли развитые страны предприняли первые шаги по пути либерализации и приватизации. В 1977 г. британское правительство сократило долю государства в компании BP с 68 до 51%. В 1979 г. правительство М. Тэтчер лишило государственную компанию BNOC многих из ее полномочий, а в 1982 г. нефтедобывающие активы этой компании были приватизированы. Однако многие крупные старые национальные нефтяные компании в развитых странах (такие как «Repsol», OMV, «Eni», «Total» и «Elf Aquitaine») не подвергались приватизации вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг. В развивающихся же странах Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки нефтегазовые активы продолжали находиться в руках государства.

После распада Советского Союза и коллапса других стран с плановой экономикой многие ресурсные регионы, до того недоступные для частных нефтяных корпораций Запада, оказались открытыми для иностранных инвестиций. Национальные нефтяные компании, организованные в странах бывшего Восточного блока, как правило, не имели ведущих позиций на рынках, а выполняли скорее роль младших партнеров в совместных с западными частными компаниями проектах. В ту пору во всех отраслях экономики, включая нефтегазовый сектор, преобладало представление, что капитализм

одержал победу не только над коммунизмом, но и над политикой государственного вмешательства в экономику.

В настоящее время в мире можно наблюдать борьбу двух противоположных тенденций. С одной стороны, продолжает действовать политическая и экономическая повестка дня, направленная на рыночную либерализацию и приватизацию. Многие ведущие нефтедобывающие страны отказались проводить приватизацию, но в некоторых (например, в Индонезии и Мексике) произошли существенные институциональные реформы, направленные на расширение иностранного участия в национальной нефтегазовой промышленности.

С другой стороны, высокие цены на нефть (особенно в 2003–2008 гг.), а также большой спрос на углеводороды со стороны азиатских стран усилили переговорные позиции нефтедобывающих государств и повысили их политический вес. Желание увеличить долю государства в нефтяной ренте вызвало повсеместное повышение налогов и, в ряде случаев, дальнейшую национализацию или создание национальных нефтяных компаний в новых нефтеносных регионах (таких как Чад и Уганда). Более того, ряд нефтеимпортеров в развивающихся регионах (прежде всего Китай и Индия) стали оказывать мощную поддержку своим национальным нефтяным компаниям в приобретении нефтяных активов за рубежом.

Роль национальных нефтяных компаний

Современные национальные нефтяные компании осуществляют свою деятельность в различных формах. Они могут выступать в роли монополистов или играть на конкурентном рынке. Могут управлять активами или существовать в форме финансовых холдинговых компаний. Существенно различаются также характер их специализации в рамках нефтяных цепочек добавленной стоимости, степень коммерциализации, уровень интернационализации производства. В результате любые аргументы как в пользу, так и против национальных нефтяных компаний часто носят либо слишком общий, либо упрощенный характер. На самом деле государственная собственность не подразумевает обязательную государственную монополию (как и частная собственность далеко не всегда влечет за собой конкуренцию) [5]. В любом случае нужно иметь в виду, что национальные нефтяные компании занимают существенные или даже доминирующие позиции на внутренних нефтегазовых рынках. В экономической литературе выделяются, как правило, несколько групп причин, почему государство отдает предпочтение организации национальных нефтяных компаний в противовес более либеральной модели управления сектором.

Исторический контекст

Во многих странах образование национальных нефтяных компаний совпало с волной национализации активов. Частные нефтяные компании рассматривались в качестве агентов иностранных государств и, следовательно, противников национальных

интересов [6]. При обеспечении суверенитета над природными ресурсами логичным выглядело создание государством компаний, заменяющих иностранных операторов и представляющих собой символ национальной независимости. Задача национальной консолидации в сочетании со слабостью частного сектора в большинстве развивающихся стран исключала вариант образования частных операторов в нефтегазовом секторе. Распространение национальных нефтяных компаний после Второй мировой войны вплоть до конца 1970-х гг. лежало в русле широко распространенных взглядов, что государство может и должно решать социальные и экономические проблемы [7].

Значение нефтяного сектора

У стран, в национальной экономике которых высока доля добычи или потребления нефти, появляется очень сильное желание контроля над сектором со стороны государства. Нефть часто рассматривается в качестве «командных высот» в экономике, стратегического продукта, который можно использовать в качестве экономического или политического оружия. В связи с этим «она слишком важна, чтобы оставить ее рынку» [8] (это выражение приписывается шейху Ахмеду Ямани, министру нефтяной промышленности Саудовской Аравии в 1962–1986 гг.).

Политические выгоды государственного контроля

Политическое значение нефтегазового сектора было очевидным на протяжении всей истории его развития. Нефтегазовое богатство всегда использовалось для обеспечения финансовой, политической и военной силы, а прямой государственный контроль над сектором усиливал устойчивость государства и его переговорные позиции. Внутри страны государственное участие в нефтегазовой промышленности в форме национальных нефтяных компаний обеспечивает правительству контроль над цепочками добавленной стоимости, включая технические и коммерческие решения, эффективное освоение природных ресурсов, политику ценообразования и предоставления субсидий, решение проблем занятости и др.

Политика стран ОПЕК представляет собой в этом смысле яркий пример сочетания политической мотивации и экономического интереса. Так, Саудовская Аравия на протяжении длительного времени использует свои торговые связи с США для приобретения политического капитала и военной поддержки.

Вне стран ОПЕК Норвегия служит примером того, как государство может использовать свою национальную нефтяную компанию для контроля над темпами и средствами нефтегазового развития. В начале 1970-х гг. в стране сложился широкий консенсус между правительством и гражданским обществом по поводу макроэкономических и культурных последствий быстрого развития нефтяной промышленности. Соответствующая экономическая политика включала в себя рестриктивную лицензионную систему и создание сильной национальной нефтегазовой компании («Statoil», 1972 г.), которая завладела большей частью производственных лицензий, а также правом вето на новые разработки [9].

В нисходящих цепочках добавленной стоимости прямой контроль над ценами на нефтепродукты влияет на повседневную жизнь граждан и тем самым также является существенным фактором политики. Некоторые развитые страны-нефтеимпортеры используют свои национальные нефтяные компании в целях обеспечения безопасности поставок углеводородов и защиты внутреннего рынка от чрезмерного влияния нефтедобывающих стран, а также наиболее мощных частных нефтяных корпораций.

Обеспечение эффективности нефтяных разработок

Эксперты отмечают, что присутствие на рынке мощных национальных нефтяных компаний способствует повышению общей эффективности и росту создаваемой в отрасли стоимости. Наиболее часто приводится аргумент, что NOCs снижают уровень информационной асимметрии по отношению к частным компаниям, что ведет к более эффективному регулированию рынка и уменьшает опасность присвоения природной ренты. Когда государство имеет дело непосредственно с частными инвесторами в нефтегазовой отрасли, оно оказывается в менее выгодном положении: частные операторы, как правило, обладают гораздо более широкими знаниями геологических условий (после предварительно проведенных геологоразведочных работ), информацией о необходимых операционных планах, технологических и других издержках, а также о влиянии проектов на окружающую среду. Для эффективного управления отраслью государству необходим высокий уровень информационной и экспертной компетенции, что практически невозможно без непосредственной оперативной вовлеченности государства в работу отрасли [10]. Национальные нефтяные компании помогают государству из первых рук получать информацию о финансовых и операционных условиях ведения бизнеса всеми нефтяными компаниями, а также устанавливать некие ориентиры и критерии, по которым можно было бы оценивать деятельность частных нефтяных компаний.

Уверенность в том, что национальная нефтяная компания должна обеспечивать государство инсайдерским взглядом на отрасль, была причиной создания компании «Statoil» в Норвегии. Хотя некоторые эксперты полагали возможным ограничить полномочия этой компании статусом холдинговой, держащей в своих руках нефтяные активы страны, Министерство нефти и энергетики полагало, что «только овладение национальной компанией знаниями в качестве оператора обеспечит государству поддержку в деле контроля над нефтяной отраслью» [11]. А малайзийская компания «Petronas» была образована, когда государство столкнулось с проблемами получения информации о новых месторождениях, открытых в стране частными нефтяными компаниями, что затрудняло выработку эффективной национальной нефтяной политики [12].

Другими словами, национальные нефтяные компании предоставляли государству «окно в мир нефтяной индустрии» [13].

Максимизация нефтяной ренты

Получение государством природной ренты от нефтяных операций в основном определяется двумя переменными: общей величиной ренты, получаемой в нефтяной про-

мышленности, и относительной долей в ней государства, а также его агента — национальной нефтяной компании. При эффективной финансовой системе (главном механизме извлечения нефтяной ренты) государство старается найти баланс между краткосрочными монетарными целями и долгосрочной политикой привлечения в отрасль дополнительных инвестиций, которые, в свою очередь, определяют размер будущей налоговой базы.

Тем не менее государство часто стремится получить максимально возможную долю экономической ренты (или условно-чистой продукции, если дело идет о нижних сегментах цепочек стоимости) и препятствует получению частными компаниями высоких доходов от инвестиций. Эффективные контрактные и финансовые условия способны обеспечить развитие нефтегазового сектора и получение значительной добавочной стоимости [14]. Однако для мониторинга и управления частными нефтедобывающими операциями требуется административная и экспертная компетентность. Именно эти компетенции в развивающихся странах часто недостаточны или отсутствуют. Для компенсации подобного недостатка данные страны также стремятся создавать национальные нефтяные компании.

Социально-экономические проблемы и приоритеты

NOCs могут использоваться для достижения социально-экономических целей, таких как увеличение числа рабочих мест, развитие коммерческих и технических компетенций, создание разных видов инфраструктуры (школы, больницы, дороги, мосты, системы водоснабжения и т.д.), перераспределение дохода с помощью субсидированных цен и расширение заимствований [15].

Например, компания «Saudi Aramco» выполняет важную социальную роль как спонсор технического образования и подготовки кадров. Как утверждается в декларации компании, важнейшей миссией «Saudi Aramco» являются «инвестиции в саудовские кадры», что рассматривается в качестве «национальной обязанности и стратегической цели» [16]. На программы по поиску, обучению и переподготовке кадров компания ежегодно затрачивает около 1 млрд долл. С 1953 г. она построила более 130 государственных школ, а ее Центр подготовки профессиональных кадров с 1994 г. присуждает 4800 грантов в год саудовским студентам, обучающимся в зарубежных университетах.

Таким образом, во многих отношениях NOCs «привязаны» к национальным целям, и такое наличие некоммерческих направлений и обязательств нередко отличает их от частных нефтяных корпораций [17].

Состав и характеристики некоммерческих целей у разных компаний неодинаковы. Одни действуют непосредственно от имени государства и правительства, другие работают в рамках традиционной корпоративной культуры. Некоторые NOCs, такие как алжирская «Sonatrach», стали осуществлять добровольные инвестиционные программы, очень похожие на программы корпоративной социальной ответственности, инициру-

емые частным бизнесом. Речь идет, например, о расходах на здравоохранение, скорую медицинскую помощь или спортивное спонсорство [18].

В ряде случаев национальные нефтяные компании представляют собой удобные источники финансирования государственных программ. Одни занимаются простым перераспределением богатства, другие стремятся развивать экономические связи в рамках нефтяного и газового сектора для формирования долгосрочных компетенций и возможностей, а также в целях диверсификации. В отличие от NOCs, частные нефтяные компании нередко обвиняют в слишком быстрой эксплуатации нефтяных резервов, погоней за краткосрочной прибылью и игнорировании интересов страны, а также в преднамеренном использовании заниженных цен при расчете прогнозных оценок прибыльности совместных проектов [19].

Тем не менее во многих случаях культурные и операционные различия между национальными и частными нефтяными компаниями постепенно стираются. Китайские государственные компании «PetroChina» и «Sinopec» организовали совместные предприятия с западными частными нефтяными корпорациями для выстраивания сетей розничных продаж и строительства нефтехимических заводов в Китае. Ближневосточные национальные нефтяные компании «Saudi Aramco» и «Kuwait Petroleum Corporation» (KPC) приобрели пакеты акций в частных зарубежных нефтеперерабатывающих и маркетинговых компаниях (таких как «Showa Shell» в Японии). Даже крупномасштабные поглощения частных компаний и активов с помощью национальных нефтяных компаний, долгое время рассматривавшиеся как невозможные из-за культурных и политических соображений, стали обычной практикой в отрасли.

Первой подобной сделкой стала покупка в 1989 г. акций британской BP кувейтской национальной компанией KPC. Опасения британского правительства по поводу доминирующих позиций кувейтской компании на внутреннем рынке Великобритании были столь велики, что оно приказало снизить пакет приобретаемых акций с 22 до 9,9% [20]. В 2005 г. китайская «China National Offshore Oil Company» (CNOOC) попыталась приобрести за 18,5 млрд долл. американскую компанию «Unocal». Но сделка была заблокирована политической оппозицией в американском Конгрессе. А сравнительно недавно китайская «China Petroleum and Chemical Corporation» («Sinopec») купила за 7,2 млрд долл. швейцарско-канадскую «Addax Petroleum», которая среди своих активов владеет лицензией на разработку нефтяных месторождений в Северном Ираке.

На эффективность деятельности национальных нефтяных компаний и их маркетинговую стратегию может оказывать существенное влияние уровень бюджетной и финансовой автономии. В общем плане отсутствие такой автономии оказывает негативное воздействие на своевременность и эффективность принимаемых инвестиционных решений и может повышать издержки ведения бизнеса. С другой стороны, слишком широкая автономия может уменьшить объемы финансовых доходов государства, а также снизить стимулы для сокращения издержек.

Например, мексиканская компания «Pemex» и саудовская «Saudi Aramco» обладают сравнительно незначительной финансовой и бюджетной автономией. Ставки корпоративного налога на «Pemex» исторически определялись потребностями и интересами государства; остававшиеся у компании средства не позволяли капитальных вложений в новые проекты. В последние пять лет «Pemex» ежегодно выплачивала государству до 60% своих доходов в виде роялти и налогов и обеспечивала 40% поступлений в федеральный бюджет страны. Производственная и финансовая деятельность «Pemex» жестко контролируется различными министерствами, включая Министерство общественных функций (SFP). Оно не только назначает внешних аудиторов и контролирует закупочную политику компании, но и определяет ее организационную структуру, уровень заработной платы и структуру занятости. Любое решение по созданию новых рабочих мест, начиная от высших менеджеров и заканчивая стажерами, требует одобрения министерства [21].

В кувейтской компании КРС любые закупки на сумму свыше 20 тыс. долл. требуют проведения публичных тендеров, которые могут длиться до одного года. Кроме того, любые инвестиции свыше 400 тыс. долл. требуют предварительного одобрения государственного аудиторского бюро [22].

В «Saudi Aramco» операционные расходы финансируются из прибыли, а дополнительные ресурсы и инвестиции — из национального бюджета. Такая схема функционирует достаточно эффективно, поскольку не подавляет долгосрочные инвестиционные проекты [23].

Одной из наиболее важных отличительных особенностей НОС является стимулирование процесса локализации производства в стране. Впервые эта практика была применена в начале 1970-х гг. при разработке месторождений в Северном море и включала в себя как ограничение импорта, так и создание национальных нефтяных компаний.

Целью политики локализации является формирование как обратных связей (или связей с поставщиками: обеспечение закупок продукции национальных производителей через трансферт технологий, создание новых рабочих мест, формирование национальных компаний), так и прямых (или связей с заказчиками, потребителями продукции: например, строительство нефтеперерабатывающих заводов, организация нефтехимической промышленности и производства удобрений). В последнее время политика локализации стала включать в себя и более широкую экономическую диверсификацию, выходящую за пределы нефтегазовой стоимостной цепочки [24].

Государство использует разнообразные инструменты для реализации своей политики локализации. Среди них: обычные контрактные требования по использованию местных товаров и услуг или обязательства по обучению персонала; дискриминационное регулирование и налогообложение, стимулирующее развитие национальной промышленности, а также другие дискриминационные меры; регулирование или контрактные обязательства, стимулирующие передачу технологий от иностранных компаний отечественным; проведение торгов с включением в них требований по локализации

как основы получения лицензии или контракта на разработку нефтегазовых месторождений; стимулы для иностранных инвесторов, побуждающие их вкладывать доходы и прибыль в стране пребывания; инвестиции в инфраструктуру и образование [25].

Исследования свидетельствуют, что тесная связь между добычей природных ресурсов и другими отраслями хозяйства серьезно влияет на экономический рост. Это определяется технологией добычи полезных ископаемых. В ряде случаев разработка углеводородов стимулирует формирование и развитие смежных отраслей, поставляющих нефтегазовому сектору свои товары и услуги. Таким образом экономика постепенно диверсифицируется. Если же такие связи носят слабый характер, а промежуточные товары и услуги импортируются из-за рубежа, диверсификации не происходит. В этом случае производство концентрируется в ресурсном секторе, и страна попадает в сырьевую ловушку [26].

Как отмечают эксперты, политика локализации, стимулирующая процесс диверсификации, является особенно актуальной для транзитных экономик, где ряд важных секторов хозяйства был разрушен в ходе рыночной перестройки. Политика локализации выступает важнейшей частью компромисса между краткосрочной эффективностью и долгосрочным экономическим развитием. Она включает в себя мультипликаторный эффект, и чем выше значение мультипликатора, тем теснее связи с поставщиками товаров и услуг. Например, среднее значение мультипликатора для экономики Норвегии составляет 3. Большая часть норвежских нефтегазовых компаний фиксирует этот показатель на уровне 2,5. Значение мультипликатора отличается от страны к стране. Для многих стран он не превышает единицы. Так, для нефтегазового сектора Казахстана он составляет 0,47, а для Шотландии — 2. В то же время у нефтяного месторождения Тенгиз в Казахстане мультипликатор достигает значения 1,52 [27].

Одной из стран, наиболее активно развивающих услуги и строительные работы, связанные с нефтегазовой промышленностью, является Норвегия. Политика локализации в этой стране включает в себя как предоставление преимуществ национальной компании «Statoil» в получении соответствующих лицензий, так и, например, развитие компетенций в области судостроения и морского транспорта. В 1972 г. политика локализации в Норвегии получила официальный законодательный статус. Было образовано Министерство товаров и услуг для 1) поддержки развития отраслей-поставщиков нефтегазовой промышленности с помощью совместных предприятий, стимулирования НИОКР и процесса передачи технологий; 2) мониторинга тендерного процесса с целью обеспечения участия в нем национальных компаний; 3) установления минимального порога локализации и отслеживания его на практике.

В Малайзии национальная нефтяная компания «Petronas» успешно использовалась для развития промышленной базы, поддерживающей добычу нефти и газа в стране начиная с 1970-х гг. Развитие местной промышленности подкреплялось лицензионными требованиями, включающими минимальный перечень отечественных товаров и услуг, поставляемых для разработки нефтегазовых месторождений, и требование преимущественных закупок малайзийских товаров и услуг [28].

Требование использования отечественных товаров и услуг является распространенной практикой при заключении нефтяных контрактов и в Нигерии. Оно применяется в случае, если местные товары и услуги не уступают по качеству импортным аналогам и если их цена не более чем на 10% превышает цену аналогичных зарубежных. Национальная нигерийская нефтяная компания NNPC руководит так называемым Nigerian Content Division — производственным регулятором, ответственным за проведение политики локализации в стране. В его функции входят подготовка инженерного персонала для нефтегазовой промышленности, стимулирование собственного производства стального листа и труб, обеспечение льготных кредитов нигерийским подрядчикам [29].

В Бразилии, несмотря на либерализацию нефтегазового сектора в 1987 г., национальная компания «Petrobras» остается ведущим игроком на этом рынке, являясь крупнейшим собственником нефтегазовых лицензий в стране и имеющим мажоритарный пакет акций в большинстве других концессий. Активная политика локализации в Бразилии привела к тому, что доли отечественных производителей на стадиях разведки и добычи возросли, соответственно, с 25 и 27% в 1999 г. до 69 и 77% к 2007 г.

Таким образом, существование NOCs тесно связано с национальными интересами нефтедобывающих стран и служит прежде всего достижению экономических и политических целей, а не просто максимизации корпоративной прибыли. Именно это является ключевой характеристикой таких компаний, существующих в самых разных социальных, политических и экономических условиях, и определяет их долгосрочную стратегию.

Примечания:

- [1] Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. London: Simon & Schuster. 1991, 912 p.
- [2] В начале 2000-х гг. в США насчитывалось 500 тыс. скважин со средней производительность 14 баррелей в день, в то время как на Ближнем Востоке средняя производительность скважин достигала 4 тыс. баррелей в день. (Credit Suisse First Boston. Oil and Gas primer. New York. 2002.)
- [3] В 1951 г. Иран ненадолго национализировал нефтедобывающие операции британской Англо-Персидской компании; однако после переворота 1953 г., направленного против премьер-министра страны Мосаддыка, нефтяные концессии были возвращены США и Великобритании.
- [4] Linde C.V.D. The state and International Oil Market: Competition and the Changing Ownership of Crude Oil Assets. Boston: Kluwer Academic Publisher. 2000.
- [5] Vickers, J. and G. Yarrow. Economic Perspectives of Privatization. Journal of Economic Perspectives. 1991, № 2, pp/ 111–132.
- [6] Grayson L.E. National Oil Companies. Chichester: Wiley, 1981.
- [7] Yergin D. and J. Stanislaw. The Commanding Heights: The Battle for the World Economy. New York: Simon & Schuster, 2002.
- [8] Robinson C. “Energy Policy: Errors, Illusions and market Realities”. Occasional Paper № 90, The Institute of economic affairs, London, 1993.

- [9] Dam K.W. "The Evolution of North Sea Licensing Policy in Britain and Norway." *Journal of Law and Economics*, 1974, No 17, p. 213–263; Al-Kasim F. *Managing Petroleum Resources: The Norwegian Model* in a Broad Perspective. Oxford: Oxford Institute of energy studies. 2006.
- [10] Stevens P. "National Oil Companies: Good or bad? A Literature Survey." *CEPMLP International Journal*, 2004, № 14, p.10.
- [11] Al-Kasim F. *Managing Petroleum Resources: The Norwegian Model* in a Broad Perspective. Oxford: Oxford Institute of energy studies. 2006.
- [12] Von der Mehden F.R. and A. Troner. "Petronas: A National Oil Company with an International Vision". Baker Institute for Public Policy. 2007, Rice University. Houston.
- [13] Grayson L.E. *National Oil Companies*. Chichester: Wiley. 1981.
- [14] Tordo S. "Fiscal Systems for Hydrocarbons: Design Issues." *World Bank Working Paper 123/2007*, World Bank, Washington, D.C. 2007.
- [15] McPherson C. "National Oil Companies — Evolution, Issues, Outlook." *World Bank Workshop on national Oil Companies*, World Bank, Washington D.C. 2003.
- [16] Jaffe A.M. and J. Elass. "Saudi Aramco: National Flagship with Global Responsibilities." Baker Institute for Public Policy, Rice University, Houston, 2007.
- [17] Khan K.I.F. *National Oil Companies: Form Structure, Accountability and control*. Petroleum Resources and Development. London: Belhaven Press. 1987.
- [18] Marcel V. *Oil Titans: National oil Companies in the Middle East*. Washington: Brookings Institution Press, 2006.
- [19] Marcel V. *Oil Titans: National oil Companies in the Middle East*. Washington: Brookings Institution Press, 2006.
- [20] Al-Moneef M. "International Downstream Integration of national Oil Companies." In *Strategic Positioning in the Oil Industry*, ed. P. Stevens, Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies and Research. 1998, pp. 45–60.
- [21] Stojanovski O. "The Void of Governance: An Assessment of Pemex's Performance and Strategy." *Working Paper 73*, Program on energy and Sustainable Development, Stanford University, 2008.
- [22] Stevens P. *Kuwait Petroleum Corporation: Searching for Strategy in f Fragmented Oil Sector*. Working paper 78, Program on energy and sustainable Development, Stanford University, 2008.
- [23] Jaffe A.M. and J. Elass. "Saudi Aramco: National Flagship with Global Responsibilities." Baker Institute for Public Policy, Rice University, Houston, 2007.
- [24] Под нефтегазовой стоимостной цепочкой обычно понимается разведка, добыча, переработка, транспортировка и дистрибуция углеводородов, а также развитие отраслей, напрямую использующих нефть и газ. Прим. автора.
- [25] *National Oil Companies and Value Creation*. World Bank Working Paper № 218, Washington D.C. 2011, p. 9
- [26] Polterovich V. and V. Popov "Resource abundance, globalization, and economic development." *New Economic School, Research Project 2005–2006*.
- [27] Auti R.M. *Maximizing the Positive Socio-Economic Impact of Mineral Extraction on Local/Regional Development in Transition Economies*. London: European Bank for Reconstruction and development. 2005.

- [28] Klueth U., Pastor G., Segura A. and Zarate W. “Intersectoral Linkage and Local Content in Extractive Industries and Beyond”. IMF Working paper WP/07/213. International Monetary Fund, Washington D.C. 2009.
- [29] “NNPC Accuses Chevron of Failing to Meet Local Content Requirements”. Business Monitor International, Daily Oil and Gas Alert, June 23.

Список литературы:

1. Al-Kasim F. *Managing Petroleum Resources: The Norwegian Model* in a Broad Perspective. Oxford: Oxford Institute of energy studies. 2006.
2. Al-Moneef M. “International Downstream Integration of national Oil Companies.” In *Strategic Positioning in the Oil Industry*, ed. P. Stevens, Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies and Research. 1998, pp. 45–60.
3. Auti R.M. *Maximizing the Positive Socio-Economic Impact of Mineral Extraction on Local/Regional Development in Transition Economies*. London: European Bank for Reconstruction and development. 2005.
4. Credit Suisse First Boston. *Oil and Gas primer*. New York. 2002.
5. Dam K.W. “The Evolution of North Sea Licensing Policy in Britain and Norway.” *Journal of Law and Economics*, 1974, № 17, p. 213–263; Al-Kasim F. *Managing Petroleum Resources: The Norwegian Model* in a Broad Perspective. Oxford: Oxford Institute of energy studies. 2006.
6. Grayson L.E. *National Oil Companies*. Chichester: Wiley, 1981.
7. International Monetary Fund, Washington D.C. 2009.
8. Jaffe A.M. and J. Elass. “Saudi Aramco: National Flagship with Global Responsibilities.” Baker Institute for Public Policy, Rice University, Houston, 2007.
9. Khan K.I.F. *National Oil Companies: Form Structure, Accountability and control*. Petroleum Resources and Development. London: Belhaven Press. 1987.
10. Klueth U., Pastor G., Segura A. and Zarate W. “Intersectoral Linkage and Local Content in Extractive Industries and Beyond”. IMF Working paper WP/07/2013.
11. Linde C.V.D. *The state and International Oil Market: Competition and the Changing Ownership of Crude Oil Assets*. Boston: Kluwer Academic Publisher. 2000.
12. Marcel V. *Oil Titans: National oil Companies in the Middle East*. Washington: Brookings Institution Press, 2006.
13. McPherson C. “National Oil Companies — Evolution, Issues, Outlook.” World Bank Workshop on national Oil Companies, World Bank, Washington D.C. 2003.
14. *National Oil Companies and Value Creation*. World Bank Working Paper No. 218, Washington D.C. 2011, p. 9.
15. “NNPC Accuses Chevron of Failing to Meet Local Content Requirements”. Business Monitor International, Daily Oil and Gas Alert, June 23.
16. Polterovich V. and V. Popov “Resource abundance, globalization, and economic development.” New Economic School, Research Project 2005–2006.
17. Robinson C. “Energy Policy: Errors, Illusions and market Realities”. Occasional Paper No 90, The Institute of economic affairs, London, 1993.
18. Stevens P. “National Oil Companies: Good or bad? A Literature Survey.” *CEPMLP International Journal*, 2004, № 14, p.10.

19. Stevens P. Kuwait Petroleum Corporation: Searching for Strategy in a Fragmented Oil Sector. Working paper 78, Program on energy and sustainable Development, Stanford University, 2008.
20. Stojanovski O. "The Void of Governance: An Assessment of Pemex's Performance and Strategy." Working Paper 73, Program on energy and Sustainable Development, Stanford University, 2008.
21. Tordo S. "Fiscal Systems for Hydrocarbons: Design Issues." World Bank Working Paper 123/2007, World Bank, Washington, D.C. 2007.
22. Vickers, J. and G. Yarrow. Economic Perspectives of Privatization. Journal of Economic Perspectives. 1991, № 2, pp. 111–132.
23. Von der Mehden F.R. and A. Troner. "Petronas: A National Oil Company with an International Vision". Baker Institute for Public Policy. 2007, Rice University. Houston.
24. Yergin D. and J. Stanislaw. The Commanding Heights: The Battle for the World Economy. New York: Simon & Schuster, 2002.
25. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. London: Simon & Schuster. 1991, 912 p.

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Бразилия на пути к статусу глобальной державы (военно-промышленный ракурс)

Аннотация: В статье показывается, как Бразилия превращается в глобальную державу XXI века, чему способствует ее экономический рост. Все большее внимание эта страна уделяет и своему военному комплексу: новая военно-экономическая политика Бразилии предполагает курс на развитие собственной военной промышленности с опорой на госзаказ. Растет и экспорт бразильского вооружения на внешних рынках.

Ключевые слова: международная экономика, международная политика экономика Бразилии, военно-промышленный комплекс Бразилии, военная промышленность

Уровень развития оборонной промышленности традиционно рассматривается как один из критериев принадлежности той или иной страны к клубу великих держав. Такой взгляд на вещи характерен и для правящих кругов Бразилии. В этой стране на протяжении последних десятилетий военное производство расценивается как средство приобщения к высоким технологиям, освоения инноваций, усиления экспортного потенциала, повышения степени экономической самостоятельности и национальной безопасности. Немаловажное значение имеют и соображения международного престижа. Все это — слагаемые нового глобального статуса, которого последовательно добивается бразильское руководство.

Экономика и геополитика

Укрепление национального оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и продвижение на внешние рынки высокотехнологичной продукции, включая системы вооружений, а также товары и услуги двойного назначения, является важной составной частью общегосударственного плана модернизации и инноватизации бразильской экономики — материальной основы сформулированной нынешним правительством политики национальной безопасности.

Бразильский политический истеблишмент ставит перед собой следующие приоритетные экономические цели:

1. Эффективное освоение и интенсивное народнохозяйственное использование сырьевых богатств — минеральных, аграрных, лесных и других ресурсов. Бразилия вышла в первый ряд экспортеров сельскохозяйственной продукции (третье место в мире

Яковлев Петр Павлович: доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. petrp.yakovlev@yandex.ru

после Евросоюза и США) и превратилась в одного из крупнейших продавцов продовольственных товаров. Кроме того, она является ведущим производителем и экспортером железорудного сырья и ниобия, входит в первую мировую пятерку по добыче марганца, бокситов, олова, лития и магния. Бразильские предприятия держат курс на сохранение и укрепление позиций на глобальных сырьевых рынках, в частности, к 2030 г. Бразилия планирует вдвое нарастить добычу железной руды, доведя ее до 1 млрд т в год [1].

2. Последовательное наращивание добычи углеводородных энергоносителей, прежде всего на морском шельфе, где сравнительно недавно были обнаружены крупные запасы нефти и природного газа. Их разработка, которая ведется с использованием высоких технологий рядом корпораций во главе с лидером бразильской экономики — энергетическим гигантом «Petrobras», должна к 2020 г. обеспечить добычу 2,1 млн баррелей нефти в день, что составит 50% общенационального производства и выведет страну в число крупных мировых экспортеров энергоносителей [2]. Согласно даже самым консервативным прогнозам, с 2020 г. добыча на шельфе обеспечит финансовые поступления в размере 75–80 млрд долл в год [3].

Бразильские политики и эксперты руководствуются тем, что в современном глобализированном мире складывается новая экономическая география, в формате которой Бразилия займет уникальное место благодаря своей огромной территории (47% всей Южной Америки), а также разнообразным и востребованным на международных рынках природным ресурсам. При этом правящий класс достаточно единодушно считает, что страна должна быть в состоянии надежно контролировать государственные рубежи (общая протяженность сухопутных и морских границ составляет 23 тыс. км) и оградить свои сырьевые богатства от любых возможных внешних рисков, угроз и посягательств. В качестве абсолютного национального приоритета ставится задача эффективной защиты территориальной целостности и важнейшего природного достояния — сырьевых ресурсов так называемых «двух Амазоний»: «зеленой» и «синей». Под первой понимается континентальная территория Бразилии с ее огромными сельскохозяйственными просторами и значимыми горнодобывающими активами, под второй — стратегически перспективные запасы углеводородов морского шельфа [4].

В качестве неперемennого условия укрепления национального суверенитета и упрочения международных позиций бразильского государства выступает производство и продвижение на внешние рынки высокотехнологичной продукции — в первую очередь изделий и услуг предприятий ОПК.

Основные характеристики ОПК Бразилии

Усиление регионального и, тем более, мирового влияния не в последнюю очередь связано с последовательным повышением обороноспособности страны и наращиванием собственного производства современных видов и систем оружия. Основные предприятия национального оборонного комплекса «встали на ноги» еще в годы правления

военных режимов (до 1985 г.), которые уделяли укреплению вооруженных сил и формированию ОПК особое внимание. В 1970-е гг. страна вошла в первую пятерку мировых производителей вооружений и военной техники, стала региональным лидером по выпуску основных систем оружия, часть которого экспортировалась в развивающиеся государства Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Непосредственно на оборону работали 120 ведущих промышленных предприятий и проектных институтов Бразилии, где было задействовано более 30 тыс. человек. Еще свыше 100 тыс. занятых насчитывали 350 компаний-смежников [5].

В силу многих внутренних и внешних причин в 1990-е гг. внимание к вопросам обороны и военного строительства заметно понизилось. В фокусе государственной политики были проблемы экономического роста и социального развития. Позиции бразильских предприятий на мировых рынках вооружений ослабли, по ряду позиций экспорт оружия практически прекратился. Такое положение сохранялось вплоть до середины 2000-х гг., когда, с одной стороны, появились материальные и финансовые возможности качественного укрепления ОПК, а с другой — сама международная обстановка (продолжавшиеся боевые действия в Ираке и Афганистане, новые международные конфликты, обострение борьбы за контроль над природными ресурсами, рост военных расходов и активизация гонки вооружений в развивающихся странах, угроза расплзания оружия массового поражения и т.д.) подталкивала правящие круги Бразилии к принятию мер, направленных на радикальное усиление национального оборонного потенциала. В конце 2007 г. был принят закон № 11.631 о создании Национальной мобилизационной системы (Sinamob), призванной координировать деятельность 10 федеральных министерств в случае чрезвычайных обстоятельств (в частности, агрессии со стороны другого государства) [6].

В политических и военных кругах страны все настойчивее заговорили о неудовлетворительном состоянии вооруженных сил. Так, в начале 2008 г. отмечалось, что из 719 самолетов ВВС только 217 были способны летать, а в сухопутных частях значительное количество боевых машин пехоты находилось на вооружении свыше 30 лет и требовало срочной замены на новые модели. Явно устаревшими были многие единицы артиллерии и иной техники. Единственный бразильский авианосец «São Paulo» (купленный у Франции) несколько лет простоял на приколе. Военные специалисты указывали на необходимость приобретения современных самолетов и вертолетов, а также бронетехники, боевых надводных и подводных кораблей, ракетных систем различного назначения и других видов оружия [7]. Правительство уже не могло игнорировать такого рода требования и запросы.

В начале сентября 2009 г. мировые средства массовой информации сообщили о подготовке бразильско-французской «мегасделки» в сфере вооружений. Прилетевший в Бразилиа тогдашний президент Франции Н. Саркози подписал пакет соглашений на общую сумму свыше 14 млрд долл. Речь шла о приобретении бразильской стороной целого арсенала современных видов боевой техники: пяти подводных лодок (включая одну атомную), 50 вертолетов и 36 истребителей-бомбардировщиков пятого поколения Rafale. Мировая пресса сочла логичным, что Бразилия, став мощной экономической

державой, решила «подкрепить» свои международные позиции и претензии резким наращиванием военного потенциала [8].

Разразившийся глобальный финансово-экономический кризис жестко тестировал бразильскую экономику на устойчивость к внешним и внутренним стрессам. Возникшие бюджетные сложности заставили правящие круги страны внести коррективы в уже принятые планы перевооружения армии и флота. Реализация программ закупок оружия за рубежом была сокращена и временно приостановлена [9]. Власти взяли курс на приоритетное развитие собственной военной промышленности с опорой на государственный заказ, поощряя национальные оборонные предприятия к более тесной технико-технологической и производственной кооперации с ведущими зарубежными компаниями, прежде всего в секторе сложных видов оружия (например, вертолетов, крылатых ракет и беспилотных летательных аппаратов).

Новая военно-экономическая политика бразильского руководства, особенно четко сформулированная после прихода к власти в 2011 г. администрации президента Дилмы Руссефф, отвечает стратегии превращения страны в «великую державу XXI в.». Вместе с тем эта политика содержит ряд нововведений тактического и стратегического характера (в частности, попытку интегрировать внутренние и международные аспекты национальной обороны и безопасности) и направлена на преимущественное укрепление национального ОПК и расширение позиций бразильских производителей вооружений на местном и глобальном рынках. В правительстве специально подчеркивают, что незначительный удельный вес Бразилии в мировом экспорте продукции военного назначения (порядка 0,1%), ставший результатом провала 1990-х гг., совершенно не соответствует стратегическим интересам и хозяйственному потенциалу страны [10].

Согласно действующей военной доктрине Бразилии, подробно изложенной в опубликованной правительством в 2012 г. «Белой книге национальной обороны», генеральной линией бразильского руководства является сопряжение Национальной политики развития оборонной промышленности с Национальной стратегией обороны. С этой целью в рамках министерства обороны был создан специальный Секретариат оборонной продукции. На него возложена координация работы предприятий ОПК или, по официальной бразильской терминологии, Индустриальной базы обороны (ИБО). При этом ИБО характеризуется как наиболее продвинутый и инновационно насыщенный сектор национальной экономики, играющий роль локомотива промышленного развития и «фактора мультипликатора», вовлекающего смежные сектора экономики в процесс экономической модернизации через прямое или косвенное участие в военно-промышленном производстве товаров, технологий и услуг [11].

22 марта 2012 г. бразильские власти приняли закон № 12.598, в котором определили приоритетные направления военно-государственного хозяйствования и детально прописали специальные нормы государственных закупок военной продукции. В законе также сформулированы принципы и порядок заключения и реализации федеральных контрактов на приобретение вооружений, предусмотрены возможности предоставления предприятиям ОПК налоговых льгот и субсидий. В нем фигурируют и разъясня-

ются такие понятия, как «оборонный продукт», «стратегический оборонный продукт», «система обороны», «стратегическое оборонное предприятие», «инновации», «научно-технологический институт», «компенсационные соглашения» и т.д. Все это органично вписалось в Национальную стратегию обороны и в комплексе формирует экономико-правовую основу государственной военной политики, устанавливает «правила игры» на рынке вооружений и алгоритм взаимодействия государства и частных компаний (прежде всего через отлаженную систему федеральных военных контрактов) [12].

Со стороны бизнес-сообщества важным партнером власти является Бразильская ассоциация оборонных предприятий (ABIMDE). Она объединяет 208 предприятий, составляющих ядро ОПК, и сравнительно эффективно лоббирует во властных инстанциях интересы ведущих производителей вооружений. В их числе как национальные компании, так и филиалы многих известных международных корпораций военного профиля («AgustaWestland», «BAE Systems», «Boeing», EADS, «Elbit Systems», «Indra», «Motorola», «Rafale International», «Rockwell Collins», SAABи др.). Входящие в ABIMDE предприятия выпускают, модернизируют и обслуживают широкую номенклатуру продукции военного назначения: самолеты и вертолеты различных типов; ракетно-артиллерийское вооружение; бронетанковую технику; боевые надводные корабли основных классов; подводные лодки; средства противовоздушной обороны; легкое стрелковое оружие; системы связи и целеуказания; двигатели всех видов; боеприпасы, амуницию и т.д. В списке наиболее успешных и перспективных изделий фигурируют ракетные комплексы Astros, ракеты Exocet и A-Darter, боевые самолеты Super Tucano, транспортные самолеты KC-390, вертолеты EC-725, боевые машины пехоты Guarani, большие патрульные корабли Grajaú, автоматические винтовки Taurus 556 и IA-2 [13].

Взаимодействие руководящих органов ABIMDE с федеральным правительством, администрациями отдельных штатов [14] и профильными государственными учреждениями (например, с агентствами по закупке вооружений различных родов войск, бюджетными финансовыми институтами и т.д.) создает дополнительные каналы обратной связи между бизнесом и государством и, в конечном счете, формирует более благоприятную «среду обитания» бразильской военной промышленности.

Выступая головным заказчиком вооружений, государство побуждает компании оборонного сектора заполнить пробелы в ассортименте выпускаемой в стране военной продукции. С этой целью оно поддерживает проектирование, разработку, освоение и внедрение в производство новых перспективных типов оружия, необходимых бразильским ВС. Примером такой политики может служить правительственный курс на радикальное усиление военно-воздушного флота [15].

В начале сентября 2013 г. занимающееся вооружениями подразделение авиастроительной корпорации «Embraer» («Embraer Defesa & Segurança») передало официальным представителям ВВС Бразилии первый модернизированный штурмовой самолет A-1M в рамках выполнения масштабной программы глубокой модернизации 43 таких машин, составляющих костяк бразильской боевой авиации. На капитально обновленные самолеты устанавливаются более мощное вооружение, современное радиоэлек-

тронное оборудование, совершенные системы генерации кислорода, многорежимные радиолокационные станции и средства радиоэлектронного противодействия. Унификация А-1М в части бортового оборудования с уже прошедшими модернизацию на заводах «Embraer» истребителями F-5Ми учебно-боевыми самолетами А-29 существенно облегчает и удешевляет последующее техническое обслуживание. По мнению специалистов, модернизированные А-1М могут находиться на вооружении бразильских ВВС по меньшей мере до 2025 г. [16]

Критически важную поддержку федеральное правительство оказало «Embraer» в осуществлении крупнейшего стратегического проекта в области обороны — создании реактивного военно-транспортного самолета KC-390. Ему предстоит заменить находящиеся на вооружении бразильских ВВС американские машины C-130 Hercules. Инвестиции в данный проект на этапе его разработки составили 2 млрд долл., большую часть которых предоставили государственные ведомства [17].

В развитии национального вертолетостроения крупным шагом вперед стало открытие в начале октября 2012 г. в штате Минас-Жирайс новых производственных мощностей компании «Helibras». Они предназначены для производства и технического обслуживания боевых вертолетов EC725 (это самый современный представитель семейства Cougar) и их гражданской версии — EC225, выпуск которых был ранее освоен предприятиями европейского концерна «Eurocopter» в ряде стран Старого Света.

Начало данному проекту положило подписание в 2008 г. контракта (стоимостью 1,9 млрд евро) между командованием военно-воздушных сил Бразилии и специально созданным консорциумом «Eurocopter/Helibras» на поставку бразильским ВВС и другим родам войск 50 многоцелевых вертолетов EC725. Важная особенность достигнутого соглашения в том, что подавляющее большинство машин собирается в Бразилии с показателем локализации (доли узлов и деталей национального производства) не ниже 50%. Все вертолеты должны быть переданы заказчику до 2017 г. Для бразильской стороны представляли интерес и другие условия контракта, касающиеся передачи технологий и введения в строй инжинирингового центра «Helibras». Филиал в Бразилии, наряду с отделениями во Франции, Германии и Испании, становится для «Eurocopter» четвертым корпоративным центром технико-технологических исследований и опытно-конструкторских разработок. Как планируют в правительстве, в обозримом будущем бразильская промышленность будет в состоянии производить разнообразную вертолетную технику полностью на национальной основе [18].

Бразильское вооружение на внешних рынках

В последнее десятилетие бразильский экспорт продукции военного назначения растет как в размерах, так и по географическому охвату внешних рынков. В 2003–2006 гг. общий объем экспортных поставок военной продукции составил 415 млн долл., а в 2007–2010 гг. этот показатель (оставаясь на сравнительно низком по мировым меркам уровне) увеличился более чем в три раза — до 1300 млн долл. В начале текущего десятилетия

указанный тренд закрепился, и экспорт вышел на уровень 1–1,5 млрд долл в год [19]. Существенно расширилась и география поставок: если в начале 2000-х гг. покупателями бразильских вооружений являлись исключительно страны Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона, то с 2009 г. к ним присоединились государства Африки и Западной Европы, а также США [20]. Но в целом наблюдается устойчивая ориентация бразильских производителей преимущественно на рынки развивающихся стран, где Бразилия стремится позиционировать себя в качестве альтернативного независимого поставщика оборонной продукции достаточно высокого качества и по конкурентным ценам. Во многом благодаря такому подходу страна, по данным экспертной службы американского конгресса, в середине прошлого десятилетия вошла в число крупнейших поставщиков вооружений в развивающиеся государства, заняв в этом списке 11-е место [21].

В структурном отношении бразильский экспорт военной продукции состоит из нескольких основных позиций, отражающих текущую специализацию Бразилии на мировом рынке вооружений:

- учебно-тренировочные и учебно-боевые самолеты (УТС и УБС);
- самолеты военно-транспортной авиации (ВТА) и базовой патрульной авиации (БПА);
- реактивные системы залпового огня (РСЗО);
- многоцелевые вертолеты;
- бронев автомобили различных типов;
- патрульные корабли.

К началу второго десятилетия XXI в. бразильский экспорт вооружений охватил 18 стран Америки, Азии, Африки и Европы. Крупнейшими государствами-импортерами стали Колумбия, Малайзия, Индия, Эквадор, Таиланд, Гватемала, Чили, Индонезия, Мексика, Пакистан (в каждом случае — поставки стоимостью свыше 100 млн долл., список составлен в порядке убывания).

По состоянию дел на начало 2010-х гг. наиболее востребованными на внешних рынках (главным образом в развивающихся странах) явились следующие виды вооружений бразильского производства:

- самолеты УБС: EMB-314 Super Tucano (Ангола, Гватемала, Индонезия, Доминиканская Республика, Колумбия, США, Чили, Эквадор);
- самолеты ВТА: ERJ-135/145 (Бельгия); ERJ-135LR (Таиланд); EMB-145H (Греция, Индия, Мексика); HS-748 (Эквадор);
- самолеты БПА: EMB-145MP (Мексика);
- многоцелевые вертолеты: UH-1N Huey (Аргентина); AS-355F2 Ecureuil-2, UH-13 Sioux (Уругвай);
- РСЗО: Astros II (Бахрейн, Индонезия, Ирак, Катар, Малайзия, Саудовская Аравия);
- бронетранспортеры (БТР): EE-11 Urutu (Чили);
- бронемашины: AM-10 Marrua, AM-20 Marrua (Эквадор);
- боевые разведывательные машины (БРМ): EE-9 Cascavel (Чили);
- патрульные корабли: Grajau (Намибия).

Одной из самых успешных и перспективных экспортных программ предприятий бразильского ОПК за последние годы является поставка на внешние рынки УТС/УБ-СЕМВ-314 Super Tucano. Эти самолеты — продолжение линейки УТС Tucano, более 650 единиц которых находятся на вооружении 15 стран мира. Первый А-29 (бразильское обозначение Super Tucano) был принят на вооружение ВВС Бразилии в конце 2003 г. С того времени компания «Embraer» получила заказы на сотни таких машин для военно-воздушных сил Бразилии и других государств.

Один из первых крупных контрактов на поставку 12 самолетов EMB-314 Super Tucano был подписан с министерством обороны Чили в августе 2008 г. Стоимость контракта не разглашалась, по экспертным оценкам она составила порядка 120 млн долл. Контракт предусматривал передачу чилийской стороне оборудования для подготовки летного персонала, систему навигации, летный тренажер, компьютерную систему подготовки, систему планирования задания и разбора полета, подготовку инструкторов. Этому сопутствовала предложенная «Embraer» обширная офсетная программа, которая, например, включала в себя изготовление чилийской государственной авиастроительной компанией «Empresa Nacional de Aeronáutica» (ENAER) различных авиационных компонентов. Таким путем (непосредственно заинтересовывая чилийские предприятия в налаживании двустороннего делового сотрудничества) бразильская корпорация значительно облегчала себе выход на рынок этого динамично развивающегося южноамериканского государства, формировала цепочку партнеров и клиентов из числа местных промышленных компаний.

Осенью 2008 г. фирма «Embraer» заключила контракт (стоимостью свыше 93 млн долл.) на поставку восьми EMB-314 Super Tucano Доминиканской Республике. Данное соглашение (во многом типичное для практики международного военно-технического сотрудничества «Embraer» и ряда других ведущих бразильских предприятий) предусматривало поставку запасных частей и компонентов, обучение летного и наземного персонала, предоставление доминиканской стороне полной технической документации. Оговаривалось также материально-техническое обеспечение самолетов в течение пяти лет с момента их прибытия на территорию государства-импортера. Продвижение достаточно сложной и недешевой авиатехники на рынок небольшой островной страны в Карибском море потребовало финансовой поддержки со стороны бразильского государства в лице Национального банка экономического и социального развития (BNDES), который с одобрения конгресса выделил соответствующий целевой кредит.

Вслед за латиноамериканскими рынками компания-производитель стала энергично осваивать страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Индию, Индонезию, Малайзию, Таиланд. Еще одним серьезным прорывом на развитые и высококонкурентные рынки явилась поставка партии EMB-314 Super Tucano ВВС США [22].

Бразилия вышла на емкие азиатские и тихоокеанские рынки и с военной версией популярного во многих странах пассажирского реактивного лайнера ERJ-135. Эти машины в качестве транспортных самолетов для военно-морских и сухопутных сил приобрел Таиланд. Они, в частности, используются оборонными ведомствами этой страны

для обеспечения полетов командования, а также для выполнения оперативных задач службы военной медицинской эвакуации. Подписанные контракты предусматривали предоставление бразильским производителем материально-технической поддержки и поставку специальных комплектов для медицинской эвакуации военнослужащих. По отзывам специалистов, ERJ-135 обеспечивает зарубежным военным заказчикам привлекательную комбинацию современного оборудования, дублирования систем, высокого уровня готовности к использованию и, что немаловажно, сравнительно низких затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание. Указанные характеристики позволяют эксплуатировать военную версию ERJ-135 свыше трех тысяч летных часов в год [23].

Своего покупателя на мировом рынке нашла и военная версия еще одного пассажирского реактивного авиалайнера «Embraer» — ERJ-145, получившая наименование EMB-145. Эти машины стали приобретать ВВС Индии для использования в качестве платформ систем дальнего радиолокационного обнаружения и управления полетами. Выполняя условия бразильско-индийского контракта, компания «Embraer» модифицировала ERJ-145 таким образом, что машина получила возможность нести на фюзеляже радиолокационную станцию с активной фазированной антенной решеткой. Установка системы дозаправки горючим в воздухе увеличила автономность боевого дежурства EMB-145 до 12 часов. Контракт предусматривал передачу пакета материально-технического обеспечения, обучение летного и наземного персонала, поставку запасных частей и наземной аппаратуры. Первый такой самолет был передан ВВС Индии летом 2012 г. [24]

Помимо размещения на мировых рынках авиационной техники, лидирующей в экспорте оружия, Бразилия расширяет производственную базу для увеличения выпуска и экспортных поставок других модернизированных систем вооружения, осваивает образцы новых видов изделий с высокой инновационной составляющей.

Опираясь на прошлый успешный опыт экспорта бронетехники, бразильские предприятия в последние годы разработали и запустили в производство различные типы бронемашин, которые вполне могут быть востребованы на международных рынках и в ряде случаев уже приобретаются (или заказываются) зарубежными потребителями.

По-видимому, в перспективе наибольшие шансы на внешних рынках (не считая авиатехники) имеют следующие системы вооружений:

- плавающий бронетранспортер VBTP-MR Guarani, выпускаемый бразильским филиалом итальянской фирмы Iveco. К нему уже проявили интерес оборонные ведомства Аргентины и ряда других латиноамериканских стран, в частности, Колумбии, Чили и Эквадора. Важной характеристикой этой высокотехнологичной модели БТР, оснащенной мощным вооружением (стабилизированный боевой модуль с автоматической 30-мм пушкой и спаренным с ней 7,62-мм пулеметом, снабженный дистанционным управлением), является то, что на единой платформе выпускаются различные версии машины: разведывательная, санитарная и ремонтно-эвакуационная (всего 9 вариантов). Как считают специалисты, VBTP-MR Guarani по соот-

- ношению цена/качество может успешно конкурировать с имеющимися на рынке образцами БТР ведущих мировых производителей [25];
- ракетные системы Astros 2020 — модернизированная версия известной и хорошо зарекомендовавшей себя на международных рынках РС30 Astros II. Важным преимуществом новой РС30 является возможность запускать крылатые ракеты AVTM-300 с радиусом действия до 300 км. AVTM-300 — также бразильская разработка, которая по своим тактико-техническим параметрам отвечает современным требованиям и призвана стать экономичной альтернативой американской крылатой ракете BGM-109 Tomahawk. Предполагается, что AVTM-300 будет оснащаться моноблочной 200-килограммовой боеголовкой, а также кластерной (кассетной) боеголовкой с 24 противопехотными или противотанковыми гранатами [26]. В настоящее время компания-разработчик и производитель «Avibras» проводит предварительные консультации с возможными зарубежными покупателями;
 - патрульный корабль Grajau, разработанный и запущенный в производство государственной оборонной компанией EMGEPRON на основе дизайна судов Vosper QAF. Водоизмещение корабля при полной нагрузке — 217 т, длина — около 47 м, ширина — 7,5 м, осадка — 2,3 м, максимальная скорость — 26 узлов, дальность хода — 2200 морских миль при скорости 12 узлов. Высокие ходовые и эксплуатационные качества Grajau, а также его сравнительная экономичность позволяют предлагать это судно развивающимся странам (в частности, африканским), заинтересованным в укреплении контроля над морскими границами. В настоящее время такой корабль находится на вооружении ВМС Намибии, что может стать примером для соседних государств. Так, переговоры о поставках Grajau ведутся с властями Анголы [27];
 - стрелковое оружие. Бразилия находится в числе мировых лидеров по производству и экспорту стрелкового вооружения. Главный внешний рынок для бразильских производителей — США (там особенно результативно работают филиалы компаний «Taurus» и «Amadeo Rossi»), куда за период с 1971 по 2010 г. было в общей сложности продано 7,9 млн единиц огнестрельного оружия. В 2011 г. бразильские экспортеры поставили на американский рынок 846 тыс. единиц оружия и заняли по этому показателю первое место, значительно опередив ближайших конкурентов — Австрию (522 тыс.) и Германию (313 тыс.). В числе других крупных покупателей бразильского стрелкового оружия фигурируют Аргентина (215 тыс. в 2011 г.), Парагвай (154 тыс.), Йемен (112 тыс.) и Германия (109 тыс.) [28].

Стратегическим ориентиром долгосрочного развития экспортного сектора бразильского ОПК является рост объемов внешних поставок товаров и услуг военного назначения с нынешних 1,5 млрд долл. в год до 7 млрд, начиная (ориентировочно) с 2030 г. [29] Достижение этой амбициозной цели предполагает решение (наряду с многочисленными технико-технологическими и производственными вопросами) ряда сложных структурных и организационных задач, касающихся модернизации ОПК, повышения его роли в национальной экономике и активизации внешнеэкономических усилий конкретных предприятий.

Россия пока не покупает бразильское вооружение. Российско-бразильское взаимодействие в военно-технической области рассмотрено в статье «Россия и Латинская Америка на траектории взаимного сближения».

* * *

Укрепление и модернизация бразильского оборонно-промышленного комплекса, выход местных производителей на внешние рынки с продукцией военного и двойного применения — производные тех глубинных экономических и политических процессов, которые происходят в Бразилии. Эта «страна-континент» по своим человеческим и природным ресурсам, по уровню и темпам развития экономики, науки и техники, по удельному весу в региональных и глобальных делах предстает в качестве одного из ведущих государств новой мировой системы, складывающейся в XXI в.

Характерно, что Бразилия выбрала собственную стратегию развития, обеспечивающего модернизацию страны и инноватизацию национальной экономики, включая ОПК. Бразильский модернизационный проект основан на использовании механизмов и инструментов рыночной экономики при активном участии государства в хозяйственной жизни, в том числе в качестве центра стратегического планирования, регулятора макроэкономических процессов и внешнеэкономических взаимодействий. Этот курс органически дополняется суверенной международной политикой и значительными усилиями по расширению диапазона внешних связей, в том числе в оборонной сфере.

Примечания:

- [1] Ministerio de Minas e Energia. Plano Nacional de Mineração 2030. — <http://www.mme.gov.br/>
- [2] Petrobras. Plano de Negócios e Gestão 2013–2017. — <http://www.petrobras.com.br/>
- [3] Arbache F., Arbache J. O Pré-Sal e a Nova Geografia Econômica. — <http://interssenacional.uol.com.br/>
- [4] Защита Амазонии и ее уникальной экосистемы — лейтмотив многочисленных выступлений бразильских политиков, включая министра обороны, и их дипломатических демаршей. Особенно частыми заявления о необходимости обеспечения суверенных прав Бразилии в этом районе мира стали после того, как в 2006 г. британский министр охраны окружающей среды Д. Милибэнд вбросил идею «приватизации Амазонии». См.: Celso Amorim. A Defesa da Amazônia. 5 de agosto de 2013. — <http://www.defesa.gov.br/>
- [5] Подробнее см.: Латинская Америка: проблемы вооружений и разоружения. М., 1982; Мазин А.В. ВПК стран Латинской Америки: надежды и реальность. — Латинская Америка, 1998, № 11.
- [6] Brasil. Ministerio da Defesa. — <http://www.defesa.gov.br/>
- [7] O Globo. Rio de Janeiro, 8.01.2008.
- [8] El País. Madrid, 13.09.2009.
- [9] В период 2003–2010 гг. оборонный бюджет Бразилии вырос почти на 60%: с 20,5

- до 32,5 млрд долл., но под влиянием кризиса в 2011 г. был секвестрирован на 5%. — <http://www.defesa.gov.br/>
- [10] Livro Branco de Defesa Nacional. Brasil, 2012, p. 212.
- [11] Livro Branco de Defesa Nacional. Brasil, 2012, p. 211.
- [12] Lei Nº 12.598, de 22 de março de 2012. — <http://www.defesa.gov.br/>
- [13] ABIMDE — <http://www.defesa.gov.br/>
- [14] Бразилия является федеративной республикой и в административном отношении разделяется на 26 штатов и 1 федеральный (столичный) округ.
- [15] Особый интерес к развитию различных видов военной авиации не в последнюю очередь диктуется природными условиями Бразилии: огромными расстояниями, наличием обширных труднопроходимых и труднодоступных районов, большой протяженностью сухопутных и морских границ, охрана которых немыслима без широкого использования самолетов и вертолетов.
- [16] Embraer Defesa & Segurança entrega o primeiro caça A-1 a Força Aérea Brasileira. — <http://www.embraer.com.br/pt-BR/>
- [17] Embraer y Fuerza Aérea brasileña cierran fase de revisión de carguero militar. — <http://www.ateneadigital.es/>
- [18] Helibras inaugura fábrica de helicópteros de grande porte no Brasil. 03/10/2012. — <http://www.helibras.com.br/>
- [19] Приводимые здесь и далее данные об объемах военных поставок на внешние рынки, как правило, неполные и зачастую носят оценочный характер, поскольку во многих случаях точная стоимость контрактов сторонами не разглашается.
- [20] www.armstrade.org; <http://www.ateneadigital.es/16.07.2012>
- [21] Congressional Research Service. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2004–2011. Washigton, August 24, 2012, p. 55.
- [22] Embraer Defesa y Seguridad presente en Indo Defense 2012. 31 de octubre de 2012. — http://topaviones.blogspot.ru/2012_10_01_archive.html
- [23] Embraer vende un tercer EJ135 a la Fuerza Aerea de Tailandia. 08/01/2009. — <http://www.infodefensa.com/>; www.armstrade.org
- [24] Embraer entregó el primer avión de vigilancia aeérea EMB 145 AEW & C para la India. 17 de agosto de 2012. — <http://poderiomilitar-jesus.blogspot.ru/>; www.armstrade.org
- [25] Argentina comprará el vehículo blindado brasileño Guaraní. 10 de diciembre de 2012. — <http://www.ateneadigital.es/>
- [26] Sistemas Astros. — <http://www.avibras.com/sys/>; Brasil adquire míssil Cruise táctico de 300 km de alcance. 29.11.2012.– <http://www.infodefensa.com/>
- [27] Angola negotiates for Brazilian ships. 31 October 2012. — <http://www.janes.com/article/20499/>
- [28] Armas do Brasil. 25/07/2012. — <http://www1.folha.uol.com.br/colunas/matiasspektor/1125265-armas-do-brasil.shtml>
- [29] <http://www.ateneadigital.es/16.07.2012>

Список литературы:

1. ABIMDE — <http://www.defesa.gov.br/>
2. Angola negotiates for Brazilian ships. 31 October 2012. — <http://www.janes.com/article/20499/>

3. Arbache F., Arbache J. O Pré-Sal e a Nova Geografia Econômica. — <http://interssenacional.uol.com.br/>
4. Argentina comprará el vehículo blindado brasileño Guaraní. 10 de diciembre de 2012. — <http://www.ateneadigital.es/>
5. Armas do Brasil. 25/07/2012. — <http://www1.folha.uol.com.br/colunas/matiasspektor/1125265-armas-do-brasil.shtml>
6. Brasil. Ministerio da Defesa. — <http://www.defesa.gov.br/>
7. Celso Amorim. A Defesa da Amazônia. 5 de agosto de 2013. — <http://www.defesa.gov.br/>
8. Congressional Research Service. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2004–2011. Washigton, August 24, 2012, p. 55.
9. El País. Madrid, 13.09.2009.
10. Embraer Defesa y Seguridad presente en Indo Defense 2012. 31 de octubre de 2012. — http://topaviones.blogspot.ru/2012_10_01_archive.html
11. Embraer Defesa & Segurança entrega o primeiro caça A-1 a Força Aérea Brasileira. — <http://www.embraer.com.br/pt-BR/>
12. Embraer entregó el primer avión de vigilancia aeérea EMB 145 AEW & C para la India. 17 de agosto de 2012. — <http://poderiomilitar-jesus.blogspot.ru/>; www.armstrade.org
13. Embraer vende un tercer EJ135 a la Fuerza Aerea de Tailandia. 08/01/2009. — <http://www.infodefensa.com/>; www.armstrade.org
14. Embraer y Fuerza Aérea brasileña cierran fase de revisión de carguero militar. — <http://www.ateneadigital.es/>
15. Helibras inaugura fábrica de helicópteros de grande porte no Brasil. 03/10/2012. — <http://www.helibras.com.br/>
16. Lei Nº 12.598, de 22 de março de 2012. — <http://www.defesa.gov.br/>
17. Livro Branco de Defesa Nacional. Brasil, 2012.
18. Ministerio de Minas e Energia. Plano Nacional de Mineração 2030. — <http://www.mme.gov.br/>
19. O Globo. Rio de Janeiro, 8.01.2008.
20. Petrobras. Plano de Negócios e Gestão 2013–2017. — <http://www.petrobras.com.br/>
21. Sistemas Astros. — <http://www.avibras.com/sys/>; Brasil adquire míssil Cruise táctico de 300 km de alcance. 29.11.2012.– <http://www.infodefensa.com/>
22. www.armstrade.org; <http://www.ateneadigital.es/16.07.2012>
23. Латинская Америка: проблемы вооружений и разоружения. М., 1982.
24. Мазин А.В. ВПК стран Латинской Америки: надежды и реальность. — Латинская Америка, 1998, № 11.

Елена Пинюгина

Религиозные основы национальной идентичности и иммиграция: австрийский казус

Аннотация: Австрия вошла в XXI в. как первая из европейских стран, где рост исламской иммиграции и дискурс мультикультурализма встретили отторжение со стороны значительной части населения. В статье рассматриваются восприятие мусульман-мигрантов в австрийском обществе, позиции антииммигрантских партий, идентичность различных групп австрийских мусульман и перспективы их интеграции, роль культурного компонента в обострении иммиграционной проблемы.

Ключевые слова: национальная идентичность, культурный код, иммиграция, мусульманские общины, миграция, мусульманская иммиграция, мультикультурализм, Австрия, антииммигрантские настроения, ксенофобия, фундаментализм.

Обострение национального вопроса в австрийской политике наблюдается на фоне роста мусульманской компоненты иммигрантского происхождения. Мусульманская община в Австрии сформирована двумя основными потоками — турецкой трудовой миграцией и переселенцами из бывшей Югославии, получившими право въезда в основном в статусе беженцев. Последняя доступная демографическая статистика по конфессиональному профилю — на 2012 г. — оценивает количество австрийских мусульман приблизительно в 500 — 600 тыс. человек [1]. Эти данные почти идентичны результатам исследований, опубликованных в 2009 г. [2] Косвенным дополнением может служить так называемая «статистика происхождения и миграции» от 2013 г., где указано, что 275 тыс. жителей Австрии — этнические турки, образующие наиболее крупную группу в исламском сообществе страны. Что касается бывшей Югославии, то можно условно исходить из таких данных: к началу 2013 г. 512 тыс. человек на территории страны были выходцами из стран бывшей Югославии (кроме Словении) [3]. Однако, если учесть православную и католическую компоненту «югославской» иммиграции, эти данные уже не столь репрезентативны. Затруднение в составлении этнического портрета австрийских мусульман возникает из-за того, что детализация в использованных нами исследованиях 2009 — 2013 гг. представлена по принципу гражданской принадлежности, а не по этническому профилю иммигрантов из Югославии. Так, единственное уточнение по данным 2009 г.: минимум 109 тыс. австрийских мусульман — граждане Турции, минимум 52 тыс. — Боснии и Герцеговины, а 253 тыс. — австрийские граждане. Однако эти исследования не дают четкого представления о том, насколько велико общее число мусульман «югославского происхождения» в Австрии, поскольку при получении австрийского гражданства такие мусульмане «выпадали» из этноконфессиональной статистики по иммигрантам.

Пинюгина Елена Викторовна: научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН, кандидат политических наук. pinjugina@rambler.ru.

Католическая Австрия и мусульманская иммиграция

Австрия вошла в XXI в. как первая из европейских стран, где мультикультуралистский дискурс оказался не в фаворе, а озабоченность иммиграцией и, более того, ксено- и исламофобия в избирательных кампаниях выразили умонастроения значительной части населения. По этой причине к Австрии было приковано внимание всех мусульманских стран, так или иначе ангажированных в системе современных международных отношений, а ее партнеры по Евросоюзу, формулируя свою внешнеполитическую позицию, вынуждены были учитывать присутствие австрийских ультраправых на национальном уровне власти.

Все это произошло еще до судьбоносного 11 сентября 2001 г., до лондонских терактов, до череды учиненных мусульманами в разных европейских городах в 2005–2006 гг. массовых беспорядков, ставших для многих доказательством столкновения цивилизаций. С конца 1990-х годов население демократической центральноевропейской страны систематически начало отдавать внушительную часть голосов правым. Пика популярности на этой волне достигла тогда Австрийская партия свободы (АПС), набравшая на парламентских выборах 1999 г. 27% голосов и в абсолютном выражении даже обошедшая крупнейшую Австрийскую народную партию (АНП), «несущую опору» партийно-политической системы страны. После триумфального вхождения АПС в коалиционное правительство в 2000 г. Австрия даже подверглась международным санкциям, вынудившим одиозного лидера партии Йорга Хайдера уйти с поста ее руководителя.

Далее по внутренним причинам партия распалась на две структуры: движение Свободная партия Австрии и Союз за будущее Австрии. Первые последовавшие за расколом выборы те и другие правые провели не очень удачно, но в дальнейшем их стратегия снова принесла успех. На предпоследних общенациональных парламентских выборах 2008 г. эти две партии набрали 18 и 11% голосов, что в совокупности едва не обеспечило им парламентское большинство и право формирования кабинета.

В течение нескольких лет до этой победы среди политологов и представителей СМИ бытовало мнение, что популярностью правые были обязаны харизматичному политику Йоргу Хайдеру, долгие годы возглавлявшему АПС, а потом ставшему одним из руководителей Союза за будущее Австрии. Но, вопреки этим оценкам, гибель одиозного политика в 2008 г. не привела к потере правыми электората. Хотя лидер Свободной партии Ханс-Кристиан Штрахе не является столь же яркой политической фигурой, как Й. Хайдер, антимульманские выступления — его собственные и его соратников (например, Сюзанны Винтер) — в период избирательных кампаний на местных и национальных выборах принесли правым еще большие достижения.

Именно при Штрахе по всей стране появляются агитационные материалы в форме книг, плакатов, видеозаписей выступлений членов партии. Против Свободной партии периодически подают судебные иски за разжигание ненависти и ксенофобию. Среди предвыборных слоганов партии можно встретить такие: «Pummerin statt Muedzzin» («Пуммерин [4] вместо муэдзина»), «Daham statt Islam» («Родина вместо ислама»),

«Heimat-Liebe statt Marokkaner-Diebe» («Патриотизм вместо воров-марокканцев»). На выборах в венский парламент 2005 г. на плакатах Свободной партии разместили фото ее лидера Х.-К. Штрахе на фоне Собора Святого Стефана (национального символа Австрии) и фото мэра от социал-демократов на фоне исламского культурного центра с мечетью; слоган под этим коллажем гласил: «У вас есть выбор».

Подобная агитация принесла Свободной партии в 2005 г. 15% голосов на выборах в парламент Вены, являвшейся прежде оплотом социал-демократии. Спустя 5 лет, в 2010 г., выступления под лозунгами «Конец фальшивой толерантности», «Наши деньги — нашему народу», «Вена не должна стать Стамбулом», а также распространение в качестве предвыборной агитации компьютерной игры, в которой надо было стрелять по муэдзину и поджигать мечеть, помогли партии подняться на новую ступень, завоевав 27% голосов в городе, считавшемся доселе космополитичным и толерантным. Издержки в виде условных сроков и денежных штрафов многие сочли при таких электоральных дивидендах несущественными [5].

Последние выборы в национальный парламент 2013 г. позволили партии Штрахе занять третье место, при этом Свободная партия оказалась единственной, кому удалось улучшить результат 2010 г. (положительный прирост составил 2,75%). Тем не менее в совокупности правые партии несколько потеряли в процентном отношении, поскольку партнер Свободной партии — Союз за будущее Австрии, не использовавший в предвыборной кампании тему исламизации страны, ухудшил результаты и не прошел в парламент, не дотянув до четырехпроцентного барьера.

Свободная партия имеет стабильные электоральные результаты не только на национальном уровне, она представлена на региональном уровне во всех парламентах провинций, равно как и в выборных советах местного уровня. Особенно крепкими позиции партии можно считать в Вене (на последних выборах в Ландтаг в 2010 г. партия получила 25,7% голосов).

Дискурс на тему «избыточного мусульманского населения» возник в контексте антииммигрантской программы Партии свободы, рассматривавшей миграцию в качестве источника криминала и бремени для бюджета страны. Однако в последние 10 лет основные претензии правых к иммигрантам построены на содержательной критике именно исламского культурного компонента.

В обществе имеются признаки выделения христианской религиозной принадлежности как основы национальной идентичности, противопоставляемой мусульманским мигрантам. Улавливая эту тенденцию, лидеры Свободной партии подчеркивают связь между защитой интересов коренного населения и приверженностью христианской церкви, порой выступая перед аудиторией с крестом в руке и на фоне католических храмов [6]. При этом Штрахе не удалось привлечь значительного числа голосов христиан: именно практикующие католики неохотно голосовали за правых [7], отдав по 20 с лишним процентов своих голосов социалистам, христианским демократам из АНП и «зеленым».

Тем не менее мусульмане находятся в эпицентре общественно-политического внимания как собирательный образ «другого», не только отнимающего у австрийцев работу, претендующего на незаслуженную государственную поддержку, но и посягающего на их культурный код. Примеров тому немало.

Так, обеспокоенность в австрийском обществе вызвала публикация письма некой преподавательницы, сообщавшей соотечественникам, что власти из соображений толерантности к мусульманам собираются запретить в школах любые коннотации с христианской верой и упоминания о Боге, включая принятое в Австрии приветствие «Gruss Gott!». Позднее письмо было признано фальшивкой, но инцидент стал причиной официального парламентского расследования: настолько население и политики были обеспокоены возможными нападками на связанные с христианством традиции [8]. Проявлением христианской идентичности стала и реакция общества на попытки некоторых активистов-атеистов выступить против наличия распятий в общеобразовательных школах. Эта инициатива вызвала общественный протест, и в рамках социологического опроса в 2011 г. 80% австрийцев заявили, что их страна — христианская и должна таковой оставаться впредь [9].

Заметим, такой самоидентификации не мешают растущее недоверие к католической церкви как организации, резкие выступления против ее привилегий, ежегодное пополнение рядов граждан, объявивших о выходе из нее (в Австрии эта процедура связана с возможностью не платить больше церковный налог) [10]. Что лишний раз подтверждает тренд превращения христианства для Европы в символ культурного кода, маркеры которого — рождественские елки, распятия, религиозно окрашенные названия каникул — в одних странах (Великобритании, Бельгии) постепенно «сдают без боя», а в других (Италии, Германии, Австрии) сдавать не собираются [11].

Кстати, поводом заявить свою новую позицию по вопросам идентичности на международном уровне стала для австрийских политиков ситуация вокруг школьных распятий в Италии. В 2009 г. Европейский суд по правам человека начал рассмотрение иска атеистической семьи против христианских символов в образовательных заведениях. (В итоге, после обжалований и пересмотров, дело окончилось вердиктом об их неприкосновенности. [12]) И здесь политические силы Австрии неожиданно продемонстрировали относительное единство: решение ЕСПЧ принять иск к рассмотрению осудили, помимо правых, также и представители Австрийской народной партии. Их аргументы заключались в том, что христианство — неотъемлемая часть национальной идентичности и культуры австрийцев, как и любой европейской страны, а распятие — символ этой идентичности. Социалисты отреагировали сдержанно, очевидно, учитывая возможную реакцию иммигрантов, 80% которых отдадут свои голоса именно этой партии [13]. Однозначно против распятий высказались лишь «зеленые» [14]. Среди электората по этому вопросу царит еще большее единодушие: 79% избирателей социалистов, 87% сторонников АНП и 86% сторонников правых партий поддержали сохранение распятий в школах Австрии [15].

Наивно, однако, было бы сводить все противоречия только к ценностным представлениям. В отношении австрийцев к мусульманам, как и любым мигрантам, присутст-

вуют и расизм, и банальная ксенофобия, и нежелание стать жертвой криминальных проявлений, зачастую присущих неблагополучной молодежи иммигрантского происхождения, и экономические резоны. Гастарбайтеры были нужны как дешевая рабочая сила, а не как потребители благ социального государства. При этом мусульмане отнюдь не единственные в списке нежелательных соседей. Так, опрос на тему «Кого бы вы не хотели видеть своим соседом?» в 2012 г. выявил целый список «аутсайдеров» в глазах австрийцев: люди с другим цветом кожи, все переселенцы вообще, мусульмане, евреи, румыны (цыгане) [16].

Интересно, что австрийцы продемонстрировали наиболее впечатляющий рост антииммигрантских настроений среди 45 стран. Особенно заметен скачок между 1998 г. и 2008 г. Несмотря на большее, казалось бы, внимание к исламской теме во Франции, Бельгии или Швейцарии, где после бурных общественных дискуссий были введены запреты на некоторые исламские символы, в этих странах нежелание иметь своими соседями мусульман характерно для меньшего процента опрошенных. С другой стороны, в момент известного «карикатурного скандала» половина австрийцев выступила против публикации оскорбляющих ислам карикатур у себя в стране [17]. Впрочем, причинами могли быть как понимание специфики оскорбленных религиозных чувств, так и страх перед исламом и мусульманами, который, согласно социологическому исследованию «Религия и свобода», испытывает минимум 50% австрийцев.

Исследование «Религия и свобода», проведенное в 2010 г. институтом IMAS, заслуживает отдельного внимания. Его результаты «говорят о трансформации антииммигрантских настроений социально-экономического характера в идеологически обоснованные антиисламские настроения. По полученным данным, 72% населения критикуют недостаточную готовность мусульманской общины Австрии приспособиться к принимающему обществу; 71% уверены, что ислам не имеет ничего общего с западными представлениями о свободе, демократии и толерантности; 61% согласились с тем, что Австрия — католическое государство и должно им оставаться (хотя лишь 20% считают себя религиозными людьми); 60% выступают за запрет мечетей и минаретов, 51% — за запрет ношения головных платков; 54% уверены, что ислам — главная угроза для западной Европы; 42% поддерживают утверждение «чем меньше мигрантов, тем лучше». При этом с понятием «христианское государство» у австрийцев связаны такие позитивные характеристики, как демократия, благоденствие и прогресс, а «мусульманское государство» ассоциируется с неравенством полов, нетерпимостью к инакомыслящим и отсталостью [18].

Лишь немногие австрийцы задумываются над тем, что не гастарбайтеры из Турции и беженцы из развалившейся Югославии впервые навязали стране «чужую» религию, а сама Австрия, еще будучи Австро-Венгерской империей, интегрировала мусульманское население Балкан. В 2012 г. правительство Австрии и руководство Исламского религиозного сообщества Австрии (далее ИПСА) — признанной государством общенациональной организации мусульман — торжественно отметили столетний юбилей принятия «Закона об исламе» [19], утвердившего официальный статус этой религии в государстве и гарантировавшего права мусульман на религиозно обусловленные ин-

ституты и обряды (равные с правами приверженцев христианства). Даже после распада империи Габсбургов и отхода Боснии и Герцеговины в 1918 г. Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославии) закон оставался в силе, хотя мусульманское население страны сократилось до нескольких сот человек. На этой правовой основе в Вене после Первой мировой продолжал существовать Исламский культурный союз, после 1939 г. реорганизованный в Исламское сообщество Вены, а в 1951 г. — в Союз мусульман Австрии. К 1964 г. после приезда первых гастарбайтеров количество мусульман в стране достигло 8 тыс. человек. В рамках существующего закона они начали переговоры с органами власти о создании и признании национальной мусульманской организации, а также о введении школьных уроков ислама. Закон действует и сейчас, несмотря на то, что современная Австрия не является правопреемницей принявшей его империи.

Мусульманская часть населения показывает самые быстрые темпы роста — для сравнения, в 2001 г. мусульмане составляли 4,3% населения, насчитывая 346 тыс. человек, а в 2009 — 516 тыс. человек, что составило уже 6,2% населения [20]

Идентичность австрийских мусульман: перспективы интеграции

Насколько реалистичны опасения коренных австрийцев? Что в действительности думает о своем месте в Австрии мусульманское население этой страны? На какие группы и идеологические течения оно разделено? Как может быть охарактеризована идентичность австрийских мусульман исходя из их ценностных и религиозных представлений, происходит ли их интеграция в австрийское общество?

Чтобы избежать поверхностных ответов, обратимся к нескольким масштабным исследовательским проектам, которые выполнялись либо по заказу австрийского правительства, либо по инициативе академического сообщества.

Мировой лидер в изучении общественного мнения GfK провел в 2009 г. под руководством профессора П. Уралья исследование «Интеграция в Австрии». Посвященная религии часть этой работы делит иммигрантов на две группы: «секулярно ориентированные относительно государства» и «религиозно-политически ориентированные». Первые ставят законы и правила австрийского государства выше законов и предписаний своей религии, вторые — наоборот. Эксперты пришли к выводу, что именно среди мусульман относительно велика доля тех, кто отдает предпочтение религиозным законам перед государственными и кого потому можно назвать религиозно-политически ориентированными (45% опрошенных) [21].

Аналогичны данные Социологического института Берлина, проводившего в 2008–2009 гг. исследование религиозного фундаментализма среди христиан и мусульман в шести европейских странах. К фундаменталистам каждой из конфессий в исследовании отнесли тех, кто считает необходимым вернуться к первоначальным корням своей религии (более 55% проживающих в Европе мусульман), уверен в возможности бук-

важного толкования священного текста (три четверти мусульман), ставит религиозные законы и предписания выше государственных (две трети мусульман) и вдобавок враждебен к группам, не одобряемым в свете религиозного учения (в качестве таковых христианам и мусульманам предлагались одинаковые группы — гомосексуалисты и евреи). В итоге среди мусульман 45% опрошенных соответствовали всем трем перечисленным критериям фундаментализма. Уровень их враждебности к неодобряемым группам также выше, чем у христиан. Интересно, что степень фундаментализма у мусульман Австрии выше, чем у их единоверцев в других странах Европы [22].

Другие ученые полагают, что ясную картину умонастроений и ценностных предпочтений австрийских мусульман дают лишь сложные многоступенчатые исследования. Согласно комплексному труду «Мусульмане в Австрии», опубликованному на сайте ведомства по интеграции [23], не более 17% мусульман страны обладают религиозно-политической идентичностью, в которой можно увидеть препятствия для интеграции в жизнь светского общества и австрийского государства. При этом, хотя подавляющее число мусульман признают австрийские законы вполне подходящими для себя, около половины согласились с формулировкой, что исповедовать свою религию в Австрии они могут с некоторыми ограничениями.

Еще более нюансированными данными по этой проблематике обогатил австрийскую и мировую науку фундаментальный опус социолога и теолога П. Цуленера «Религия в жизни австрийцев 1970–2010» [24]. Ученый отмечает, что интерес к религии у второго поколения мусульманских иммигрантов значительно снижается — всего 29% его представителей живут в полном соответствии с религиозными требованиями (среди представителей первого поколения таковых 54%). Только 48% мусульман стараются посещать мечеть каждую пятницу и соблюдать обязательное предписание пятикратной молитвы ежедневно [25]. Если в первом поколении 75% мусульман Австрии считают незыблемыми авторитеты и ценности, то во втором — только 50%. Имеются и серьезные признаки гендерной эмансипации: почти в 2 раза сократилось число женщин-мусульманок, готовых подчиняться авторитетам. Женщины-мусульманки второго поколения, согласно данным Цуленера, превзошли в этом мужчин-единоверцев.

Для наглядного подтверждения выводов социолога газета «Standard» провела ряд интервью с молодыми мусульманами [26]. В первой публикации интервьюируют трех школьниц из Иннсбрука. Они более критичны и независимы в оценках и поступках, чем их сверстницы-немусульманки, делающие многое только ради самоутверждения в среде ровесников. Ничем не ограничивая себя в общении, экспериментах с внешностью, музыкальных и иных развлечениях, столь важных для молодежи, эти девушки не с религиозных, но с рациональных позиций отказываются употреблять на вечеринках алкоголь и положительно оценивают то, что в мусульманских странах исключен детский и женский алкоголизм. Зато отношения между полами, принятые у европейцев, австрийским мусульманкам нравятся больше, чем принятые на исторической родине. Как и эмансипированные западные женщины, эти девушки ставят образование и карьеру на первое место, а будущую семью и детей — на второе. Их угнетает необходимость уважать религиозные и консервативные взгляды родителей и согласовывать

с ними свои внешность, поступки и высказывания. Все три школьницы продемонстрировали свободомыслие, заявив, что читали Коран, чтобы найти ответы на многие повседневные вопросы, но не нашли их; в частности, не нашли указаний носить платок. Они способны на критику своего этнического и религиозного сообщества в Австрии и порицают двойные стандарты, когда среди их знакомых считается нормальным вести себя по-разному с мусульманами и со всеми остальными.

Другие интервьюируемые — жители Вены, боснийцы, 23-летний юноша и 29-летняя девушка — интерпретируют религию по-своему, считая это своим правом, и одновременно ощущают ислам неизменной частью своей идентичности. Это не мешает им ходить на вечеринки, употреблять алкоголь, иметь прочные романтические отношения с немусульманами и пренебрегать постом в Рамадан. В то же время вера даже для таких свободных людей очень важна, они отнесли ее к разряду ценностей, которые необходимо передать будущим детям. Причем девушка полагает, что ей лучше выйти за мусульманина, чтобы дети «автоматически» стали мусульманами, да и родители одобрили такой союз, а юноша уверен, что может вступить в брак и с немусульманкой, так как родители примут любую его избранницу, а дети все равно будут делать религиозный выбор сами.

Участники серии интервью заявили, что не чувствуют себя представленными официальной организацией австрийских мусульман — ИРСА и сомневаются в ее целесообразности. Она не отражает интересы тех, кто верит иначе или менее религиозен. В дебатах с ней у политиков и общества формируется искаженное мнение, и шаблон, применимый лишь к одной из групп, распространяется на всех. Молодые люди высказали мнение, что в Австрии уже много мусульман, которые могут «обходиться с религией проще», и гораздо меньше тех, кто свою религиозность воспринимает как повод не адаптироваться к инокультурной среде. Достаточно, по их мнению, и придерживающихся умеренного отношения к религии.

Эта самооценка совпадает с исследованием П. Цуленера. Он делит мусульман на две основные группы — «практикующих» и «секуляристов» — и одну промежуточную, представители которой со временем перейдут либо в первую, либо во вторую. К «секуляристам» Цуленер относит тех, кто не молится, не считает важными пять столпов ислама, а порой и не верит в Аллаха, что роднит их с «культурными христианами», для кого религиозные смыслы утрачены, но христианство дорого как часть национальной или семейной традиции. По мнению ученого, переворот сознания, который испытывают мусульмане в Австрии в пределах одного поколения, принося сюда «домодерную форму религиозной веры из Анатолии» и попадая в постмодерный мир, — это скачок в секуляризацию, причем европейскому христианству понадобилось на это 400 лет [27].

Важными свидетельствами такого скачка являются появление в мусульманском сообществе Австрии нескольких идеологических направлений, а также возможность отстаивания своих прав представителями альтернативных исламских течений, поскольку в Австрии им не грозят гонения и преследования. В первую очередь это касается многочисленной австрийской диаспоры турок и курдов-алевитов, которых суннитский

ислам не считает мусульманами. Так, «официальным лицом» ислама в Австрии государство признало ИРСА [28] — преимущественно турецкую по этническому составу руководства и членов и суннитскую по богословскому профилю организацию.

Некоторые арабоязычные выходцы из стран Ближнего Востока, выступающие идеологическими оппонентами ИРСА, создали объединение под названием «Инициатива либеральных мусульман Австрии» [29] (ИЛМА). Члены ИЛМА озабочены деятельностью политических организаций, использующих религию ислама как инструмент для достижения своих целей в Европе. Они выступают против присутствия в президиуме ИРСА представителей турецко-мусульманской общеевропейской организации АТІВ, являющихся проводниками определенной политизированной интерпретации ислама среди турецких диаспор (под их влияние попала, в частности, вся система школьного религиозного образования детей турецких мусульман в странах Запада). Под вопрос ставят «либералы» и легитимность ИРСА, и Конституционный суд Австрии уже подтвердил, что решение правительства сделать единственную организацию полномочным представителем всех мусульман антиконституционно. Кстати, с аналогичными претензиями обращались в Конституционный суд и алевиты, только уже не по идеологическим, а по конфессиональным основаниям. «Либеральные мусульмане» критикуют ИРСА не только за позицию по вопросам интеграции, но и за внутреннюю недемократичность, особенно за систему выборов в высшие органы, поскольку сотни тысяч мусульман из-за не прямых выборов не допущены к голосованию. «Либералам» принадлежит также инициатива, предусматривающая, что проповеди в мечетях будут вестись на немецком языке, а имамы, планирующие работать в Австрии, должны подписывать циркуляр о согласии уважать права женщин и западные демократические устои. Члены ИЛМА высказывались против строительства новых мечетей в Австрии, поскольку и имеющиеся на сегодняшний день обычно полупусты или пусты и заполняются только по большим праздникам. Они также советовали единоверцам не настаивать на возведении в Европе минаретов — ввиду отсутствия функциональной необходимости в них, поскольку любую мечеть в наши дни можно найти с помощью дорожных указателей и навигатора автомобиля, тогда как архитектурный облик городов они действительно меняют. От «либералов» исходит и предостережение властям: не позволять исламистам и фундаменталистам под предлогом «социальной работы для интеграции мусульман» возводить на деньги иностранных спонсоров инфраструктуру, включающую культурные центры, исламские школы, больницы и детские сады при каждой мечети. По их мнению, эта концепция вписывается в нежелательный как для коренных австрийцев, так и для мусульман проект «параллельного общества».

Еще более либеральное идеологическое течение называет себя провокационно — «Бывшие мусульмане». Как формулирует его глава Шахит Кайя, политолог с курдскими корнями, задача «Бывших мусульман» в Австрии — публично отстаивать право на отказ от веры или на смену религии, не дозволенные в исламе [30]. Свои личные мотивы он объясняет иначе: если человек выступает за самокритику в исламе, сначала приходится объявить себя вне правил негласного табуирования проблем мусульманского сообщества или спорных аспектов исламской доктрины. Фактически Кайя признает, что движение «Бывших мусульман» стало способом дискутировать об исламе с теми,

кто способен слушать, включая и власти западных стран, не всегда адекватно выбирающих партнеров по диалогу с мусульманским сообществом.

Этот опосредованный упрек небезоснователен, поскольку европейские правительства — и Австрия тут не исключение — пытаются упростить проблему и решить ее по готовой схеме, ориентируясь на государственно-церковные отношения, тогда как ислам еще не готов дать внутренний ответ на все вызовы нового времени и нового статуса своих сообществ в немусульманских странах XXI в. Ответ за все религиозное учение и за всех его приверженцев торопятся дать именно фундаменталисты и исламисты, готовые использовать предоставляемые властями опции для достижения своих целей.

Движение «Бывших мусульман» — альтернативный плод поисков такого ответа. Основательница движения, феминистка из Германии и турчанка по происхождению, Мина Ахади на пресс-конференции в день открытия центра в Австрии отметила, что причиной плохой интеграции турецких мусульман в жизнь европейских обществ частично является политика нынешнего лидера страны Р.Т.Эрдогана, партия которого () поддерживает идеологию наиболее консервативного, а порой и радикального ислама, и распространяет ее через деловые круги не только на Родине, но и в европейских диаспорах, через многочисленные земляческие и религиозные организации, а также непосредственно в мечетях. По ее мнению, в результате такой пропаганды, а не под влиянием плохих социально-экономических условий молодые люди проникаются духом несовместимости ислама как «религии господства» со своим статусом меньшинств, из-за фундаменталистской трактовки ислама не видят, как совместить религиозную идентичность с либерализмом западных обществ. М.Ахади озвучила и несколько главных на сегодня вопросов к мусульманским лидерам духовного толка: когда будут пересмотрены права женщин, включая не только теоретические, но и практические проблемы, — убийства во имя чести, принудительные браки, принудительное надевание на женщину платка, препятствование образованию девочек? Какие конкретные меры остановят распространение фундаментализма и возникновение параллельных обществ в Европе? [31] Ахади указывает, что если мусульмане сами не начнут решать эти вопросы, европейские правые радикалы, с одной стороны, и мусульмане-фундаменталисты, с другой, усилят свои позиции в ущерб интересам мусульман европейских стран.

Однако критично настроенные мусульмане-оппозиционеры, такие как «либералы» и «бывшие», не в состоянии привлечь в свои ряды мусульманскую молодежь, поскольку предлагают ей начать не с синтеза ценностей Запада и ислама, а скорее с отказа от права на особенность, на личностные интерпретации должного и лучшего. Но судя по приведенным выше интервью, молодые мусульмане предпочитают выстраивать идентичность именно через особенность, индивидуальные комбинации элементов исламского и европейского в своих взглядах и поведении, не считая кого-либо (включая собственных родителей или администрацию школы) вправе решать за них.

Разногласия внутри мусульманского сообщества не касаются еще одной важной проблемы — воспитания патриотизма среди мусульманской молодежи Австрии. В этом направлении делаются лишь робкие попытки — можно упомянуть рассчитанные на не-

сколько лет творческие общественно-политические проекты для молодых мусульман, разработанные молодежным подразделением ИРСА (например, «Я из Австрии») [32]. Подобные поиски, встречи и совместные мероприятия христианских и мусульманских молодежных союзов куда полезнее, чем изначально разделяющие население опросники, которые ставят искренних молодых людей перед неразрешимой дилеммой: кто ты в первую очередь — австриец или мусульманин? Для большинства это пока подразумевает только негативные выводы: если в первую очередь австриец — значит, плохой мусульманин; если в первую очередь мусульманин — значит, с точки зрения обывателя, не любишь Австрию. Необходимо привлечь силы теологов, политиков и журналистов, чтобы и в религиозной жизни, и в политике, и в медиа заполнить лакуны, с одной стороны, между религиозной идентичностью мусульманина и его гармоничным поведением в немусульманском австрийском государстве, с другой — между национальной гордостью австрийца и егоприятием изменений в этническом составе страны.

Профессор-богослов из Венского университета предупреждает об опасности, исходящей от исламистов, которые произносят «правильные» речи об интеграции, рассматривая их лишь как способ избежать вмешательства властей в свою деятельность, направленную на подрыв светской демократической государственности [33]. Однако многие австрийские мусульмане демонстрируют разумный критичный подход как к исламистам, рассчитывающим на превращение Австрии в исламское государство, так и к салафитам, ориентирующим молодежь на отторжение современности. Согласно исследованию «Мусульмане в Австрии», большая часть родителей-мусульман не водит своих детей на уроки ислама в государственных школах, поскольку там, по их мнению, распространяют фундаментализм [34]. Бдительность родителей-мусульман позволила прекратить и насаждение антисемитизма в одной из венских школ.

Эти сигналы должны были бы насторожить ИРСА. Однако политика национальной организации мусульман страны скорее вызывает подозрения в покровительстве таким учебным программам. Например, депутатские запросы в австрийском парламенте о пропаганде шахидизма в школьных учебниках по основам ислама, а также исследования Мухаммад Хорхида, подтвердившие, что школьные учителя ислама воспитывают в детях отнюдь не терпимость и патриотизм [35], вызвали неоднозначную реакцию со стороны руководства ИРСА. Вопрос с кадрами для проведения уроков по основам ислама в духе интеграции, а не салафизма, тоже пока не решен, несмотря на запуск в Австрии образовательных академических проектов для подготовки таких преподавателей.

Впрочем, не только перед мусульманами стоят сложные задачи конструирования новой австро-исламской идентичности и переосмысления религиозных установок в контексте современности. Австрийским политикам — не популистам, решающим практические вопросы интеграции мусульманского населения (а не спекулирующим на этой болезненной проблематике от выборов до выборов), тоже надо принимать сложнейшие решения. Например, вводить ли мусульманские праздники в перечень государственных, как об этом просят представители ИРСА? Если да, то придется отринуть узкохристианскую платформу национальной идентичности. Если нет, то сложно будет

доказывать мусульманам во втором и третьем поколениях, что это их страна, они здесь у себя дома и их религией не пренебрегают.

Пожалуй, перспективным могло бы стать не искусственное противопоставление ценностей ислама ценностям христианской Европы, а, наоборот, признание сходства большинства этих ценностей и их право на присутствие в политическом дискурсе. Желательно, чтобы консервативные ценности защищали не «правые» исламофобы, а христианско-мусульманские альянсы, не посягая при этом на базовые принципы политической культуры западной демократии, прежде всего свободу вероисповедания и равенство полов. Но такой «постсекулярный» подход может снизить градус напряженности не везде, где есть проблемы с интеграцией мусульман. Конструктивным он будет только при сочетании как минимум двух условий: когда христиане не отказываются от присутствия в общественно-политическом дискурсе религиозной компоненты (таких стран в Европе осталось немного, и одна из них — Австрия), а мусульмане больше склонны к эмансипации, чем к радикализации.

Восприятие немусульманским большинством борьбы исламских активистов за повышение статуса ислама в стране и за рост числа визуальных символов его присутствия (мечетей и минаретов) было бы, наверное, спокойнее и доброжелательнее, если бы мусульмане с не меньшим энтузиазмом осваивали язык страны пребывания. В использованных в данной статье материалах нередко указания, что мусульман опрашивают на родном языке, поскольку они не владеют немецким, и что, например, турецкие мусульмане в Австрии предпочитают в качестве коммуникативной среды турецкоязычный интернет и турецкие каналы телевидения. Родители поощряют детей говорить дома по-турецки и на языках балканских народов; в результате более 120 тысяч школьников Австрии, посещая обычные школы, продолжают общаться на этих языках, не переходя на немецкий [36]. Вдобавок к языковой обособленности, 17 тыс. этнических турок и 35 тыс. школьников балканского происхождения не имеют австрийского гражданства (неизвестно, связано это с добровольным выбором их родителей, не желающих терять гражданство исторической родины, или с проблемами при получении гражданства Австрии).

Во многом такая ситуация сложилась еще и из-за недавнего решения ЕСПЧ [37], защитившего турок от «языковой дискриминации» со стороны Австрии. Дело в том, что страна и после вступления в ЕС в 1995 г. продолжала требовать от въезжавших языковые навыки, в то время как наличие у Турции договора об ассоциированном партнерстве с ЕС снимает с нее такие ограничения. Теперь Австрии пришлось снять квалификационные требования к знанию немецкого языка для желающих въехать по приглашению родственников. Незаконным стало требование к въехавшим по этой схеме хотя бы впоследствии сдать тест на минимальное владение немецким языком. Не вызывает энтузиазма у австрийцев последовавшая в результате решения ЕСПЧ отмена права Австрии затребовать доказательства доходов приглашающей стороны и доходов претендента на рабочее место. Отменено и ограничение на въезд в Австрию в качестве брачных партнеров лиц из Турции моложе 21 года, что означает массовый приток иждивенцев и претендентов на социальные пособия.

В контексте этих событий провокативными выглядят высказывания на интернет-форумах о том, что в таком мультикультурном городе, как Вена, не только потомки приезжих должны учить немецкий, но и венцам пора учить турецкий, чтобы лучше понимать новых соседей.

По признанию главы ИРСА Ф. Санака, только 10 лет назад турки перестали массово инвестировать деньги в недвижимость на исторической родине и рассматривать Австрию как временное место жительства для зарабатывания денег на обеспеченную старость в Турции. Еще не все турки отказались от отправки тел умерших родственников в Турцию для захоронения, хотя и в Австрии появляются мусульманские кладбища [38].

Поэтому, говоря об антииммигрантских и антимусульманских настроениях австрийцев, следует объективно оценивать как минимум несвоевременные или вообще спорные требования мусульманских активистов (например, о включении мусульманских праздников в число государственных). Возможно, настанут времена, когда это покажется вполне приемлемым. Но пока владеющие немецким исламские активисты представляют целые коммуны людей, отнюдь не заинтересованных в интеграции, отвергающих австрийскую культуру, расценивающих страну, созданную отцами и дедами австрийцев, как совокупность комфортных бытовых условий, пособий или выгодного заработка. Очевидно, что группа, подающая запрос на изменение национальной идентичности и культурного кода страны с учетом своего присутствия и своих потребностей, должна и сама быть готовой к изменениям.

Примечания:

- [1] Zahl der Muslime in Österreich wächst beständig. (публикация на сайте Римо-католической церкви в Австрии со ссылкой на исследование “Muslime in Österreich. Geschichte, Lebenswelt, Religion, Grundlagen für den Dialog” (Hg.: Heine/Lohlker/Potz, Tyrolia 2012). — <http://kathpress.vivolum.net/site/focus/meldungen/islam/database/47759.html> des Internetauftritts der Katholischen Presseagentur Österreich. <http://kathpress.vivolum.net/site/focus/meldungen/islam/database/47759.html> des Internetauftritts der Katholischen Presseagentur Österreich.
- [2] https://www.statistik.at/web_de/statistiken/bevoelkerung/index.html
- [3] http://medienservicestelle.at/migration_bewegt/wp-content/uploads/2011/07/IBIB_Broschuere_Muslime.pdf
- [4] Название колокола главного католического храма Австрии — Собора святого Стефана в Вене.
- [5] Auch S.Winter FPÖE zieht in Wiener Parlament. — <http://www.kybeline.com/2013/10/03/auch-susanne-winters-fpoe-zieht-ins-wiener-parlament-ein/#more-49151>
- [6] Koechler H. Das Verhältnis von Religion und Politik in Österreich und Europa. — 25.05.2012. — S.9. — <http://hanskoechler.com/Koechler-Religion-Politik-%C3%96sterreich-ATIB-25Mar2012-V5.pdf>
- [7] Заметки на стене: Анализ избирательной кампании в национальный парламент октябрь 2013 г. Die Zeichen an der Wand. — S.36. http://www.dieweisewirtschaft.at/ZeichenanderWand_NRW_2013.pdf

- [8] Brief einer Lehrerin. — <https://open-speech.com/showthread.php/636953-Brief-einer-Lehrerin>; Verbot der Grußformel «Grüß Gott» in Schulen (7988/AB). — http://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXIV/AB/AB_07988/imfname_221178.pdf
- [9] IMAS-Umfrage: Große Mehrheit für Kreuze in Österreichs Schule. — 25.3.2011. — <http://www.schulamt.at/index.php/aktuelles/pressespiegel/736-imas-umfrage-grossemehrheit-fuer-kreuze-in-oesterreichs-schulen>; 70 Prozent der Österreicher für Kreuz in der Schule Die Presse”, Print-Ausgabe, 19.03.2011. — <http://diepresse.com/home/bildung/schule/hoehereschulen/644769/70-Prozent-der-Oesterreicher-fur-Kreuz-in-der-Schule>
- [10] Erneuter Rückgang bei Kirchnaustritten / Katholisch. — 08. January 2013. — <http://www.katholisch.at/site/home/aktuelles/article/103031.html>
- [11] Österreich: “Kreuz gehört zur Identität Europas / Die Presse. — http://diepresse.com/home/panorama/religion/519476/index?gal=519476&index=1&direct=&_vl_backlink=&popup=
- [12] 70 Prozent der Österreicher für Kreuz in der Schule / Die Presse”, Print-Ausgabe, 19.03.2011.
- [13] Wen die Wiener Migranten wählen. / Die Presse. — 23.07.2013. — <http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/1433229/Wen-die-Wiener-Migranten-waehlen>
- [14] Там же.
- [15] 70 Prozent der Österreicher für Kreuz in der Schule/Die Presse», Print-Ausgabe, 19.03.2011.
- [16] Antipathie gegen Migranten nahm in Österreich stark zu. — 17. Jänner 2012. — <http://derstandard.at/1326502987385/Europa-Vergleich-Antipathie-gegen-Migranten-nahm-in-Oesterreich-stark-zu>; Полный текст доступен по адресу: <http://werteforschung-ptkftf.univie.ac.at/>
- [17] http://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20060208_OTS0120/umfrage-knappe-mehrheit-der-oesterreicher-gegen-islam-karikaturen
- [18] Полностью исследование «Ислам глазами населения Австрии» можно прочитать здесь: <http://images.derstandard.at/2010/04/07/IMASreport.pdf> ; краткое резюме опубликовано в статье: Islam fuer jeden zweiten Oesterreicher eine Bedrohung. — 01.03.2010. — [Electronic recourse] / www. Der Standard. — Mode of access:<http://derstandard.at/1267131982424/Studie-zu-Religion-und-Freiheit-Islam-fuer-jeden-zweiten-Oesterreicher-eine-Bedrohung>
- [19] Закон с комментариями доступен на сайте Парламента страны. http://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXIV/AB/AB_01596/index.shtml
- [20] Статистика по мусульманскому сообществу Австрии приводится из размещенного на сайте государственного Интеграционного фонда отчета «Muslimische Bevoelkerung Oesterreichs». — 25/09/2010 [Electronic recourse] / www.Integrationsfond.at. — Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6384
- [21] Integration in Oesterreich. — 2009. — http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_Service/Integrationsstudie.pdf
- [22] Österreichs Muslime strenger religiös / DiePresse. — 11.12.2013.— <http://diepresse.com/home/panorama/oesterreich/1503287/Oesterreichs-Muslime-strenger-religios>; Mehrzahl der Muslime in Westeuropa sind Fundamentalisten / Berliner Umschau. —

- <http://www.berliner-umschau.de/news.php?id=24022&title=Mehrzahl+der+Muslime+in+Westeuropa+sind+Fundamentalisten&storyid=1001386844025> (Полный текст этого исследования доступен на сервере издания Die Presse по адресу: http://diepresse.com/mediadb/pdf/Koopmans_Kurz.pdf)
- [23] Muslime in Oesterreich. — Bundesintegrationsamtwebseite. — http://www.integration.at/media/files/studien/Muslime_in_Oesterreich.pdf
- [24] Die neue Generation / Profil. — 17.11.2011. — <http://www.profil.at/articles/1146/560/312184/muslime-die-generation>
- [25] Полное описание исследования, включая выборку, опросные листы и хронологические таблицы, размещено на сайте ученого: <http://www.zulehner.org/site/forschung/religion>
- [26] Junge Musliminnen Rebellion gegen veraltete Werte / [Electronic recourse] / www. Da Standard. — Mode of access: <http://dastandard.at/1329870463019/Junge-Musliminnen-Rebellion-gegen-veraltete-Werte?seite=2>; <http://dastandard.at/1326504363423/Muslime-in-Oesterreich-Untypisch-muslimisch>
- [27] Wer stark ist, hat keine Angst und pflegt den Dialog . — 13.04.2011. — [Electronic recourse] / www. avusturya.zaman.com.tr. — Mode of access: http://avusturya.zaman.com.tr/at/newsDetail_getNewsById.action?newsId=249899
- [28] Официальный сайт этой структуры в сети Интернет: www.derislam.at
- [29] Подробнее о членах и деятельности этого движения со ссылками на публикации в СМИ о заметных выступлениях и акциях либеральных мусульман см. на его официальном сайте в сети Интернет: www.initiativeliberalermuslime.org
- [30] Gegen den Islam als Herrenreligion / Der Standard [Electronic recourse].- Mode of access: <http://derstandard.at/1266541545251/Gegen-den-Islam-als-Herrenreligion-Ex-Muslime-fordern-Recht-auf-Nichtglauben>
- [31] Там же.
- [32] I am from Austria. Leben und Glauben junger Muslime in ihrer Heimat / DonBosco. — №2.- 2012. — <http://donboscomagazin.de/index.277.de.html>
- [33] Ednan Aslan: Muslime brauchen gewisse Impulse / Die Presse [Electronic recourse].- Mode of access: http://diepresse.com/home/panorama/religion/1261326/Ednan-Aslan_Muslime-brauchen-gewisse-Impulse
- [34] Muslime in Oesterreich. — Bundesintegrationsamtwebseite. — http://www.integration.at/media/files/studien/Muslime_in_Oesterreich.pdf
- [35] Khorchide M. Der islamische Religionsunterricht in Österreich . [Electronic recourse] / www.Integrationsfond.at. — Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6395
- [36] Mehr Schuler, die zuhause nicht Deutsch sprechen./ Die Presse. — 28.08.2013 — <http://diepresse.com/home/bildung/schule/1446123/Mehr-Schuler-die-zuhause-nicht-deutsch-sprechen>
- [37] Verhaertete Fronte nach Aufhebung der Deutschpflicht / Die Presse. — 1.05.2012. — <http://diepresse.com/home/panorama/integration/753893/Verhaertete-Fronten-nach-Aufhebung-der-Deutschpflicht>
- [38] Die Muslime wollen erst seit 10 Jahren hier bleiben. / Die Wiener Zeitung. — 02.11.2012.- http://www.wienerzeitung.at/themen_channel/wz_integration/gesellschaft/498607_Die-Muslime-wollen-erst-seit-10-Jahren-hier-bleiben.html

Список литературы:

1. «Muslimische Bevoelkerung Oesterreichs». — 25/09/2010 [Electronic recourse] / www.Integrationsfond.at. — Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6384
2. 70 Prozent der Österreicher für Kreuz in der Schule / Die Presse”, Print-Ausgabe, 19.03.2011.
3. Antipathie gegen Migranten nahm in Österreich stark zu. — 17. Jänner 2012. — <http://derstandard.at/1326502987385/Europa-Vergleich-Antipathie-gegen-Migranten-nahm-in-Oesterreich-stark-zu>
4. Auch S.Winter FPÖE zieht in Wiener Parliament. URL: <http://www.kybeline.com/2013/10/03/auch-susanne-winters-fpoe-zieht-ins-wiener-parlament-ein/#more-49151>
5. Brief einer Lehrerin. URL: <https://open-speech.com/showthread.php/636953-Brief-einer-Lehrerin>.
6. Die Muslime wollen erst seit 10 Jahren hier bleiben. / Die Wiener Zeitung. — 02.11.2012. — http://www.wienerzeitung.at/themen_channel/wz_integration/gesellschaft/498607_Die-Muslime-wollen-erst-seit-10-Jahren-hier-bleiben.html
7. Die neue Generation / Profil. — 17.11.2011. — <http://www.profil.at/articles/1146/560/312184/muslime-die-generation>
8. Ednan Aslan: Muslime brauchen gewisse Impulse / Die Presse [Electronic recourse]. — Mode of access: http://diepresse.com/home/panorama/religion/1261326/Ednan-Aslan_Muslime-brauchen-gewisse-Impulse
9. Erneuter Rückgang bei Kirchenaustritten / Katholisch. — 08. January 2013. — <http://www.katholisch.at/site/home/aktuelles/article/103031.html>
10. Gegen den Islam als Herrenreligion / Der Standard [Electronic recourse]. — Mode of access: <http://derstandard.at/1266541545251/Gegen-den-Islam-als-Herrenreligion-Ex-Muslime-fordern-Recht-auf-Nichtglauben>
11. http://medienservicestelle.at/migration_bewegt/wp-content/uploads/2011/07/IBIB_Broschuere_Muslime.pdf.
12. http://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXIV/AB/AB_01596/index.shtml
13. https://www.statistik.at/web_de/statistiken/bevoelkerung/index.html
14. I am from Austria. Leben und Glauben junger Muslime in ihrer Heimat / DonBosco. — № 2. — 2012. URL: <http://donboscomagazin.de/index.277.de.html>
15. IMAS-Umfrage: Große Mehrheit für Kreuze in Österreichs Schule. — 25.3.2011. — <http://www.schulamt.at/index.php/aktuelles/pressespiegel/736-imas-umfrage-grosse-mehrheit-fuer-kreuze-in-oesterreichs-schulen>
16. Integration in Oesterreich. — 2009. — http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_Service/Integrationsstudie.pdf
17. Islam fuer jeden zweiten Oesterreicher eine Bedrohung. — 01.03.2010. — [Electronic recourse] / www. Der Standard. — Mode of access: <http://derstandard.at/1267131982424/Studie-zu-Religion-und-Freiheit-Islam-fuer-jeden-zweiten-Oesterreicher-eine-Bedrohung>
18. Junge Musliminnen Rebellion gegen veraltete Werte / [Electronic recourse] / www. Da Standard. — Mode of access: <http://dastandard.at/1329870463019/Junge-Musliminnen-Rebellion-gegen-veraltete-Werte?seite=2>; <http://dastandard.at/1326504363423/Muslime-in-Oesterreich-Untypisch-muslimisch>
19. Khorchide M. Der islamische Religionsunterricht in Österreich . [Electronic recourse] / www.

- Integrationsfond.at. — Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6395
20. Koechler H. Das Verhältnis von Religion und Politik in Österreich und Europa. — 25.05.2012. — S.9. — <http://hanskoechler.com/Koechler-Religion-Politik-%C3%96sterreich-ATIB-25Mar2012-V5.pdf>
21. Mehr Schuler, die zuhause nicht Deutsch sprechen. / Die Presse. — 28.08.2013. <http://diepresse.com/home/bildung/schule/1446123/Mehr-Schuler-die-zuhause-nicht-deutsch-sprechen>
22. Mehrzahl der Muslime in Westeuropa sind Fundamentalisten / Berliner Umschau. — <http://www.berliner-umschau.de/news.php?id=24022&title=Mehrzahl+der+Muslime+in+Westeuropa+sind+Fundamentalisten&storyid=1001386844025>
23. Muslime in Oesterreich. — Bundesintegrationsamtwebseite. — http://www.integration.at/media/files/studien/Muslime_in_Oesterreich.pdf
24. Österreich: "Kreuz gehört zur Identität Europas / Die Presse. — http://diepresse.com/home/panorama/religion/519476/index?gal=519476&index=1&direct=&_vl_backlink=&popup=
25. Österreichs Muslime strenger religiös / DiePresse. — 11.12.2013. — <http://diepresse.com/home/panorama/oesterreich/1503287/Osterreichs-Muslime-strenger-religios>.
26. Verbot der Grußformel "Grüß Gott" in Schulen (7988/AB). — http://www.parlament.gv.at/PAKT/VHG/XXIV/AB/AB_07988/imfname_221178.pdf
27. Verhaertete Fronte nach Aufhebung der Deutschpflicht / Die Presse. — 1.05.2012. — <http://diepresse.com/home/panorama/integration/753893/Verhaertete-Fronten-nach-Aufhebung-der-Deutschpflicht>
28. Wen die Wiener Migranten wählen. / Die Presse. — 23.07.2013. — <http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/1433229/Wen-die-Wiener-Migranten-waehlen>
29. Wer stark ist, hat keine Angst und pflegt den Dialog . — 13.04.2011. — [Electronic recourse] / [www. avusturya.zaman.com.tr](http://www.avusturya.zaman.com.tr). — Mode of access: http://avusturya.zaman.com.tr/at/newsDetail_getNewsById.action?newsId=249899
30. Zahl der Muslime in Österreich wächst beständig. <http://kathpress.vivolum.net/site/focus/meldungen/islam/database/47759.html> des Internetauftritts der Katholischen Presseagentur Österreich. <http://kathpress.vivolum.net/site/focus/meldungen/islam/database/47759.html> des Internetauftritts der Katholischen Presseagentur Österreich.
31. Заметки на стене: Анализ избирательной кампании в национальный парламент октябрь 2013 г. Die Zeichen an der Wand. S.36. URL: http://www.dieweisewirtschaft.at/ZeichenanderWand_NRW_2013.pdf
32. Ислам глазами населения Австрии URL: <http://images.derstandard.at/2010/04/07/IMASreport.pdf>

Biriyukov Sergey

IMAGE OF MODERN RUSSIA: WESTERN STEREOTYPES AND RUSSIAN REALITY

Abstract: *Although today's public and political conscience is supposed to be rational and even "technocratic", it is also guided by myths and stereotypes. Ambivalent Western attitudes towards Russia, and anti-Russian negativism in particular, generate and reproduce political myths. The author critically discusses most frequent Western stereotypes about modern Russia.*

Key words: *myth, stereotype, public consciousness, political conscience, political myths, Russophobia, Russian civilization, Russia's image in the world, the image of Russia abroad, Russia's image in the West, Western stereotypes about Russia.*

Byzov Leontiy

ANATOMY OF CONSERVATIVE MAJORITY

Abstract: *The article considers basic public values in modern Russia, analyzing data collected by two sociological research centers: the Institute of sociology and WCIOM. The author finds that the contraposition between conservative majority and liberal minority is partly artificial. It relates to archetypes of mass consciousness which are often in conflict with real-life attitudes.*

Keywords: *conservatism, neo-conservatism, liberalism, national identity, traditionalism, values, public opinion, archetypal consciousness.*

Kondratev Vladimir

WHY ARE STATE-OWNED OIL COMPANIES NECESSARY?

Abstract: *The article examines the role of state-owned oil companies in national and global economies, their ties with the national economic interests of oil producing countries, as well as political and social aspects of NOCs activities.*

Key words: *national oil companies, NOCs, social and economic efficiency, the role of the state, industrial policy.*

Pinyugina Elena**RELIGIOUS FOUNDATIONS OF NATIONAL IDENTITY AND IMMIGRATION:
THE AUSTRIAN CASE**

Abstract: *Austria entered the XXI century as the first European country, where growing immigration and multicultural discourse met negative response from a significant part of population. The author considers perceptions of Islamic communities in Austrian society; anti-immigrant parties electoral results; the Austrian muslims' identity and their propensity to be integrated. The cultural, identity dimension of greater tensions caused by migration is particularly highlighted.*

Key words: *national identity, cultural code, multiculturalism, immigration, Muslim communities, migration, Muslim immigration, Austria, anti-immigrant sentiment, xenophobia, fundamentalism.*

Trukhachev Vadim**CZECH REPUBLIC AS A PARTNER OF RUSSIA**

Abstract: *The article gives a historical perspective on Czech Republic's identity and its international positioning. Divergent policies by V. Havel and V. Klaus, as well as the contradictory declarations of the actual country president M. Zeman, have their historical background. They reproduce conflicting Czech perceptions of Russia with a 200-year-old history.*

Key words: *Czech Republic, Russian-Czech relations, Czech perspectives on Russia, Russophiles, Russophobes, the perception of Russia, Czech foreign policy, Tomash Masaryk, Milosh Zeman, Vaclav Klaus.*

Yakovlev Petr**BRAZIL ON THE WAY TO GLOBAL POWER STATUS
(THE MILITARY-INDUSTRIAL ASPECT)**

Abstract: *Brazil is becoming a global empire of the XXI century. That is due to its economic growth, but also to other developments. The country increasingly invests in military complex. The new military-economic policy implies developing its own defense industry, largely through State-sponsored contracts. Brazilian arms exports are also on the up.*

Key words: *international economics, international politics, Brazil's economy, Brazil's military-industrial complex, defense industry.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

E-journal «Perspectives and prospects»
2015 — спецвыпуск

journal.perspektivy.info

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11
тел./факс: +7 (495) 789 80 87